

З. Ю. Копыцкий
В. В. Ченко

**ИСТОРИО-
ГРАФИЯ
БССР**

**Эпоха
феодализма**

Проверено
2007

ФОРМУЛАР КИЊИ

Ф № 9

ТЗ(ЗБ)

Ук 3242

К-659

Компосити 3.10.

Петро П. В.
Проверено
Президи БССР:

Историч. феодализам

65к.

Эпоха феодализма

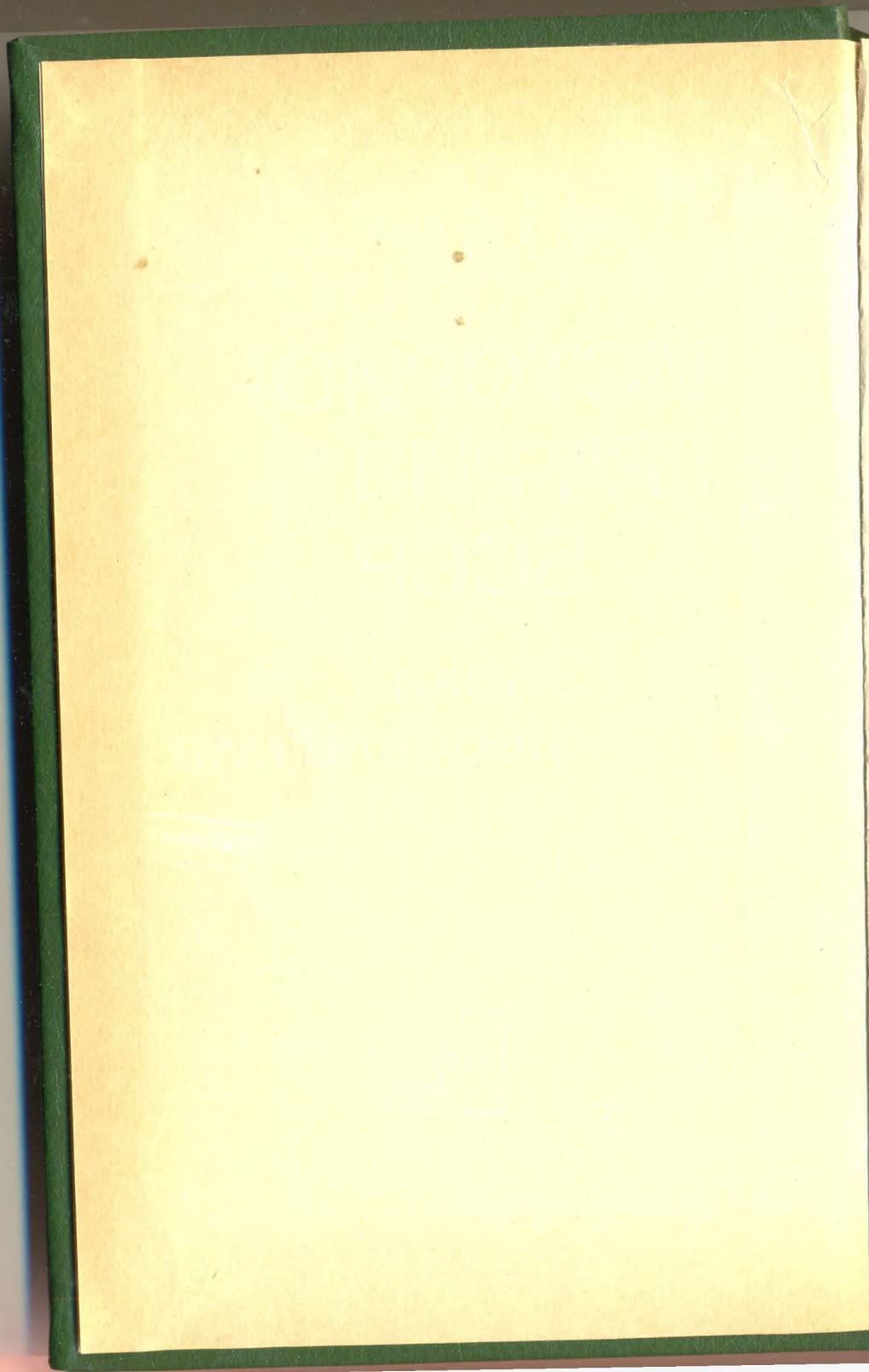
1986

Академия наук БССР

Учреждение культуры и искусства

18.01.2006

3.03.2007

T3(25)
K659

З. Ю. Копыцкий
В. В. Ченко

ИСТОРИО- ГРАФИЯ БССР

Эпоха феодализма

мвб
968

Научный редактор
доктор исторических наук
Я. Н. М а р а ш

Кабинет

Допущено Министерством высшего и среднего специального образования БССР в качестве учебного пособия для студентов исторических факультетов

БІБЛІЯТЭКА
БЕЛДЗЯРЖУНІВЕРСІТЭТА
Імя У. І. ЛЕНІНА

МИНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «УНИВЕРСИТЕТСКОЕ»
1986

144

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее учебное пособие посвящено изучению феодального периода истории Белоруссии в досоветской и советской историографии.

Материал, излагаемый в пособии, является органической частью спецкурса «Историография истории БССР», который читается на историческом факультете Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина (на 3—5-м курсах).

Предметом обзора являются монографические исследования по следующим вопросам: история крестьянства и аграрных отношений, правовых принципов общества, классовой борьбы, феодального города, национально-освободительного, общественно-политического движения и общественной мысли.

Главное внимание уделяется теоретической позиции авторов рассматриваемых работ, исходным принципам, на которые они опираются, выяснению значения каждого историографического явления для понимания развития Белоруссии в условиях феодального способа производства, показано качественное отличие советской историографии как высшего этапа в развитии историографии.

Общетеоретические вопросы и тот исторический материал, который студенты должны знать из ранее изучаемых курсов истории СССР, истории БССР, историографии СССР, в пособии не повторяются. Тем не менее, в ходе анализа трудов по истории Белоруссии в эпоху феодализма большое внимание уделяется выяснению методологии и методики, на основе которых историки освещали избранную ими тему. Решение этой задачи позволяет учебному пособию выполнить свое назначение — способствовать выработке критического отношения к историо-

графическому наследству, четкому представлению, как развивались, каким идейным, классовым целям служили дворянская, клерикальная, буржуазная историографии, какую социальную функцию они выполняли.

Принципиальное значение для овладения курсом историографии и, в частности, истории Белоруссии эпохи феодализма имеет глубокое изучение трудов основоположников марксизма-ленинизма, посвященных отечественной истории и методологии исторического познания. Во всей полноте должна быть усвоена ленинская концепция истории нашей страны.

Ограниченный объем пособия не позволил рассмотреть общие обзорные труды, статьи и сборники документов. В пособие не включены также многие книги по различным вопросам истории культуры белорусского народа в эпоху феодализма. Эта проблема крайне специфична и представлена столь узкоспециальными исследованиями, что требует самостоятельного изучения. К таким работам следует отнести, например, монографии Л. А. Молчановой «Очерки материальной культуры белорусов в XVI—XVIII вв.», М. С. Кацера «Архитектура белорусских городов XVII—XVIII вв.», Ю. А. Егорова «Градостроительство Белоруссии», В. А. Чантурия «Архитектура Белоруссии конца XVIII — начала XIX в.», Н. С. Дробова «Живопись Белоруссии XIX в.» и ряд других.

Настоящее учебное пособие как первый опыт подобного рода литературы в республике не может, конечно, претендовать на исчерпывающее освещение всех необходимых в подобном издании вопросов.

**БЕЛОРУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
ДОСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА**

1. Белорусское летописание XV—XVIII вв.

Белорусские летописи запечатлели ряд существенных явлений истории белорусского народа в условиях феодальной эпохи. Особенности содержания белорусского летописания обусловлены идейной позицией авторов летописей.

Краткие летописные редакции. Ранний этап белорусского летописания представлен так называемыми краткими летописными редакциями. К ним относятся Супрасльский, Уваровский, Познанский, Никифоровский, Академический списки, «Хроника о великих князьях Литовских», «Летопись Авраамки». Эти летописи возникли не ранее конца XIV в. и не позднее первой половины XV в.

Идейные мотивы, содержание и методика изложения кратких редакций тесно связаны с древнерусской летописной традицией. Белорусский советский литературовед В. А. Чемерицкий отметил существенное влияние традиции древнерусского летописания на белорусское¹. Оно, естественно, было обусловлено их глубокой идейно-теоретической близостью. В *Супрасльском кратком списке* заимствованного материала из «Повести временных лет» около половины. Так же, как в «Повести», с большой страстью осуждены зверства орд Батыя. Отчетливо видна политическая позиция белорусского летописца при описании сражения Александра Невского со шведами в 1240 г. Автор восторгается мужеством и умом этого князя. Ясно видно стремление летописца поднять престиж Новгорода как достойного преемника Киева. Прослеживается идея возвышения княжеской власти. Как и

¹ *Чамярыцкі В. А.* Беларускае летапісанне як помнік літаратуры (Узнікненне і літаратурная гісторыя першых зводаў). Мн., 1969.

автором «Повести», им руководит идея освобождения родины от иноземных поработителей. Автор «Повести» раскрывает ее, описывая борьбу с кочевниками, а белорусский летописец — рассказывая о борьбе с татарами. С удовлетворением говорит он о поражении татар в битве на реке Воже (1378 г.), описывает победу на Куликовском поле.

Как и в «Повести временных лет», текст Супрасльской краткой редакции отражает влияние настоящего на изложение событий прошлого. Такая методологическая позиция проявляется в том внимании, которое уделяется трем темам: татарскому нашествию, деятельности великих князей московских, деятельности великих князей литовских. Первый сюжет оставался острым и для второй половины XV в., так как Крымское ханство продолжало совершать набеги на Литовское княжество и на Русское государство. Второй сюжет объясняется ведущей ролью, которую стало играть в XV в. в судьбах всей Руси Великое княжество Московское. А большая роль Великого княжества Литовского в судьбах западных земель Руси определила интерес, проявленный к деятельности и родословной великих князей литовских.

Идейной основой Супрасльской летописи является концепция провиденциализма, безраздельно господствовавшая в мировоззрении раннего и развитого феодального общества. Все победы, поражения, успехи и неудачи князей летописец объясняет «промыслом божьим», божьей волей. По мнению летописца, бог карает и тех властителей, которые поднимают руку на духовенство, эта идея проводится в рассказе о борьбе Сигизмунда и Свидригайло. Поражение последнего летописец объясняет тем, что он сжег в Витебске митрополита Герасима и «поможе бог великому князю Жигимонту».

Традиционная методика изложения событий. Стержнем изложения являются погодные записи. Те годы, в которые не произошло никаких примечательных событий, в отличие от «Повести», в тексте Супрасльской летописи не упоминаются.

Как и в «Повести», белорусский летописец отбирает для изложения только те факты, в которых рассказано о деятельности князей, военачальников, высшего духовенства. В этом полностью отражается взгляд на историческое развитие как результат деятельности государей. Таким образом, обе летописи отражают политиче-

скую позицию и теоретические принципы летописца, обусловленные интересами господствующего класса феодалов. В связи с этим сложились и методические приемы отбора и изложения событий, характеристика фактов, определение причин и следствий. Белорусский летописец, в отличие от автора «Повести», не видит в феодальных междоусобицах повода для критики и не упрекает феодалов в том, что они своими распрями губят Русь. Вполне в духе феодальной идеологии выдержано описание городских восстаний «черни» в Смоленске.

Вместе с тем белорусскому летописцу в XV в. стали чуждыми многие темы и сюжеты, волновавшие летописцев Древней Руси в XII в. Потеряли актуальность идеи единства, величия, престижа Киевской Руси, ее независимости от Византии, как это четко выступает в «Повести»; не тревожат белорусского летописца битвы с кочевниками-печенегами, половцами, хазарами. Новые политические условия диктовали свои сюжеты и темы, ставшие для белорусского летописца более актуальными.

Особое внимание летописец уделяет событиям в Великом княжестве Московском, отношениям его князей с Ордой и соседними княжествами, подчеркивая ведущую роль Московского княжества в борьбе против татарского ига. Столь же внимателен автор к делам новгородских, владимирских князей. С середины XIV в. все больше рассказывается о действиях великих князей литовских. В этом переключении главного внимания летописца отражается прямая зависимость между прошлым и настоящим. Белорусский летописец искал в прошлом объяснения тех событий, которые обусловили современное ему положение на Руси и в Великом княжестве Литовском. Белорусский летописец с симпатией относится к литовским князьям. Он восторгается великим князем Витовтом, подробно рассказывает о почете, которым окружали его соседние государи. В ряде мест летописи содержится попытка определить причины установления власти великих князей. Так, мятеж в Смоленске в 1401 г. он объясняет тем, «что одни хотели Витовта, а другие отчича князя Юрия». Полоцк и Витебск покорились в 1436 г. великому князю литовскому Сигизмунду, «не чуя себе помощи ниоткуля».

Супрасльский список существенно отличается от «Повести временных лет» изложением церковно-религиозного сюжета. В «Повести» он нередко представлен в фор-

ме пространного богословского трактата, тогда как белорусский летописец ограничился лаконичной церковной хроникой.

В целом, судя по Супрасльскому списку, белорусское летописание по сравнению с «Повестью временных лет» является более светским, более близким к реальному пониманию фактов, более чутким к причинам и следствиям описываемых событий. Так, делается попытка установить связь между Киевской Русью, становлением Великого княжества Московского и Великого княжества Литовского. Она образует один из исходных принципов краткой редакции летописей. Идейный замысел Супрасльской летописи — раскрыть влияние Руси на ход всей общественной жизни, политическую организацию Великого княжества Литовского.

Другие списки кратких летописей — Уваровский, Никифоровский, Академический представляют варианты Супрасльского и отражают те же методологические и методические принципы. Списки Виленский, Погодинский, Дубровенский также не имеют существенных отличий.

Пространные летописные редакции. Эти летописи, составленные в XVI в. (к ним относятся: «Хроника Быховца», списки Познанский (Рачинского), Евреиновский, Румянцевский, Патриарший, Ольшевского, Археологического общества, а также «Летописец» Красинского), содержат несколько вариантов неизвестного исторического произведения, отличающихся по форме и характеру изложения. Каждый из них — самостоятельное своеобразное явление в средневековой белорусской историографии.

Наиболее полным вариантом является Познанский список (Рачинского) — «Летописец Великого княжества Литовского и Жомойтского». Он отличается от Супрасльского как по структуре, так и по предмету изложения, оценке исторических событий. Методика изложения в нем не погодная (такой принцип сохранен только в конце текста, при передаче событий первой половины XVI в.), а повествовательная, построенная по тематическому признаку, причем каждый раздел снабжен заголовком.

Список Ольшевского написан на польском языке и носит название «Великого княжества Литовского и Жмудского хроника». «Хроникой» назван и список Археологического общества. Появление этих «Хроник» объясняется намерением их авторов обосновать право-

мерность власти литовских князей древностью их рода, не уступающего князьям Польши и Руси².

Текст Познанского списка целиком посвящен повествованию о деяниях великих князей литовских. Исходным сюжетом служит легенда о римском происхождении первых 500 поселенцев Литвы, бежавших во времена Нерона во главе с родственником императора Палемоном. Легенда, очевидно, взята из хроники «Длугоша». Главное внимание уделено войнам, которые вели великие князья литовские с внешними врагами, их борьбе за власть с претендентами на великокняжеский престол, а также стремлению великих князей литовских подчинить себе земли Руси. Такой направленностью изложения, отсутствием тематической пестроты эти расширенные редакции отличаются от списков краткой редакции, откуда автор этого исторического труда взял рассказы о великих князьях литовских.

Деянием каждого литовского князя отводится отдельный раздел с соответствующим заголовком. Иногда в эти разделы включены события, происходившие в бытность того или иного князя (например, «О Московском побоище»). Ряд разделов прямо заимствован из кратких редакций (тексты о князе Андрее Полоцком, Святославе Смоленском, о великом князе Витовте и др.), упоминаются польские хроники. Однако заимствования составляют небольшую часть.

Примечательна попытка автора «Летописца» связать легенду о Палемоне с происхождением названия местного населения. Согласно этой версии, один из сыновей Палемона Кернус с подвластными ему людьми явился из пределов Жемайтии в Завилейскую область. Они осели на побережье и здесь «игривали на трубах дубасных», что дало повод Кернусу обозначить свой край на родном языке (т. е. по-латински) двумя терминами: «литус» и «тубус» (от *litus* — побережье, *tubus* — труба). Но, замечает летописец, «простые люди не вмели знать по латине и почали звати Литвою»³. Следовательно, не пришельцы-римляне, а местные жители, «простые люди», жившие в Завилейских землях, дали название своей стране — Литва.

Автор «Летописца» по-своему объясняет причины рас-

² См.: Чамярыцкі В. А. Назв. тв., с. 149, 150.

³ ПСРЛ. Спб., 1907, т. 17, с. 298.

пространения власти литовских князей на русские земли — Батый уничтожил всех князей на Руси, сжег ее столицу Киев. Княживший в то время в Литве Монтовилл, узнав, что «мужыки мешкают без господара», так как «русская земля спустошена и князи русские разогнаны», направился в Друцкую землю, а сына послал к Неману, где тот построил Новгородок. Власть Витовта утвердилась на Подолии потому, что он и его братья Кориатовичи с согласия местных правителей защитили эту землю от татар, построили города. Этот взгляд является ведущим во всем повествовании о великих князьях литовских. Автор стремился возвысить военную славу литовских князей, объяснить победами над внешним врагом факт установления их власти над русскими землями.

В «Летописце» неоднократно обращается внимание на такое средство утверждения власти литовских князей на Руси, как брачные связи с представительницами местных княжеских родов. Отмечаются также факты принятия князьями православия и «науки языка русского».

Необходимо подчеркнуть, что автор «Летописца», рассказывая о войнах с татарами, немцами, пруссами, неизменно подчеркивает единство действий «сил русских и литовских». В отличие от кратких редакций в пространный вариант провиденциализм проявляется гораздо слабее. Причины побед и поражений объясняются военным талантом князей. В тексте отсутствует стремление к использованию исторического повествования в религиозно-назидательных целях. В повествованиях о деяниях великих князей литовских преобладает беспристрастный, далекий от угодливости тон. Значительно меньше внимания уделяется знамениям, чудесам, нет сообщений о церковных делах. Внимание автора занимают светские дела, причем события последнего времени. В ряде мест изложение приобретает характер политической хроники; особенно это проявляется при изложении событий первой половины XVI в.

О политической позиции автора «Летописца» можно судить по его враждебному отношению к Польше. Он везде подчеркивает сопротивление великих князей литовских притязаниям правителей Польши на территорию Великого княжества Литовского. Ягайло, ставший польским королем, обрисован как клятвопреступник и убийца.

Отмеченные исторические идеи во многом отличны от взглядов предшествовавших авторов. Сконцентрировав

внимание на повествованиях о великих князьях литовских, автор «Летописца» впервые создал труд по истории государства, воплощением которого для него была деятельность великого князя литовского. Военные успехи этого государства он неизменно объясняет тем, что силы ему давали Литва и Русь.

Содержание «Летописца», его язык, характер изложения дают основание предположить, что автором его был белорус, близкий к великокняжескому двору. Патриот Великого княжества Литовского, он рассматривает его историю и его успехи в неразрывной связи с ролью русского населения княжества.

Шагом вперед в развитии исторической мысли являлось преобладание светского взгляда на историю; это было прогрессивным явлением в условиях безраздельного господства религиозного мировоззрения.

В «Хронике Быховца» историки различают три текста: один приписывают литовскому автору, другой — белорусу, третий составлен на основании ряда источников⁴. Это произведение можно считать завершением почти двухвекового развития белорусско-литовской историографии. Четко прослеживается связь «Хроники Быховца» с Познанским списком пространной летописи («Летописец Великого княжества Литовского и Жомойтского»). Однако уже в начале «Хроники» выступает определенная идейная направленность сюжетных вставок и правок, которые заметно меняют взгляд на историю Литвы, присущий «Летописцу». Так, замена версии о бегстве Палемона от Нерона рассказом о его бегстве от жестокостей гонителя христиан предводителя гуннов Атиллы отчетливо выдвигает на первый план религиозный мотив. По этой новой версии Литовское княжество было основано христианами. Связь с «Хроникой Быховца» прослеживается и в дальнейшем. Так, в ней опущены описания из «Летописца», в которых говорится о язычестве литовских князей. «Хроника» пытается истолковать историческое прошлое литовцев в свете сближения их язычества с христианским вероучением.

Другим методологическим отличием этой хроники является сам подход к трактовке места Руси в истории Великого княжества Литовского. Существенно меняет

⁴ Флоря Б. Н. О «Летописце Быховца»: Источники и историография славянского средневековья. М., 1967, с. 135—144.

изложение легенды о Палемоне в «Летописце» добавление в «Хронике» рассказа о походе внуков Палемона на Русь к Браславу и Полоцку и о захвате большой добычи и множества пленных. История создания Великого княжества Литовского трактуется как завоевание и подчинение Литвой Руси. Вся история Руси изложена только в связи с деятельностью великих князей литовских, хотя, как и в «Летописце», военные успехи объясняются совместными действиями литовских и русских войск. Вместе с тем, в «Хронике» отчетливее, чем в «Летописце», видно сопротивление русских князей подчинению своих земель власти литовских князей.

Заметно отличается «Хроника Быховца» от «Летописца» и других пространных хроник открытым восхвалением могущества Великого княжества Литовского, воинственности литовцев, родовитости литовских князей. Основная заслуга в победе над крестоносцами при Грюнвальде в 1410 г. приписывается литовскому войску. Нарочито подчеркивается древность и знатность литовских феодальных родов и неродовитость польской шляхты, бездействие последней во время Грюнвальдской битвы. Стремление возвысить роль литовской знати продиктовало и отбор материала для «Хроники». Так, в большинстве описанных битв литовские воины проявляют образцы мужества, стойкости, находчивости, благодаря чему одерживают победы. Не случайно отмечено в ней и то, что ратная сила литовского войска особенно усилилась после того, как великие князья литовские приняли христианскую веру. Витовт, как ревнитель христианства, основатель многих костелов, назван «вторым апостолом божьим». Составители «Хроники» часто прибегают к портретным характеристикам великих князей; особенно выразительно описаны личности Витовта, Ягайло. Целая повесть посвящена слуцкому князю Семену Михайловичу, его борьбе с татарами. По методике изложения «Хроника» также отличается от «Летописца»: здесь нет деления текста на разделы по периоду правления каждого великого князя.

Местные летописи. С середины XVII — в начале XVIII в. возникают локальные летописи. Интерес к местной истории отражал недовольство литовско-белорусских князей подчиненным положением Великого княжества Литовского в составе Речи Посполитой, возроставшим влиянием польских феодалов.

На востоке Белоруссии, где это влияние проявлялось в меньшей мере, летописная традиция сохранила значение как средство выражения местных интересов феодалов и городов. В связи с этим возникли своеобразные исторические произведения, соединявшие в себе некоторые черты летописания XV—XVI вв. и новые формы развития исторического знания. Таким произведением является так называемая *Баркулабовская летопись*. Летопись написана на белорусском языке жителем местечка Баркулабово, по всей вероятности духовным лицом, близким к владельцам местечка князьям Соломорецким. События, освещенные в летописи, относятся ко второй половине XVI — началу XVII в. Главное внимание автора сосредоточено на событиях, происшедших в Поднепровье, в различных городах и селах востока Белоруссии и в самом селе Баркулабове, причем в центре его внимания — семейная хроника владельцев села.

Существенно меняется характер изложения, когда автор рассказывает о развернувшейся с конца XVI в. борьбе против церковной унии. Летописец открыто выступает против нее. Гонения на православных, насаждение католицизма, по мнению автора, вызывали войны, опустошение, голод и мор. Уния рассматривается как страшная беда. Провиденциальная трактовка событий используется для компрометации церковной унии. Однако автор избегает крайних выпадов против католической церкви и выражения симпатий борьбе народных масс против унии, в частности горожан Могилева, Полоцка, Витебска, Орши, хотя и сообщает об этих событиях. Более того, в движении казачества, направленном против гнета и произвола феодалов, он не видит с конца XVI в. широкого участия белорусского крестьянства.

К владельцу Баркулабова князю Богдану Соломорецкому летописец испытывает явно верноподданнические чувства, называя его «славным, набожным милоником церкви божей».

Автор продолжает традицию летописей, сообщает сведения о стихийных бедствиях, постигших Белоруссию в последние два десятилетия XVI и в первые годы XVII в., причем придает им в связи с введением унии значение божьего предзнаменования, выражение господнего гнева. Вследствие этого летописец не ограничивается лаконичным сообщением о различных бедствиях (град, морозы, засухи, эпидемии, наводнения и др.), а рисует полную

трагизма картину массовой гибели людей, их страданий и мучений.

Антиуниатская направленность содержания Баркулабовской летописи объясняет и интерес, проявляемый летописцем к событиям в Москве. Это не только свидетельство современника, но и выражение поддержки Русского государства. Летописец специально помещает в летописи грамоту послов великого князя Московского к королю Стефану Баторию с предложением о мире. Рассказ о Лжедмитрии построен на официальной версии московского правительства.

Летопись не проникнута духом активного протеста, гневного обличения, в ней преобладает жалоба, предчувствие разраставшейся катастрофы как следствия «богопротивной унии».

При всем разнообразии сюжетов, сведений, внешне не связанных друг с другом, Баркулабовская летопись предстает как историческое сочинение, пронизанное единым замыслом: осудить церковную унию. Для аргументации этого автор описывает положение народных масс в годы стихийных бедствий. Отличающая эту летопись эмоциональная приподнятость обусловлена не социальным протестом, а религиозной настроенностью автора.

Баркулабовская летопись с точки зрения методологии и методики является уникальным произведением. Антиуниатская концепция придает ей идейную направленность и структурную целостность, определяет своеобразную форму построения аргументации. Летописная форма приобрела здесь неизвестную ранее функцию средства создания единого по замыслу труда, в котором унию осуждают прошлое и настоящее, высшие сверхъестественные силы и сама жизнь.

Совершенно в иной манере написана *«Хроника Витебска»* — так называемая летопись Панцырного и Аверки. Ее цель — регистрация фактов, событий. В ней как бы возрождаются самые слабые, устаревшие черты летописания. Крайне ограничен круг явлений в истории города, привлечший внимание летописца; описываются только те события, которые указывают на роль Витебска в деяниях королей. Главное в них — войны, поэтому в летописи фиксируется все, чем участвовал Витебск в бесконечных войнах, — поставки продовольствия, постой войск, участие горожан в сражениях и пр. Отмечены случаи пожаров, эпидемии.

Другое летописное произведение — «Хроника Могилева» составлялась его жителями в течение XVI—XIX вв. Здесь сообщения о правах и привилегиях, данных городу королевскими грамотами, о событиях в городе, разбиравшихся королевским судом, и собственные свидетельства авторов хроники. Последние охватывают события конца XVIII — начала XIX в.

Традиционным является включение многочисленных сообщений о необычных явлениях природы, знамениях, чудесах, причем иногда они перерастают в более пространные повествования, чем в других летописях. К разного рода чудесам авторы относятся если не с полным доверием, то и без явного скептицизма.

Религиозное мироощущение пронизывает содержание «Хроники», однако само произведение имеет сугубо жизненную направленность. В центре внимания — дела и заботы горожан в связи с внешними событиями. Авторы не выражают своего отношения к событиям, а ограничиваются лишь описанием, констатацией фактов (в такой манере описано восстание 1610 г.). Крайне редко они обращаются к выяснению причин событий.

Почти 2/3 текста посвящено описаниям событий 90-х годов XVII в., причем главная тема — поборы с населением, учиненные войсками, проходившими через город и квартировавшими в нем. Мало интересуются авторы социальной и хозяйственной жизнью города. Подробно описаны лишь пожары, главным образом церквей.

При ценности отдельных свидетельств «Хроника Могилева» как историческое произведение конца XVI — начала XIX вв. — архаическое явление. Метод ее построения примитивен: в хронологическом порядке расположены сообщения о событиях, легендарные рассказы, документальные свидетельства и личные наблюдения. Причинная связь между ними отсутствует.

2. Дворянские и клерикальные историки

Начало изучению истории белорусских земель на рубеже XVIII—XIX вв. положили лучшие представители русской науки — В. Н. Татищев (1686—1750 гг.), М. В. Ломоносов (1711—1765 гг.), И. Н. Болтин (1735—1792 гг.). У М. В. Ломоносова мы находим краткое упо-

минание о Белой и Черной Руси. В своих замечаниях на работу Г. Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского» М. В. Ломоносов отстаивал автохтонность в качестве исходного теоретического принципа понимания истории Руси. Он считал, что земли, населенные «белоросскими, где ныне Новгородок, воеводства Минское, Мстиславское, Витебск и Полоцк...», являются органической частью Руси⁵.

В. Н. Татищев⁶ выделяет из территории Древней Руси Белую Русь. Под ней он понимал земли с центрами Ростовом, Переяславом, Суздалем, Стародубом. Освещая историю Полоцкого княжества, Татищев различал три периода. Первый — существование местного княжения. Второй — то время, когда полочане, «согласясь с новгородцы, демократию (вече) ввели»; третий — когда Полоцк и его уделы «под власть литовскую отдаться принуждены»⁷. В этих определениях Татищев угадал смену черт общественной жизни, что для его времени составляло шаг вперед в формировании принципа историзма.

Ближе к истории Белоруссии феодальной эпохи стоит произведение Н. Н. Бантыш-Каменского (1757—1814 гг.) — «Историческое известие о возникшей в Польше унии». Он видит в церковной унии выражение светских интересов папства, средство государственной политики и результат компромиссной позиции верхов православной церкви, вызвавшие в средних и низших слоях общества открытое сопротивление⁸. Такое понимание этого явления формировала прагматическая точка зрения автора, т. е. соединение в причинно-следственный ряд субъективных действий и целей.

Восстание 1830—1831 гг. дало повод дворянским и клерикальным историкам поставить вопрос об исторических судьбах Западной Руси. В 1848 г. вышла в свет небольшая работа «Взгляд на историю Западной Руси». Неизвестный автор ограничился несколькими утверждениями о главных чертах истории этого края. Исходным фактом характеристики Великого княжества Литовского он считает преобладание русского православного населения, на основании чего считает правомерным называть

⁵ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.—Л., 1952, т. 6, с. 36.

⁶ Татищев В. Н. История Российская. М., 1962, т. 1, с. 61.

⁷ Там же, с. 352.

⁸ Бантыш-Каменский Н. Н. Историческое известие о возникшей в Польше унии. М., 1805, с. 95, 408.

это государство Белоруссией⁹. Содержание исторического прошлого Западной Руси автор свел к истории православной церкви и религии. Целью всего изложения является стремление подчеркнуть отрицательную роль католической церкви и Польши в исторических судьбах западных земель Руси.

Одним из первых дворянских историков России XIX в., обратившим более пристальное внимание на историю Белоруссии, был *Н. Г. Устрялов* (1805—1870 гг.). В работах «Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать княжество Литовское» (1839) и «Русская история» (1837—1841) он привел ряд важных исторических фактов из истории белорусских земель XVI—XVIII вв. Однако он освещал эти факты (Люблинская и Брестская унии, восстание казачества, русско-польская война и др.) с целью оправдания официальной политики царского правительства в Белоруссии. Устрялов выступал против тех, кто «смотрит на Литву и соединившиеся с нею области как на польские провинции», и, опираясь на исторические факты, заявлял, что эти земли исконно русские.

В середине XIX в. история Белоруссии получила некоторое освещение в обзорных трудах и курсах лекций русских историков *К. Н. Бестужева-Рюмина*, *С. М. Соловьева*, *В. О. Ключевского* и *Н. И. Костомарова*. Белорусские земли они рассматривали как одну из составных частей Российской империи, поэтому о Белоруссии писали лишь в разделах, освещавших внешнюю политику России, главным образом войны России с Польшей. В 1855 г. была издана книга *М. О. Без-Корниловича* (1796—1862 гг.) «Исторические сведения о примечательных местах Белоруссии». Однако автор свел свой труд к подбору летописных свидетельств, сообщений о князьях, уделах, войнах, религиозных событиях, которые формируют представление о Белоруссии как неотъемлемой, органической части Российской империи. Узкое понимание предмета и задачи изучения помешало этим авторам исследовать подлинную историю Белоруссии, всю специфику исторического процесса в феодальную эпоху.

Попытку более широкого и направленного изучения истории Белоруссии содержит книга *О. В. Турчиновича* «Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен»

⁹ Взгляд на историю Западной Руси. Спб., 1848, с. 11, 36, 37.

(Спб., 1857). Он поставил две цели — охарактеризовать Белоруссию как страну и ее историю как самобытные объекты изучения. Свой труд автор считал первым систематическим изложением истории Белоруссии¹⁰. В согласии с принципом дворянской историографии: в деяниях государя заключена история народа, он свел всю историю к описанию политических событий. Социальную и экономическую стороны развития общества О. В. Турчинович полностью игнорирует. Заметно меньше своих предшественников он уделяет внимания религиозно-церковной проблеме. В соответствии с другим принципом дворянской историографии он резко отрицательно относится к народным движениям, не признает роли народных масс в истории. История Белоруссии излагается путем компиляции сведений из летописей, сочинений польских историков Нарбута, Лелевеля, русских — Татищева, Карамзина, Соловьева, Устрялова.

В истории Белоруссии Турчинович различал два периода. Первый, с начала XV и до конца XVII в., включал собственно историю Белоруссии, которая была тесно связана с историей Литвы, Польши и России. Второй период начинался с конца XVII в., история Белоруссии с этого времени, по его мнению, была «лишена всякой самобытности и исчерпывалась историей Польши и России»¹¹.

Показать самобытность развития Белоруссии Турчинович не сумел: период XV—XVII вв. не содержит в его книге никаких данных, ее раскрывающих. Весь этот период заполнен в книге подробностями о правлении великих князей литовских, о войнах, которые они вели. Рассказав о подчинении западно-русских земель литовским князьям, автор пришел к парадоксальному, ничем не обоснованному выводу: «Мало-помалу Западная Русь образовала новое самостоятельное государство — княжество Литовское»¹². Политику великих литовских князей автор представляет как «деяние в интересах всеобщего блага». Особенно восторженно оценивается деятельность Гедимины, Сигизмунда-Августа, Стефана Батория.

Всю историю Белоруссии Турчинович сводит к воен-

¹⁰ Турчинович О. В. Обзорение истории Белоруссии с древнейших времен. Спб., 1857, с. VIII.

¹¹ Там же, с. VII—VIII.

¹² Там же, с. 89.

ным событиям и религиозной борьбе, как это делали историки и до него. Но он опускает известные свидетельства о католической агрессии, акциях Ватикана и в преследовании православной церкви видит следствие деятельности не столько католиков, сколько униатов¹³.

К объяснению причин и характера освободительной борьбы украинского и белорусского народов Турчинович подошел с открыто клерикальных позиций. Ее антифеодальный характер остался вне внимания автора. В то же время выпячиваются принесенные народной войной разорения. При таком подборе фактов народно-освободительное движение украинского и белорусского народов теряет свой подлинный характер и представляется как ряд обычных военных эпизодов, описанных весьма подробно. В этом также четко видна позиция дворянского историка, отрицавшего социальные причины развернувшейся в середине XVII в. народной борьбы.

Отрицательное отношение Турчиновича к политическим действиям народных масс проявляется при описании им восстания жителей Полоцка в 1387 г. против Ягайлы, ставшего польским королем. Сама идея народной власти вызывает у Турчиновича резкое осуждение; с плохо скрытой неприязнью говорит он о Полоцке, ставшем республикой, вольным городом. Вечевой строй сделал город беззащитным, что позволило князю Мингайло завоевать в 1190 г. эту древнюю столицу Кривской земли. Еще дальше в осуждении народных восстаний идет Турчинович при описании восстания витебских горожан против диких преследований изувера Иосафата Кунцевича в 1623 г. Он характеризует это восстание как «ярость толпы, иступление черни, своеволие и бунт». Жестокую расправу над восставшими он вполне одобряет, отметив, что «наказание последовало достойное»¹⁴. В итоге он пришел к выводу, что Белоруссия в многовековом прошлом своей истории не имела, а была лишь ареной междоусобий, завоеваний, «перепутьем могучих соперников».

В ряде мест Турчинович подвергает сомнению достоверность отдельных фактов, заимствованных из польских хроник или летописей, однако не опровергает приводимые ими легенды о «божьих знамениях». Иногда он

¹³ Там же, с. 117, 144.

¹⁴ Там же, с. 205.

приводит несколько свидетельств об одном и том же событии, но всегда берет верх явная тенденциозность, идеализация действий великих князей литовских.

Крупным произведением, претендовавшим на обобщающее изложение истории Западного края, явилась работа М. О. Кояловича (1828—1891 гг.) «Лекции по истории Западной России», опубликованная в 1864 г. Автор восторженно приветствовал реформу 1861 г., которую он с монархических позиций оценил как «великое слово — воля народная», резко осудил восстание 1863 г. как одно из проявлений враждебной всему русскому «польской силы»¹⁵.

Коялович обстоятельно сформулировал свое представление об общих закономерностях, структуре и категориях, которые играют роль методологических принципов в его изложении истории Западной России.

В одной из лекций он провозгласил, что «в истории все имеет свою причину, свой смысл»¹⁶, однако в собственной работе не раз оказывался очень далеким от раскрытия истинных причинных связей.

К Западной России Коялович относит Украину, Белоруссию и Литву, которые, по его мнению, представляют собой единое целое; в чем суть этого единства, в каких явлениях оно прослеживается, автор не раскрывает, но решительно подчеркивает роль своего взгляда как исходной точки зрения.

Определяющим фактором исторического развития Западной России он считает столкновение «двух главных сил — русской и польской», причиной чему было стремление Польши «воссоздать свое господство и могущество на чужой русской земле».

Главной задачей своего курса лекций Коялович считал раскрытие истоков «польского триумфа» как определяющей черты прошлой истории Западной России. Он стремился проследить влияние Польши, приведшее к тому, что в Западной России сложилось «разделение между народом и верхним польским слоем, разделение национальной, религиозной, разделение преданий, начал жизни»¹⁷. Коялович формулирует свое понимание зако-

¹⁵ Коялович М. О. Лекции по истории Западной России. М., 1864, с. 10.

¹⁶ Там же, с. 182.

¹⁷ Там же, с. 13.

номерности истории Западной России следующим образом: это есть «история демократизма, ищущего своей древней, родной аристократии... ищущего древних родовых порядков жизни, то есть тоже русских и православных»¹⁸. Коялович этим заявлением искажил и попытался скомпрометировать идею демократизма как нечто чуждое народу.

Однако на деле Коялович не осуществил своего намерения поставить в центр внимания освещение истории народа; об этом свидетельствует предложенная им схема периодизации истории Западной России, в которой он различает пять этапов, отражающих те или иные черты государственно-политической унии Западной России с Литвой и Польшей. Роль народных масс в истории им полностью игнорируется, хотя слово «народ» часто употребляется в его лекциях. Как истинный представитель монархически настроенных историков, он осуждает вечевой строй в Полоцке, видя в нем «род правления, который меньше всего может принести пользы», который и был причиной овладения городом князем Мингайло. Ведущую роль в историческом развитии Коялович отводит деятельности князей и королей. К решающим факторам он относит православную религию и церковь, которые провозглашает «великим цивилизирующим началом»¹⁹.

В методологии Кояловича заметное место занимает теория иноземного влияния. Он различает два влияния: первое — русское, приведшее к сближению литовцев и белорусов, — положительное явление, которое привело к «усвоению литовцами русского склада жизни», вытеснившего «чисто литовские особенности»²⁰, второе оказывали западные соседи, в первую очередь «латино-германский мир», от которого поляки заимствовали «пристрастие к роскоши», отрицательно сказавшееся на социально-экономическом положении страны.

На Западную Россию иноземное влияние шло со стороны Польши, а не Западной Европы, автор считает этот фактор всеохватывающим в историческом развитии Западной России. До Кревской унии (1385 г.), по его мнению, «общественный быт Литовского княжества сло-

¹⁸ Там же, с. 15.

¹⁹ Там же, с. 119.

²⁰ Там же, с. 112—114.

жился по началам русской жизни»²¹. Последующее развитие унитарного процесса углубило разделение между Литвой и Русью, что породило впоследствии бессилие Литвы отстоять перед Польшей свою независимость.

Люблинская уния привела не только к потере национального развития, но и породила не известные ранее в Западной России социальные процессы. По мнению Кояловича, до унии здесь не было крепостных, а сельское население составляли свободные земледельцы. По мере опоячивания аристократия, в руках которой находилось большинство городов, все больше «превращала в хлопов» мещан²².

Антипольская позиция Кояловича привела его к искажению истории; уже в его время существовало немало публикаций документов, из которых было ясно, что крепостничество было известно в Западной России задолго до Люблинской унии. Это искажение прошлого — прямое следствие монархически-славянофильской природы его методологии.

Причиной подъема народной борьбы в середине XVII в., по утверждению Кояловича, явилось усиление религиозного преследования. Церковная уния, как он считал, породила обстановку, в которой история Западной России получила «по преимуществу народное направление», ибо вследствие опоячивания высшего сословия защита православия «перешла в руки народа», ряды которого составили казачество и мещанство. Горожане, по словам Кояловича, представляли собой многочисленное сословие, которое всецело «отдалось защите своей веры»²³.

Защита православия и антипольский характер всего движения середины XVII в. — вот основной тезис Кояловича, приведший к искаженной характеристике событий 1648—1667 гг., поскольку в ней игнорируется антифеодальная направленность борьбы, а решающая роль в этой борьбе отводится не народным массам, а личностям, стоявшим во главе борющихся сил.

Методологические основы концепции Кояловича сделали изложение истории Западной России искусственным, противоречивым. Подмена внутренних причин

²¹ Коялович М. О. Указ. соч., с. 208.

²² Там же, с. 218.

²³ Там же, с. 253—254.

развития внешним влиянием превратила историю Западной России в количественное накопление черт общественной жизни по «польскому образцу» при ослаблении местных традиций. Процесс исторического развития подменила смена одних форм другими, привнесенными извне.

Таким образом, Западная Россия представлена Кояловичем жертвой польской экспансии, осуществленной в угоду католической церкви. В связи с этим им отобран исторический материал, в котором преобладают факты и события из области религиозных отношений, политических целей, военных захватов. Как в методологии, так и в методике Кояловича проявились типичные черты ограниченности, субъективно-идеалистической, откровенно клерикальной направленности дворянской историографии.

Поскольку Белоруссия рассматривается в «Лекциях» как органическая часть Западной России, автор уделит ей лишь несколько вскользь брошенных замечаний.

Почти одновременно с «Лекциями» Кояловича была опубликована книга *П. Щебальского* «Рассказы о Западной Руси» (М., 1864). В ней еще более примитивно история Западного края представлена как история религиозных гонений и сопротивления им народа. Как и Коялович, Щебальский пытался придать наступлению католичества и униатства социальную окраску. Он представил его как фактор, породивший, якобы, усиление князьями и дворянами гнета крестьян в отместку за сохранение ими верности православию. Вся история Белоруссии сведена к судьбам православной церкви и религиозной борьбе.

В 1867 г. в Вильно вышла книга профессора *И. Д. Беляева* (1810—1873 гг.) «Очерк истории Северо-Западного края России». Как отмечалось в предисловии, целью издания книги было «способствовать развитию у учащихся верных понятий об исконном господстве православия и русской народности в здешней стране». С работой Кояловича ее роднит определяющая все изложение концепция, рассматривающая историю северо-западных земель до Кревской унии (1386 г.) как борьбу против «напора латинства и неметчины»²⁴.

²⁴ *Беляев И. Д.* Очерк истории Северо-Западного края России. Вильно, 1867, с. 65, 80, 92.

Определяющее значение в освещении истории северо-западных земель Руси придает автору колонизационной теории — версии об образовании Новгородом своей колонии — Полоцка. Это событие положило, по его утверждению, начало колонизации славянством всей территории между Припятью и Балтийским морем, верховьем Днепра и устьем Немана²⁵. В дальнейшем произошло слияние колонистов-новгородцев с литвинами. Только набеги и грабежи ятвягов принудили колонистов применить против них оружие²⁶.

Последующая история излагается в виде пересказа летописных данных, причем автор подчеркивает, что эпоха колонизации имела следствием то, что «смена полоцких князей литовскими ничего существенного не меняла — князья, по происхождению литвины, по значению своему были русскими князьями»²⁷. По его мнению, до Кревской унии «все общественное устройство, порядки и законы были русские»²⁸. Следует отметить, что автор не дает сколько-нибудь четкого определения того, в чем суть этого устройства, в чем его «русские» черты.

И. Д. Беляев так подбирает и представляет факты, чтобы представить историю Северо-Западного края как извечную борьбу против «заклятого врага — латинства, окатоличивания, ополячивания, немецкого преобладания, погубившего столько славянских наций»²⁹. В таком плане представлены деятельность и войны Миндовга, Тройдена, Витеня, Гедимина, Ольгерда — как политика, имеющая целью защиту Восточной Европы от латинства и германизации³⁰. Кревская уния оценивается автором как исторический рубеж, положивший начало длившегося почти пять веков окатоличивания и ополячивания³¹.

Через 5 лет после издания «Очерков» вышла в свет новая работа И. Д. Беляева «История Полоцка, или Северо-Западной Руси, от древнейших времен до Люблинской унии» (М., 1872). Структура книги раскрывает авторскую трактовку подхода к исследованию истории

²⁵ Беляев И. Д. Очерк истории Северо-Западного края России, с. 7.

²⁶ Там же, с. 14.

²⁷ Там же, с. 53.

²⁸ Там же, с. 69.

²⁹ Там же, с. 92.

³⁰ Там же, с. 65, 80, 92, 93.

³¹ Там же, с. 120.

Западной России. Она состоит из четырех разделов, каждый из которых называется «Рассказ». Первый из них — «Страна», второй — «Люди», третий — «Церковь», четвертый — «Власть». Следует отметить, что истории церкви и власти отведена большая часть книги (около 280 стр. из 450). Эти вопросы составляют главные объекты внимания автора, свидетельствуя о типичной для дворянско-клерикальной историографии позиции. Как и Коялович, Беляев придает церкви и власти значение факторов, не обусловленных определенной социальной средой.

В основе первого рассказа лежит изложенная Беляевым еще в ранее вышедшем «Очерке» колонизационная теория. Здесь же она дополнена попыткой создать этническую модель Полоцкой земли. Произвольно истолковывая летописные сведения, он представляет всю территорию между Припятью и Западной Двиной, Днепром и Неманом, Литву, земли соседних прибалтийских племен объединенными в процессе колонизации в одно Полоцкое государство, в котором произошло будто бы «слияние, сделавшее всю литовскую землю на юг от Виллы русской и полоцкою»³².

Второй рассказ «Люди» освещает этнический и социальный состав населения края. Этническая сторона преобладает в очерках о ятвях, литовцах, дреговичах. Социальная сторона выступает при характеристике групп населения Полоцка и уездов. Очерки полностью основаны на концепции теории колонизации. Так, в книге говорится о неизбежности гибели ятвягов, так как они отстаивали «свою дедовскую жизнь лесных обитателей» и оказывали сопротивление развивавшемуся у соседей «новому строю жизни, могучей цивилизации»³³. Очерк о литовцах построен в виде рассказа об их сближении в процессе колонизации с полочанами, приведшем к тому, что «литовцы и русские, — по утверждению Беляева, — являются как бы одним народом»³⁴. Хотя это, конечно, явное преувеличение, но автор верно подметил сходство некоторых народных обычаев на Руси и в Литве, общность терминов, черт быта, сходство поверий, понятий и

³² Беляев И. Д. История Полоцка, или Северо-Западной Руси, от древнейших времен до Люблинской унии. М., 1872, с. 23.

³³ Там же, с. 58.

³⁴ Там же, с. 65.

т. д. Однако автор отходит от реальных исторических процессов, заявляя, что княжеская власть у литовцев зародилась «в подражание полочанам» и даже воинственность их тоже развивалась по этой же причине³⁵.

Беляев ищет в социальных группах населения Полоцка, на существование которых указывают документальные свидетельства, аналогии с новгородскими. Документы XIV—XV вв. не только дают материал, оправдывающий такой подход, но и содержат данные о социальном облике населения Полоцка, не укладывающиеся в схему, по которой Беляев излагает историю Белоруссии. Тогда автор извлекает из документов только нужные ему данные. Например, говоря о боярах как правящей верхушке в Полоцке (как и в Новгороде), он ссылается только на те документы, которые подтверждают его точку зрения. Однако в других документах содержится указание на потерю боярами Полоцка былых позиций, усиление роли купечества. В таких случаях Беляев объявляет это расхождение следствием «польских нововведений»³⁶ либо игнорирует такие факты. Поиск аналогий в жизни Полоцка и Новгорода позволил Беляеву показать сходство черт быта, социально-экономической жизни феодальной Руси и Белоруссии, и это, несомненно, важно.

Концепция Беляева о «зловредном», «разлагающем» влиянии Польши мешала ему видеть реальные причины и характер исторических процессов. Это особенно ясно выступает в характеристике купечества и крестьянства. Автор настаивает на полном тождестве положения и роли купечества в Полоцке и Новгороде. Магдебургское право, внесшее отличия, автор считает отрицательным явлением, которое «оборвало связь между купцами и боярами» и «крайне стесняло свободу промыслов»³⁷. Такая оценка Магдебургского права искажает его действительное значение в истории города.

По утверждению Беляева, превращение свободных земледельцев в угнетенных, «черных людей» — одно из следствий ополячивания полоцкого боярства³⁸. В уездах «черные люди» были свободными, сохранявшими право

³⁵ Беляев И. Д. История Полоцка, или Северо-Западной Руси..., с. 83.

³⁶ Там же, с. 144—147.

³⁷ Там же, с. 155.

³⁸ Там же, с. 161.

перехода, хотя и несли повинности. Усиление крепостнической зависимости в первой половине XVI в. (уже без иноземного вмешательства) осталось вне поля зрения автора.

Третий рассказ также пропитан идеей отрицательного воздействия иноземного влияния. Восторженное описание в рассказе тесных взаимоотношений князей и епископов, политического авторитета последних является приемом, направленным на осуждение преследования православной церкви, окатоличивания князей.

Последний рассказ раскрывает черты сложившейся государственной организации, верховной власти. Автор пытается проследить эволюцию власти от веча в Полоцке до всевластия в нем феодальной верхушки. Беляев обращает внимание на княжеские междоусобицы, становление великокняжеского единодержавия, усиление роли великокняжеской рады, складывание иерархии должностей государственного аппарата. Опираясь на летописные данные, он реалистично характеризует основные черты политической истории Северо-Западной Руси и тем самым дает определенный материал для критики теории колонизации, которая требует признания Полоцка колонией Новгорода³⁹. Аналогии социальной жизни Полоцка и Новгорода (организация купечества, «черных людей») пронизывают все изложение истории Полоцкой земли⁴⁰.

В рассуждениях об общих факторах исторического развития Беляев в ряде случаев исходит из идеи исторического прогресса: новое всегда побеждает старое, отжившее. Этим принципом он объясняет неотвратимость гибели ятвягов, причину падения веча в Полоцке и замену его властью великого князя⁴¹. Однако выбор исторических явлений, в которых автор ищет решающую роль этого принципа, свидетельствует о непонимании им сущности и роли нового в историческом развитии.

В 1890 г. вышла в свет книга «Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края». Как отмечено на титульном листе, его авторами были два профессора Киевской духовной академии Н. И. Петров и И. И. Малышевский, книга издана при Министерстве

³⁹ Беляев И. Д. История Полоцка, или Северо-Западной Руси..., с. 150.

⁴⁰ Там же, с. 161.

⁴¹ Там же, с. 58, 326.

внутренних дел «с высочайшего соизволения» и являлась частью серии очерков по истории северо- и юго-западных окраин империи. Эта серия была призвана служить проводником монархическо-клерикальных охранительных идей в историографии.

Основное содержание истории Белоруссии и Литвы укладывается в следующую схему: преобладание Руси над Литвой до XII в.; утверждение господства Литвы и создание Литовско-Русского государства; заключение унии с Польшей и усиление политического ее влияния, распространение католицизма; наконец, присоединение к России. История сведена, таким образом, к двум аспектам — государственно-политическому и церковно-конфессиональному. При освещении первого авторы опирались на апологетику самодержавия, изображенного ими как форма народовластия. Обоснованием второго служит тезис о том, что «связующей силой Русского государства должна быть православная церковь»⁴².

Сведение истории народа к деятельности государей, отрицание закономерности, роли причинности в историческом процессе привело к тому, что авторы вполне серьезно приписывают Ягайло решающую роль в повороте Великого княжества Литовского от «обрусения» во время правления Ольгерда «в совершенно противоположную сторону»⁴³.

Причины княжеских междоусобиц авторы ищут в борьбе сторонников католической и православной религий. Вследствие этого авторы оказались не в состоянии объяснить причины успеха унитарного процесса, понять, почему поднявший восстание Михаил Глинский «встретил в Северо-Западной Руси или враждебное отношение или равнодушие»⁴⁴. «Главными и естественными защитниками православия и русской народности в Литве» в книге объявляются православные вельможи и дворяне. Дальнейшие же события объясняются «сворачиванием этих защитников в католичество»⁴⁵.

Искаженно трактуется характер казацкого восстания середины XVII в.: утверждается, что оно явилось

⁴² Белоруссия и Литва: Исторические судьбы Северо-Западного края. Спб., 1890, с. 16.

⁴³ Там же, с. 81.

⁴⁴ Там же, с. 148.

⁴⁵ Там же, с. 206.

следствием призыва самого короля, предложившего казакам «постоять за себя»⁴⁶.

Книга пронизана стремлением подменить социальную направленность событий религиозной. Так, Кричевское восстание 40-х годов XVIII в. объясняется как один из эпизодов борьбы за православие⁴⁷.

В книге проводится традиционная для дворянской историографии идея о Польше как виновнице всех зол в истории Северо-Западного края. Внутренние социальные причины при этом замалчиваются. В рамках монархически-клерикальных идей история Белоруссии превратилась в бессвязный, тенденциозный набор фактов и суждений, исказивших ее реальное развитие.

Наиболее выразительно отрицательные черты методологии и методики дворянско-клерикальной историографии воплотились в книгах П. Д. Брянцева «История Литовского государства с древнейших времен» (Вильно, 1889) и «Очерк Древней Литвы и Западной России» (Вильно, 1891). Вторая книга по существу представляет собой краткое изложение первой. Брянцев сводит сложный процесс исторического развития к политической истории, в свою очередь представленной в виде расположенных в хронологическом порядке биографий великих князей и королей. В центре внимания автора стоит отношение правителей к православной религии и церкви, к Польше и католицизму. Одним из побудительных мотивов их деятельности он считает личные симпатии и антипатии.

Отчетливо выступает стремление показать положительное, благотворное влияние на судьбы Западного края всего православного и русского и отрицательное, пагубное — всего католического и польского. Второму воздействию автор приписывает роль причины глубоких социальных сдвигов: крестьянство потеряло свободу, право на земли, свои старинные учреждения из-за влияния польского права, польских порядков, утверждению которых способствовала государственная власть и католическая церковь⁴⁸. В связи с такой трактовкой причин социальных перемен народное движение освещается как выражение массового антикатолического, антипольского

⁴⁶ Там же, с. 246.

⁴⁷ Там же, с. 298—299.

⁴⁸ *Брянцев П. Д. История Литовского государства с древнейших времен. Вильно, 1889, с. 346, 347, 353, 434—435, 452.*

протеста, борьбы за православие. Крестьянские выступления характеризуются как акты грабежа поместий польской шляхты и католической церкви.

Рассказывая о реформации в Западной Европе, Брянец излагает причины ее возникновения как выражение протеста против пороков католической церкви и папства⁴⁹. Но от объяснения причины реформации в Западной России он уклонился. Такая позиция является результатом тенденциозности и примитивизма теоретических взглядов автора на историю общества.

Рассмотренные работы не исчерпывают всей дворянской и особенно клерикальной историографии о Белоруссии (и вообще Западной Руси). В начале XX в. в связи с ростом революционного движения появились многочисленные «труды», наполненные самыми антинаучными измышлениями с целью направить читателя по пути борьбы «за веру и народность».

При всем разнообразии отдельных категорий в методологии, решении различных задач, а также приемов и средств изложения, дворянские и клерикальные историки, писавшие об истории западных русских земель, в главном, решающем были едины. Это единство заключалось прежде всего в освещении истории как деятельности правителей, в сведении всего исторического процесса к двум аспектам — государственно-политическому и церковно-религиозному.

При очевидной ошибочности и научной несостоятельности исходных теоретических позиций и взглядов дворянских историков на далекое прошлое белорусского народа в отдельных трудах содержится ряд суждений и оценок, имевших положительное значение для дальнейшего развития историографии Белоруссии. Так, дворянская историография положила начало рассмотрению истории Белоруссии в качестве самостоятельного предмета изучения, создала первые обзоры, содержащие ее систематическое изложение. Дворянские историки поставили задачу выяснения причин перемен, происходивших в жизни белорусского народа в феодальную эпоху. Сохраняет свое значение примененный некоторыми дворянскими историками метод изучения истории Белоруссии в связи с историей Руси, Литвы и Польши.

⁴⁹ Брянец П. Д. История Литовского государства с древнейших времен, с. 75—76.

3. Буржуазная историография

Во второй половине XIX в. сложилась буржуазная историография Белоруссии. В ее становлении влияние дворянской и клерикально-монархической историографии не прошло бесследно. Однако буржуазные историки сумели выйти из узкого круга ее интересов, все более замыкавшихся на религиозно-церковной тематике, и предложили свое понимание истории Белоруссии. Внимание буржуазных историков — М. Ф. Владимирского-Буданова, М. К. Любавского, Ф. И. Леонтовича, М. В. Довнар-Запольского, А. С. Грушевского, В. И. Пичеты привлекли главным образом государственно-правовое развитие и аграрная история Белоруссии, Западного края. В созданных ими фундаментальных исследованиях по истории Великого княжества Литовского, Западного края широко привлечены данные о белорусских землях.

М. Ф. Владимирский-Буданов (1838—1916 гг.) — видный представитель русской историко-правовой школы второй половины XIX — начала XX в. — искал в законодательных нормах, действовавших в Великом княжестве Литовском (по его терминологии, в Литовско-Русском государстве), истоки его исторического развития. Так, ухудшение положения крестьянства, по его мнению, было вызвано тем, что нормы государственного права вытеснили обычное («исконное») право. Это право было утрачено в результате проведенной государством волочной померы, которая, по его мнению, воплотила в себе принципы и нормы немецкого права, усвоенные Польшей и затем навязанные западно-русским землям⁵⁰.

Ограниченность исходной позиции привела этого историка к идеалистической трактовке исторического процесса. Однако следует отдать должное его утверждению о существовании этапа в развитии западно-русского крестьянства, когда сельская община и крестьянское землевладение составляли основу аграрного строя. Но трактовка общинного права как «полного, вечного и потомственного владения землями наравне с землями и боярами» в XVI в. была явным преувеличением и справедливо опровергалась М. К. Любавским. Смену прин-

⁵⁰ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Немецкое право в Польше и Литве. Спб., 1868, с. 6, 81, 299.

ципов собственности на землю в XVI в. Владимирский-Буданов связывает с привнесением в Великое княжество Литовское польского шляхетского права, по которому крестьяне лишались земли и закрепощались. Поддержка в этом вопросе официальной версии охранительной идеологии приближает Владимирского-Буданова больше к дворянской, чем к буржуазной историографии.

Владимирский-Буданов был одним из первых историков, занявшихся историей городов. Его интересовали исторические судьбы городов Юго-Западного края, но он считал, что города Белоруссии и Литвы были основаны на общих принципах внутреннего устройства по образцу Вильно, Трок, Витебска, Бреста⁵¹.

Придерживаясь идеалистического тезиса об определяющей роли в жизни общества законов, учреждаемых правительством, Владимирский-Буданов считает, что именно распространение немецкого права принесло Польше феодализм, который затем утвердился и в Великом княжестве Литовском. В связи с этой концепцией причину упадка городов в Великом княжестве Литовском он видит в устройстве их по Магдебургскому праву⁵².

По его утверждению, город, имевший Магдебургское право, «совершенно выделялся из сферы действия общих государственных законов», в то время как политическая деятельность шляхты принимала общегосударственный характер⁵³. В этом он видел истоки и причины упадка городов. Такое мнение Владимирского-Буданова односторонне и ограничено. Ведь известно, что все три Статута Великого княжества Литовского (1529 г., 1566 г., 1588 г.) содержат статьи, дававшие городам общегосударственную гарантию и опору против произвола шляхты. Вывод о юридической изолированности городов опровергается широко применявшимся горожанами правом обращаться к королевскому (ассессорскому) суду с жалобой на действия местной администрации.

М. В. Довнар-Запольский (1867—1934) придал буржуазной историографии Белоруссии отчетливую национальную направленность. Это выразилось, во-первых, в

⁵¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Немецкое право в Польше и Литве, с. 103.

⁵² Там же, с. 2.

⁵³ Там же, с. 127.

его стремлении выяснить условия и тенденции процесса образования государства на белорусских землях и, во-вторых, в попытке проследить характерные черты западно-русской общины и ее судьбу в XVI в. Исследование первой проблемы опиралось отчасти на разработанную дворянской историографией колонизационную теорию, но ее трактовка в целом вполне согласуется с принципами государственной школы, составлявшей ведущее направление буржуазной историографии. Вторая проблема рассмотрена также на основе той же государственно-юридической концепции исторического развития. В качестве объекта исторического исследования Белоруссия впервые выступила в монографии М. В. Довнар-Запольского «Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII ст.».

Исходным теоретическим положением служит автору колонизационная теория. Он прежде всего рассматривает те явления, которые, по его мнению, создали благоприятную почву для колонизации: это географический рельеф и водная система белорусских земель⁵⁴. В период Киевской Руси кривичи вступили в торговые связи с соседними племенами Руси, с Новгородом, с литовскими племенами. Торговые связи и превратились в фактор колонизационного движения⁵⁵. Обоснованию этого тезиса посвящена вторая глава книги — «Пути сообщения», в которой широко использованы свидетельства летописей, данные топонимики. Полоцкие кривичи, писал он, «вели тихую колонизацию в землю Литовскую»⁵⁶. Колонизацию и торговые связи автор определяет как факторы не только этнического, но и экономического развития, поскольку они способствовали основанию городов в Смоленском, Полоцком и Туровском княжествах. Такой подход к вопросу обусловил преимущественный интерес автора к летописным сведениям о городах в этих княжествах.

Специфику политического развития кривичско-дреговичских земель историк объясняет их географическим положением — они «лежали на окраинах, сторонились от общих дел Руси»⁵⁷. Тем самым он превратил географию

⁵⁴ Довнар-Запольский М. В. Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII ст. Киев, 1891, с. 12.

⁵⁵ Там же, с. 17.

⁵⁶ Там же, с. 45.

⁵⁷ Там же, с. 63.

ческий фактор в социально-историческую категорию, которая определила направленность изложения второй части книги — исторического очерка.

Несмотря на то, что летописные данные, приведенные автором, весьма убедительно показывают причастность этих земель к общим делам Руси (тесные связи Полоцка с Новгородом, строительство лодок, на которых русы плавали в Константинополь, в Смоленск, Чернигов, полудье киевских князей в кривичских и дреговичских городах), теория «отдельности» жизни кривичей и дреговичей играет в его книге роль исходного принципа. На ней он строит свое понимание содержания удельно-вечевого строя. Становление удельной системы Довнар-Запольский считает проявлением стремления племен к собственной государственности, которая дополняет созревшие этнические, языковые, религиозные различия. В связи с этим он ищет в летописях такие факты, которые позволяют проследить начало возникновения государственных институтов в племенной организации. Он тщательно реконструирует по летописным данным княжескую власть в Полоцке, его вече, их взаимоотношения, зависимость от Полоцка Минска, Витебска, Друцка и других городов, проявляющуюся, по его мнению, во внешней политике⁵⁸. Очень обстоятельно освещает Довнар-Запольский борьбу Полоцка за независимость от Киева в соответствии с той задачей, которую он поставил, — показать вызревание в удельный период Руси самостоятельной государственной организации у отдельных племен. Однако созданная им конструкция выглядит весьма непрочной. Автор не раскрыл содержание понятия «общие дела Руси», от которых, по его мнению, отошли кривичи и дреговичи, начав собственную историю. Необоснованно его утверждение и о различной степени развития культуры, различии торговых интересов. Факты подтверждают обратное.

Довнар-Запольский не смог увидеть истинные причины развития удельного строя — рост производительных сил, в движении которых и были заложены предпосылки формирования местных политических образований в виде самостоятельного удела. Он не сумел понять сложность ситуации, состоявшей в том, что формирование княжеской власти осуществлялось в условиях общности

⁵⁸ Довнар-Запольский М. В. Очерк истории..., с. 68.

культуры, однотипности политических форм. Он уловил присущее удельной эпохе местничество, обособленность, но изобразил их следствием лишь разной степени развития культуры, религии, этнических черт и различия торговых интересов. Раздробление Киевской Руси, по мнению Довнар-Запольского, — результат «стремления отдельных этнографических групп к децентрализации, к установлению у себя самостоятельного государственного устройства»⁵⁹. Одной из черт удельной поры, отмечает Довнар-Запольский, было стремление князей «оседать» в своих волостях, другой чертой — опираться на местное боярство, ограждать свои владения от войн и разорений⁶⁰. Довнар-Запольский характеризует удел как вполне сформировавшееся государственно обособленное общество с автономными интересами. Он выделил те явления, которые позволили построить схему становления самостоятельного государства в землях кривичей и дреговичей. Методология Довнар-Запольского порывала с принципами дворянской историографии, она расширила понимание содержания исторического процесса, включила в него явления экономической и культурной жизни.

Подход к истории с позиции внутренней эволюции общества привел его к догадке о том, что внес удельный строй в историю Древней Руси. Но его объяснение этого строя лишь как сдвига в политической организации ограничено, ибо он видел, как и все буржуазные историки, в феодализме лишь политическую организацию, вне социально-экономической основы феодального общества. Он не сумел разглядеть в становлении местных центров, в возрастании роли боярства, в вызревании феодальной структуры на местах звенья единого процесса развития феодального общества в Древней Руси, ее перехода к более развитому этапу этого общества.

Рассмотренные аспекты истории Белоруссии до XII в. дают основание сделать вывод о направляющем значении во взглядах Довнар-Запольского государственно-правовой концепции.

Среди экономических факторов, влиявших на политическую жизнь Древней Руси, Довнар-Запольский выделил лишь торговлю. По его мнению, интересы торговли

⁵⁹ Довнар-Запольский М. В. Очерк истории..., с. 97—98.

⁶⁰ Там же, с. 102, 110.

обусловили союз князей Киева, Смоленска, Новгорода, поскольку Днепр был общей водной артерией⁶¹. Однако этот фактор оказался в общей удельной теории Довнар-Запольского на втором плане. В известной мере у Довнар-Запольского проявляется присущее дворянской историографии объяснение причин событий, направленности исторического пути личными чертами, характером, наклонностями людей. Порой он придает им решающее значение. В связи с этим много внимания уделяется в его работе описанию быта, княжеских междоусобиц.

Ведущим началом последующей истории Западной Руси Довнар-Запольский считал объединение Руси и Литвы. Этот союз, по его мнению, был продиктован обстоятельностью самой жизни. Он видит в нем «взаимную полезность, сознание общности интересов обоих государств и при всем том полнейшую равноправность»⁶². Это объединение автор представляет не только как влияние исторических условий, но и как волю двух народов, «которые сошлись на основах взаимного уважения, равноправности»⁶³. Столь резкая противоположность оценки автором положения западнорусских земель в пределах Киевской Руси (обособленность «от общих дел Руси») и их союза с Литовским княжеством («взаимное уважение, общность интересов») обусловлена оппозиционным отношением Довнар-Запольского к русификаторской политике царизма, появлением в его взглядах на историю России оттенка враждебности.

Продолжая далее изложение взгляда на историческое прошлое западнорусских земель, Довнар-Запольский переходит к той ситуации, которая сложилась к концу XVI в. Для этого времени, по его мнению, характерна смена прежнего равноправия Руси и Литвы политикой религиозных гонений и притеснений, что обусловлено переходом политического влияния в Великом княжестве Литовском к польским феодалам. Итогом такого поворота политики явилась борьба белорусов и малорусов, поиск ими опоры «в единоверной и родственной Москве»⁶⁴. Вместе с тем Довнар-Запольский противо-

⁶¹ Довнар-Запольский М. В. Очерк истории..., с. 104.

⁶² Довнар-Запольский М. В. Белорусское прошлое.— В кн.: Исследования и статьи. М., 1909, т. 1, с. 326.

⁶³ Там же, с. 327.

⁶⁴ Там же, с. 333.

поставляет политическое бесправие русского народа, «где все одинаково были холопы» при деспотической власти Московского князя, положению белорусов, которые, по его мнению, даже в условиях гонений сохранили важные права и преимущества — Магдебургское право, шляхетство, полученное принявшими католицизм «многими белорусами»⁶⁵.

Суть исторической обстановки Довнар-Запольский объясняет как противоречие между централизацией шляхетско-католического типа и боярско-олигархического, одинаково неприемлемых для белорусского народа, который был «по своим историческим и народно-бытовым традициям в высшей степени демократичен»⁶⁶. К таким историческим оценкам Довнар-Запольский пришел вследствие полного игнорирования социально-экономических процессов, происходивших в Белоруссии в феодальный период. Узость буржуазно-националистической методологии не позволила Довнар-Запольскому разносторонне и объективно осмыслить ход исторического развития, обусловившего воссоединение Белоруссии с Россией, и его следствие; он не скрывает отрицательной оценки положения, в котором оказалась, по его мнению, Белоруссия «после окончательного присоединения ее к России»⁶⁷.

Среди проблем феодального прошлого Белоруссии в качестве объекта исследования Довнар-Запольский выделил сельскую общину XVI в. Результатом его исследований в этой области явилась работа «Западнорусская сельская община в XVI в.».

Автор исходит из положения, что «само течение жизни в Литовско-Русском государстве складывалось неблагоприятно для полного развития общинных порядков». Рассматривая первую половину XVI в. как время «постепенного закрепощения крестьянства и развития крепостного землевладения», что действовало разрушительно на общину, он все же считал — «следы общины гораздо ощутительнее, чем это предполагают»⁶⁸. Для доказательства он анализирует грамоты, в которых сохранились факты нарушений давних прав подвинских и

⁶⁵ Там же, с. 328—331.

⁶⁶ Там же, с. 336.

⁶⁷ Там же, с. 334—335.

⁶⁸ *Довнар-Запольский М. В.* Западнорусская сельская община в XVI в. Спб., 1897, с. 2—3.

поднепровских волостей конца XV — начала XVI в. В жалобах волощан на нарушение прежнего положения вещей, введение «новин» в области повинностей, сбора налогов, земельных распоряжений Довнар-Запольский видит отставание общинной традиции. Доказательством существования общины и ее ведущей роли в жизни крестьян автор считает свидетельства источников о выборах старцев, об их обязанностях, о самообложении волощан на общие нужды, о совместном владении земель. Исходя из этих данных, он пришел к выводу, что формы общинной жизни существовали не только в среде крестьян-данников, но и в среде тяглых, как на востоке, так и на западе Белоруссии⁶⁹.

Сопоставляя вышеуказанные жалобы, другие документы и содержащиеся в них сведения с аналогичными данными в русской общине, он привел довольно убедительные доказательства того, что община была историческим этапом в среде западнорусского крестьянства. Эта община, по его замечанию, в первой половине XVI в. уже агонизировала.

На основе изучения общинного быта крестьянства Белоруссии Довнар-Запольский предложил весьма надуманную характеристику социально-политического развития Белоруссии, России и Польши в XVI в. Объяснение причин возникновения в этом столетии крепостничества и упадка общины на востоке Белоруссии Довнар-Запольский дает с позиций государственной школы, ибо закрепощение (и вместе с тем исчезновение общины) он усматривает в пожаловании верховной властью частным лицам в собственность и в полное подчинение сел и волостей. Аргументация его построена на фактах, анализе источников, раскрывающих лишь внешние стороны процесса закрепощения. Объяснить природу процесса закрепощения, определить его причины он оказался не в состоянии, ограничившись чисто декларативными положениями. Так, более раннее развитие крепостничества в западных землях Белоруссии он объясняет развитием торговли, тогда как на востоке в это время еще царил древний уклад, разрушенный системой земельных пожалований верховной властью крупным феодалам.

Некоторые перемены в методологии и методике Дов-

⁶⁹ Довнар-Запольский М. В. Западнорусская сельская община в XVI в., с. 52—54.

нар-Запольского прослеживаются в вышедших в начале XX в. фундаментальных трудах: «Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах» (Киев, 1901); «Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI в.» (Киев, 1905). В первой монографии он отмечает, что в развитии Великого княжества Литовского решающую роль сыграли «государственные начала и сословные отношения», не заимствованные извне, а представляющие собой «естественное следствие народной жизни и условий, в которых создавалось государство»⁷⁰. Он оспаривает мысль о заимствовании социально-политического строя из Польши, отвергая тем самым принципы дворянской историографии и юридической школы.

Свое освещение исторических процессов в государственном хозяйстве Великого княжества Литовского Довнар-Запольский построил на идее преемственности древнерусской старины: он находит ее в системе налогообложения, в сходстве рады при великом князе с боярскими думами, в заимствовании форм организации хозяйства, практиковавшихся в Древней Руси.

Борьбу, развернувшуюся между различными группами феодалов в конце XIV — первой половине XV в., он считает явлением, вызванным не религиозными мотивами, а политическими: «Дело шло не о религии, а об удержании боярством» своей роли в государстве⁷¹. Ведущими аспектами изучения у него являются не только традиция, старина, но и новые формы, которые развились в Великом княжестве Литовском. Факторами, вызвавшими изменения в устройстве государства, Довнар-Запольский считал постоянную опасность нападения, федеративный характер Великого княжества Литовского, развитие в нем высшего сословия и ограничение им верховной власти, что составляло особенность этого государства, сложившуюся как «естественное следствие предшествующей народной жизни»⁷².

Книга «Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах» не только раскрывает истоки и формы становления государственного хозяйст-

⁷⁰ Довнар-Запольский М. В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901, с. 87.

⁷¹ Там же, с. 64—65, 67.

⁷² Там же, с. 53—87.

ва Великого княжества Литовского, но решает задачу определения направления развития экономической и политической жизни Западной Руси от удельного периода к новым формам. Указанный аспект рассмотрения подводил Довнар-Запольского к принципу историзма. Однако занять последовательную позицию Довнар-Запольскому помешало непонимание классовых истоков и сущности подмеченных им новых черт общественной жизни.

В третьей главе книги предметом освещения является государственное имущество, т. е. земельные владения верховной власти Великого княжества Литовского. Существенные недостатки обнаруживаются в характеристике социальной структуры восточных территорий княжества, состоявших главным образом из белорусских земель. Эту территорию Довнар-Запольский характеризует как часть земель «государственных, но не великокняжеских». Поэтому, по его мнению, вотчинная власть в эти области пришла не сразу, и «мужи волощане гораздо позднее вошли в состав крепостного населения господарских вотчин» (в конце XVI—начале XVII в.)⁷³.

Другую своеобразную черту развития восточных областей Великого княжества Литовского автор видит в «военном характере восточных староств», в зависимости платежей и повинностей от земли (а не от личности крестьянина), которая делилась на тяглую и нетяглую, а также в том, что здесь преобладающую роль играли промыслы, и только во второй половине XVI в. хлебопашество стало крупной статьёй производства⁷⁴.

В этой оценке положения восточных областей доминирует формально-юридический подход и умозрительная оценка социально-экономических форм. Довнар-Запольский главной чертой в налоговой политике правительства считал «нивелировку повинностей и сборов», не учитывая, что правительственные предписания, деятельность местной администрации не только не препятствовали, но прямо способствовали усилению крепостнического угнетения.

Социальные последствия хозяйственной политики правительства Великого княжества Литовского Довнар-Запольский не рассматривает. Правда, он не мог обой-

⁷³ Довнар-Запольский М. В. Государственное хозяйство..., с. 147—148.

⁷⁴ Там же, с. 172, 205, 211, 265—267.

ти такие явления, как Магдебургское право и проведение волочной померы. Довнар-Запольский не разделяет мнения дворянской историографии о чужеродности, искусственности Магдебургского права, он выделяет его поощрительное значение. Социальное содержание волочной померы Довнар-Запольский воспринял через оценку ее влияния на старину, традицию. Поскольку она означала полный разрыв со стариной, постольку автор усматривал объяснение причины этого явления в превращении землевладельца «из собирателя даней в помещика-хозяина, экспортера хлеба»⁷⁵.

Однако следующие рассуждения Довнар-Запольского свидетельствуют о непонимании им классовой сущности волочной померы. Он считал, что по отношению к крестьянству это было «заботой о его благосостоянии»⁷⁶. По мнению Довнар-Запольского, под влиянием мер верховной власти меняется хозяйственный строй в направлении торгово-промышленной деятельности, приведшей к росту торгового капитала. Под влиянием реформы «старинное натуральное хозяйство постепенно заменяется более высшим и приближается к переходу на денежное»⁷⁷.

Характеризуя поземельные отношения и их эволюцию, Довнар-Запольский дает следующую трактовку процесса развития: вотчинное право Древней Руси и Литвы при образовании Великого княжества Литовского привело к подчинению удельных князей Руси, что обусловило замену вотчинного права условным, ограниченным. Военные нужды вызвали поиск государством служилых людей, что создало систему земельных пожалований при условии несения военной службы. Дальнейшее развитие военно-служилых пожалований привело к утверждению наследственного условного владения⁷⁸. Такое толкование процесса развития феодальной собственности продиктовано абсолютизацией роли государства. Получается, что государство создало класс феодалов, а не феодалы создали свое государство.

С юридических позиций, без учета социально-экономических факторов прослеживает Довнар-Запольский

⁷⁵ Там же, с. 293.

⁷⁶ Там же, с. 361—362.

⁷⁷ Там же, с. 361—362, 365.

⁷⁸ Там же, с. 591—598.

становление шляхетского сословия. Отсюда и соответствующая методика — рассмотрение правовых норм по текстам жалованных грамот и законодательных актов для выяснения положения шляхты в Великом княжестве Литовском. Правовая концепция привела Довнар-Запольского к утверждению, что в Литовско-Русском государстве с его «широкой автономией территориальных единиц»⁷⁹ существовал федеративный строй. Рост влияния военно-служилого строя и отказ от удельной системы, по мнению автора, обусловлены постоянной военной опасностью.

Проследившая эволюцию экономики Великого княжества Литовского в течение XVI в., Довнар-Запольский изображает ее как переход от промыслового хозяйства к земледелию и от натурального — к денежному⁸⁰, однако ничем не подкрепляет такого заключения.

В целом его обширный труд, содержащий огромное количество фактов, отражает ряд явлений экономической, социальной и политической жизни Великого княжества Литовского в XVI в., но истоки и сущность этих явлений, процесс их развития остались либо невыявленными, либо ошибочно истолкованными. Несомненной заслугой автора является показ исторической преемственности явлений, связь и зависимость развития Великого княжества Литовского в XII—XVI вв. от уровня и форм социально-экономической и политической жизни.

Эта исходная позиция отчетливо выступает и в следующем труде Довнар-Запольского «Очерки по организации западнорусского крестьянства в XVI в.». Как отмечает автор, объектом его исследования является «западнорусская община и ее распадение»⁸¹. По его мнению, судьба общины определялась деятельностью верховной власти и местной администрации. Земельные пожалования шляхты усиливали частную власть в ущерб общинной организации⁸². Социальные следствия пожалований — закрепощение и развитие крепостного землевладения. В общине Довнар-Запольский видел лишь

⁷⁹ Довнар-Запольский М. В. Государственное хозяйство..., с. 801.

⁸⁰ Там же, с. 802—803.

⁸¹ Довнар-Запольский М. В. Очерки по организации западнорусского крестьянства в XVI в. Киев, 1905, с. 5.

⁸² Там же, с. 12.

«крестьянскую самоуправляющуюся организацию»⁸³, он не признавал общины как формы землевладения. В этом проявилась ограниченность его методологической позиции. Однако при освещении конкретных вопросов темы он вынужден был прийти к более широкому пониманию существа общины, вытекающему из ее социально-экономической природы. Довнар-Запольский сформулировал на основе изучения жалоб волощан и текстов великокняжеских грамот следующие черты западнорусской общины: 1) автономия; 2) отсутствие тяглых повинностей; 3) повинностная солидарность, т. е. совместное несение повинностей; 4) однообразие (т. е. социальное равенство) всех жителей волости. Автор игнорировал документальные свидетельства о заметном разделении волощан на бедных и богатых уже в XVI в.

В ходе исследования автор отходит от своего прежнего мнения, что «волостная община не представляла формы крестьянского совладения», и приходит к выводу, что волость имела право распоряжения землями, признал принадлежность земель всей общине⁸⁴. Особенно важно объяснение причин гибели общины. Однако Довнар-Запольский не нашел ответа на этот вопрос вследствие влияния на него юридической школы. Он высказал мнение, что в западной части Великого княжества Литовского община исчезла «вследствие введения там управления на основании Уставы»⁸⁵. Таким образом, в его трактовке община пала жертвой насилия верховной власти, «крепостнических тенденций владельцев»⁸⁶. Определяющая роль развития феодальной собственности во всем социально-экономическом развитии Западной Руси не стала ключевым началом исследования Довнар-Запольского и была подменена юридическим фактором — наступлением частной власти.

Реформу, начатую в XVI в., автор трактует не как средство организации феодальной собственности, ступень в эволюции феодального поместья, а как следствие исчезновения общины. Он прямо утверждает, что распад

⁸³ Довнар-Запольский М. В. Очерки по организации западнорусского крестьянства..., с. 10.

⁸⁴ Там же, с. 10, 77—91, 118—120.

⁸⁵ Там же, с. 8.

⁸⁶ Там же, с. 97, 147—149.

общины «побудил правительство к мысли о реформе»⁸⁷.

Все освещение аграрной реформы во втором разделе книги свидетельствует о беспомощности в изучении причин, взаимосвязей явлений, процесса развития при тщательности и выразительности частных наблюдений. В подходе к исследованию реформы XVI в. автор, исходя из фактов, признал ее следствием упадок общинного строя, отобрание лучших крестьянских земель для создания фольварков, закрепощение крестьянства. Вместе с тем, используя данные о феодальной деревне на востоке Белоруссии, Довнар-Запольский подчеркнул все то, что вопреки реформе «дышит седой стариной»⁸⁸. Весь сложный процесс изменений в аграрном строе представлен автором как результат юридического акта верховной власти и осуществленной ею системы пожалований.

Естественно, что автор оказался бессильным понять реакцию крестьянства на реформу: он увидел лишь борьбу «за старину, за общину», а не против феодального гнета.

Творческое наследие Довнар-Запольского, несомненно, имело важное значение в преодолении узости представлений об истории Белоруссии, созданной дворянской историографией. Его работы расширили предмет исследований, включив социально-экономические и этнические проблемы. Но методология и методика их изучения не вышли за пределы буржуазно-либерального понимания истории.

М. К. Любавский (1860—1936) в своих трудах о Литовско-Русском государстве (каким он считал Великое княжество Литовское) сумел преодолеть односторонность позиции государственной школы. Об этом свидетельствует его интерес к сложившимся социальным отношениям, структуре населения государства, исторический подход к освещению положения крестьянства, формирования общественной жизни в Великом княжестве Литовском.

Решительно оспаривал *М. К. Любавский* главное теоретическое положение государственной школы — тезис о решающей роли законодательства в изменении

⁸⁷ Довнар-Запольский *М. В.* Очерки по организации западно-русского крестьянства..., с. 154.

⁸⁸ Там же, с. 261.

всей общественной жизни. По его мнению, «законодательство только утверждало и оформляло уже сложившиеся социальные отношения»⁸⁹. Такой подход к своим исследовательским задачам позволил М. К. Любавскому опровергнуть ряд выводов и суждений своих предшественников, более глубоко и верно раскрыть сущность и характер социально-экономического и политического развития Великого княжества Литовского, положение в нем белорусских и других земель Западной Руси.

Первый труд М. К. Любавского, посвященный исследованию административно-политического устройства Великого княжества Литовского, в том числе и белорусских земель, вышел в свет в 1892 г. под названием «Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута 1529 г.». В первом очерке автор выясняет происхождение областного деления и федеративного характера государства, в остальных трех — подробно описывает органы управления и их деятельность. Кроме того, в третьем очерке рассмотрен состав населения в поветах. Всему изложению в книге придана юридическая направленность с историко-административной и демографической подтемами. Подход к изучению основного вопроса, содержащегося в первом очерке, автор расширил за счет экскурсов в область социальных отношений, отраженных в административно-политическом строе. Их освещение легло в основу полемических построений автора. Так, он оспаривает взгляды Ярошевича и Антоновича на происхождение поземельной собственности, считает несостоятельным мнение о ведущей роли завоевания, опровергает отрицание Владимирским-Будановым роли «литовского владычества» в развитии феодального землевладения на Руси и считает, что оно имело определенное значение в утверждении и расширении последнего посредством раздачи земель за военную службу⁹⁰. Он не соглашается, далее, с Владимирским-Будановым, считавшим, будто крестьяне в Литовско-Русском государстве имели в XVI в. «полное право вечного и потомственного владения землями наравне с земьянами и бояра-

⁸⁹ Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута 1529 г. М., 1892, с. 378.

⁹⁰ Там же, с. 307.

ми»⁹¹, доказывая ошибочность этого взгляда. Он показывает необоснованность объяснения ряда явлений как следствия «подражания польскому образцу» и выдвигает тезис о решающей роли «местного исторического процесса»⁹². М. К. Любавский отходит от концепций юридической школы, утверждая, что крепостное право в Литовско-Русском государстве введено не земским привилеем 1447 г., что «законодательство только утверждало и оформляло сложившиеся социальные отношения»⁹³. Он доказывает фактами «личный характер прикрепления владельческих отчинных людей», отрицая утверждение В. Б. Антоновича (1834—1908 гг.) о зависимости лишь по находившейся в их пользовании земле⁹⁴. Таким образом, Любавский сделал значительный шаг вперед в области методологии исследования, хотя не дошел до последовательного и цельного научного объяснения исторических процессов. Об этом свидетельствуют допущенные им ошибки в освещении ряда вопросов. В применении к господским (великокняжеским) волостям он утверждал, что в них «прикрепление крестьян ... не имело личного характера, а только обязательственный», и что крестьяне этих волостей имели право ухода⁹⁵. Однако это утверждение он не подкрепляет соответствующими фактами, что свидетельствует о непоследовательности его методологии, ибо после признания существования личной зависимости крестьян в качестве принципа социальных отношений исключить из него обширную территорию господских волостей значило бы противоречить самому себе. Кстати, Любавский не учел тот пункт «Уставы на волоки» 1557 г., в котором провозглашена личная зависимость как основа управления великокняжескими владениями.

Ограниченность методологии Любавского проявилась и в его оценке общины как исторического этапа: он считает ее лишь «следствием естественного размножения единой семьи» и рассматривает поиск общинного землевладения в Древней Руси лишь плодом «формальных понятий»⁹⁶.

⁹¹ Любавский М. К. Областное деление..., с. 810.

⁹² Там же, с. 310, 321, 404.

⁹³ Там же, с. 378.

⁹⁴ Там же, с. 387.

⁹⁵ Там же, с. 377, 384.

⁹⁶ Там же, с. 470.

В методологии Любавского видное место занимает юридический анализ, что предопределено самим выбором предмета исследования — административного устройства Великого княжества Литовского и системы управления. Решающая роль юридического аспекта сформулирована автором в предисловии, в котором он основой феодального общества объявляет «сословные права и привилегии»⁹⁷. Исходя из этого положения, автор пришел к выводу о федеративном устройстве Литовско-Русского государства (так он называет Великое княжество Литовское), поскольку входящие в него земли имели различный сословно-юридический статус. Утверждая, что западнорусские земли имели свою юридическую «особность» и автономность, автор ищет специфические черты этой «особности» в существовании различных терминологических определений одних и тех же явлений (например, название надела в одних землях «жеребий», в других — «земля», «дворище», «селище»), далее он выделяет земли, где сложилась государственно-правовая система — вече. Это позволило автору верно подметить некоторые различия между отдельными землями, но не дало оснований для вывода о федеративном устройстве государства. Юридический подход не позволил Любавскому проникнуть в исторический смысл полумер верховной власти — ликвидации одних черт старины (вече, уделы) и сохранения других. Факт назначения старост, воевод, а в городах — войтов, отсутствие представительства в верховном органе — раде — все это говорит, по мнению Любавского, об отсутствии у Полоцкой, Витебской, Смоленской земель автономии⁹⁸.

Второй очерк дает описание должностной иерархии, земельных пожалований, перечисление территорий воеводств и поветов. Очерк содержит лишь констатацию фактов, что является свидетельством ограниченности исследовательского метода.

В земельных пожалованиях автор видит лишь поиск верховной властью компромисса «с местными политическими силами»⁹⁹ и упускает из виду, что эти компромиссы были лишь звеном внутренней политики, направленной к централизации системы государственного уп-

⁹⁷ Любавский М. К. Областное деление..., с. 5.

⁹⁸ Там же, с. 124—125.

⁹⁹ Там же, с. 102—103.

равления. Другими звеньями были замена уделов наместничеством, насаждение единой администрации, управляемой сверху, устранение всего, что благоприятствовало федеративным тенденциям. Все меры верховной власти, описанные в книге, Любавский не увидел во взаимосвязи, не заметил единства внутренней политики: наблюдения над отдельными явлениями не привели к исследованию процесса.

Третий очерк (наиболее объемный — 477 стр. из 884) рассматривает структуру населения западнорусских земель, особенно различных групп крестьянства, а также функции местной администрации. В методике изложения основное место занял пересказ содержания документов, играющий роль аргументации. Зачастую основой оценки явления служат 2—3 примера (например, из двух фактов разрешения ухода «отчина» Любавский делает вывод, что крестьяне-отчичи не безусловно были прикреплены к своим землям¹⁰⁰). На основе нескольких примеров Любавский утверждал, что в господарских волостях крестьяне-отчичи не были «непохожими»; в Поднепровье отчич стал непохожим только тогда, когда верховная власть «имела дело не с волостью в целом, а с отдельной службой»¹⁰¹. Известно, однако, что и на востоке личная зависимость была неизбежным следствием возникавшей феодальной земельной собственности еще со времен Русской Правды.

Недостатки методологии Любавского хорошо улавливаются в сформулированных им обобщениях к третьему очерку. Социально-экономическое развитие Западной Руси в составе Великого княжества Литовского к началу XVI в. Любавский рассматривал лишь как продолжение утвердившихся форм в прежний удельный период. Социально-экономические перемены он усмотрел лишь в создании на землях Руси господарского хозяйства. С его развитием автор связал прикрепление крестьян к земле, хотя существование этого отмечает и в удельный период. Личный характер прикрепления крестьян — это, по его мнению, продукт немецкого права, известный только в частных владениях. Любавский отступает от собственной позиции, когда придает государству роль решающего фактора, а иногда и первопричины

¹⁰⁰ Любавский М. К. Областное деление..., с. 376.

¹⁰¹ Там же, с. 384—385.

явлений, сложившихся в экономической, социальной и политической жизни Западной Руси к началу XVI в.

В четвертом очерке Любавский представляет функции воевод и старост как прямое продолжение функций удельных князей, а в сеймах земель видит лишь «продолжение и видоизменение древнерусских веч»¹⁰².

Таким образом, изучение истории Западной России с позиций государственно-юридической школы породило противоречивые и ошибочные выводы.

Почти два десятилетия спустя М. К. Любавский опубликовал «Очерки истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно» (М., 1910). В этой работе отсутствует освещение экономической истории и культурного развития государства, что, по его словам, вызвано отсутствием «достаточно широких и глубоких специальных исследований по этой части»¹⁰³. Свой труд автор считает в значительной мере «историческим комментарием» к основным государственным законам Великого княжества Литовского¹⁰⁴.

Освещение истории Великого княжества Литовского Любавский ограничил характеристикой политики верховной власти и внешнеполитической обстановки. Решительнее, чем в «Областном делении», отвергает Любавский объяснение истории Литовско-Русского государства воздействием польского влияния вследствие унии. Он утверждает, что уния, «оказав поддержку самому существованию Великого княжества, как государственного союза, закрепила вместе с тем результаты его предшествующего социально-политического развития и оформила их, наложив на них клеймо польской государственности»¹⁰⁵. Важную роль отводит Любавский религиозному фактору, оказавшему, по его мнению, серьезное влияние на весь ход исторического развития Литовско-Русского государства и положение в нем западнорусских земель. Решающую роль в формировании всех сторон общественной жизни Любавский отводит древнерусской старине. Значительно больше внимания он уделяет здесь сдвигам во внутренней структуре социального и

¹⁰² Любавский М. К. Областное деление..., с. 766, 883.

¹⁰³ Любавский М. К. Очерки истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1910. Предисловие.

¹⁰⁴ Там же, с. 59.

¹⁰⁵ Там же, с. 59.

политического устройства Великого княжества Литовского.

«Очерки» можно считать по праву первым систематическим изложением политической истории Великого княжества Литовского на основе обобщения трудов историков государственно-правовой школы второй половины XIX — начала XX в.

Ф. И. Леонтович (1833—1911). Труды Ф. И. Леонтовича отражают преимущественный интерес их автора к проблемам истории права. Определяющей чертой его методологии была узкоправовая трактовка социальной действительности, т. е. поиск правового смысла в различных категориях, понятиях, обозначавших те или иные явления общественной жизни. В 90-х годах вышли две его книги: «Очерки истории литовско-русского права» и «Сословный тип территориально-административного состава Литовского государства и его прошлое».

В первой работе рассмотрен вопрос об образовании Литовско-Русского государства, в другой — дана характеристика социального облика западнорусских земель в составе Великого княжества Литовского.

Исходным моментом для объяснения успехов Литвы в подчинении земель Западной Руси Леонтович считал татарское нашествие. Сведение сложного процесса к одной причине сужало понимание всех сторон исторического этапа в развитии взаимоотношений Литвы и Западной Руси. Леонтович выдвигает тезис о добровольном объединении Руси с Литвой ради избавления от гнета Орды. Этот тезис он без труда обосновал рядом свидетельств из древнерусских летописей¹⁰⁶. Однако он пренебрег достаточно многочисленными свидетельствами летописей о борьбе западнорусских земель с вторжениями литовских князей, об их завоевательных походах в пределы Западной Руси.

Односторонность узкоправовой позиции привела Леонтовича к весьма искусственному определению сословной структуры Литовско-Русского государства. Он различает, с одной стороны, «крестьянские территории», с другой — районы «с основным шляхетским характером»;

¹⁰⁶ Леонтович Ф. И. Сословный тип территориально-административного состава Литовского государства и его прошлое. Спб., 1895, с. 90—93.

к первым он отнес волости, ключи, тиунства, ко вторым — поветы и воеводства¹⁰⁷.

Узкоправовая позиция особенно отчетливо видна в его мнении, что содержание общественной жизни государства формируют юридические институты. Вследствие этого он совершенно не понял экономической структуры Литовско-Русского государства и усмотрел в панских дворах — владениях, имениях, вотчинах, экономиях — не типичные для феодального строя экономические формы, а насаждение польского образца и свидетельство «разложения государства»¹⁰⁸.

Леонтович отрицает существование иерархии в среде феодального класса Литовско-Русского государства, приписывая ему принцип «полного равноправия без всякого взаимного подчинения как и вне зависимости от какой бы то ни было высшей власти»¹⁰⁹.

Наиболее полно методология и методика, присущая Леонтовичу, выступает в труде «Крестьянский двор в Литовско-Русском государстве» (СПб., 1897). Формально-юридический подход в этой книге привел к тому, что все освещение темы автор свел к разрозненным описаниям, констатациям. Он стремится возможно подробнее раскрыть смысл и значение таких терминов и понятий, как «дым», «двор», «дворище», «служба», «тягло», «земля», «поле», «рожь», «пашня», «слуги», «данники», «отчичи», «сябры», «потужник», «вольные», «похожие» и др. Объяснения основаны на примерах, взятых из источников. Нельзя отказать автору в умении увидеть и определить многосложность значений одного и того же термина (например, «дворище», его соотношения с понятием «дым»), но вместо исследования сложного явления автор создал терминологическое пособие.

Леонтович сумел объяснить ряд понятий, необходимых для изучения процесса развития феодального поместья, крестьянского хозяйства в Великом княжестве Литовском. Однако он допустил целый ряд искусственных аналогий, искажающих подлинный смысл явлений. Так, он считает, что дворище — «цельное, обособленное хозяйство или владение одной или нескольких крестьянских семей, живших вместе в одном дворе», — аналогично панскому двору — фольварку. Такой вывод он делает

¹⁰⁷ Там же, с. 36.

¹⁰⁸ Там же, с. 38—39.

¹⁰⁹ Там же, с. 43.

на основании наличия одних и тех же видов угодий (пашные, бортные, огородные), хозяйственных построек¹¹⁰.

Иллюстративный метод занимает ведущее место при изложении вопроса. Такой метод помешал автору шире и разнообразнее рассмотреть структуру крестьянских поселений XV—XVII вв. и привел к однобокому освещению вопроса. Построенная им схема преобладания хуторского типа крестьянских поселений в Западной Руси свидетельствует об односторонности избранного им метода.

Подробно исследует Леонтович значение групп сельского населения, которые отражают проникновение в семью крестьянина «лиц, не связанных ни родством, ни свойством», — «сябра», «потужника», «товарища», «соседа» и других, и ищет их место в хозяйстве¹¹¹. Однако автор не попытался выяснить, что означает изучаемое явление в эволюции крестьянского хозяйства, в развитии социальных отношений. В свой иллюстративный метод изложения Леонтович включает социальный аспект лишь для того, чтобы установить влияние вотчинного права помещика на судьбу «сябринного совладения и кооперации» крестьянского труда. Вотчинное право оттесняет и устраняет их по мере развития крепостной зависимости. В итоге этих рассуждений, основанных не на фактах, а на предвзятой идее, Леонтович пришел к выводу, что «средние века — одна из лучших страниц в истории кооперативных форм народного труда: кооперация была обычным явлением во всех слоях средневекового общества от высших до низших»¹¹². К таким формам он относит духовно-рыцарские ордена (?!), студенческие корпорации, ремесленные цехи. Метод формальной аналогии привел автора к искусственному отождествлению совершенно различных форм социальной структуры, возникших на основе специфических условий феодальной эпохи.

Описывая положение крестьян Великого княжества Литовского в XV—XVI вв., Ф. И. Леонтович характеризовал главным образом правовое положение различных категорий сельского населения. Он высказал сомнение в правильности мнения большинства предшествовавших историков о единовременном закреплении крестьян и

¹¹⁰ Леонтович Ф. И. Указ. соч., с. 43.

¹¹¹ Там же, с. 128.

¹¹² Там же, с. 147—150.

пришел к выводу, что этот процес был длительный и постепенный. «Нельзя указать момента,— писал он,— с которого собственно начинается несвободное состояние крестьян; переход к нему совершился незаметно. Крестьяне мало-помалу опутывались сетью зависимых отношений, которые вытекали из разнообразных источников и дали начало не менее разнообразным разрядам крестьянства».

Пытаясь найти причинно-следственную зависимость для объяснения исторических судеб крестьянства Западной Руси, Леонтович искусственно формирует эти связи. Так, он утверждает, что свободное крестьянское землевладение было устранено посредством насаждения заимствованной из Польши немецкой системы волочного хозяйства¹¹³. Вместе с тем он признает, что задолго до волочной померы крестьянское землевладение в Западной Руси исчезло¹¹⁴. Юридический аспект изложения приводит в ряде случаев к противоречиям в трактовках автора. Так, подробно, с большим числом фактов описав источники закрепощения крестьянства, он здесь же утверждает о прочности юридических гарантий для вольных «похожих людей», не доказав этого фактическими данными¹¹⁵.

При анализе крестьянских повинностей автор дает их подробную классификацию, но из его поля зрения полностью выпали экономические факторы, определявшие не юридические, а фактические нормы повинностей, и в особенности тенденцию их развития¹¹⁶.

Отдельную часть своей работы Леонтович посвятил характеристике сельских ремесленников. Он на основании различных источников правильно отметил существование различных ремесленных профессий среди сельских жителей западнорусских волостей. Несмотря на описательный характер этого очерка, в нем много ценного. Автор систематизировал множество свидетельств о большом числе ремесленников в селах. Однако объяснение этого явления неверно: он пришел к выводу, что явление это исконное, обусловленное извечной натуральностью крестьянского хозяйства; кроме этого, ряд занятий порожден нуждами господского двора (огородники,

¹¹³ Там же, с. 167.

¹¹⁴ Там же, с. 165.

¹¹⁵ Там же, с. 214—215.

¹¹⁶ Там же, с. 220—269.

пастухи, свиарки, конюхи, бобровники, писари и др.). К ремесленным профессиям автором отнесены многие чисто сельскохозяйственные виды деятельности.

Ф. В. Клименко работой «Западнорусские цехи XVI—XVIII вв.» внес в буржуазную историографию о Белоруссии важную проблему: ремесленное производство и его организация в городах XVI—XVIII вв. Вопрос о происхождении западнорусских цехов Клименко решает, учитывая определяющую роль происходивших в эти три столетия изменений «социально-экономических условий быта и деятельности ремесленников», а не в результате внешних влияний¹¹⁷. Это была новая для того времени позиция, порывавшая с методологией государственно-правовой школы, рассматривавшей цехи как форму церковно-религиозного союза (И. Флеров, М. Коялович, И. Беляев).

Однако Клименко предложил весьма поверхностное определение цехов, считая их «самоуправляющимися ассоциациями ремесленников-мастеров, преследующими хозяйственно-технические задачи»¹¹⁸. Действительное назначение цехов было значительно шире и многообразнее. Клименко не учитывает их специфических конкретно-исторических функций, обусловленных феодальным способом производства. В характеристике цехов автор ограничился подробным пересказом цеховых уставов и не сделал необходимых обобщений, весьма ограничен причинно-следственный анализ.

В работе Клименко есть ряд ценных наблюдений о правовом положении учеников, подмастерьев, мастеров и их взаимоотношениях, о борьбе цехов с нецеховыми ремесленниками, о правовом положении цехов в городе и др. Однако автор ограничился констатацией правовых норм в цеховых уставах XVI—XVIII вв. и не дал анализа социально-экономического развития городов, и прежде всего внутреннего рынка как главнейшего условия развития ремесленного производства. Ф. В. Клименко не решил основного вопроса своего исследования — причин возникновения и развития цехов в городах Белоруссии. Он часто механически переносил черты организации цехов XVIII в. на предшествовавший период, нормы цехов

¹¹⁷ Клименко Ф. В. Западнорусские цехи XVI—XVIII вв. Киев, 1914, с. 21.

¹¹⁸ Там же,

города Вильно распространял на цехи всех городов западнорусских земель.

В. К. Стукалич первым сделал попытку изложить историю белорусских городов в работе «Белоруссия и Литва. Очерки из истории городов Белоруссии» (Витебск, 1894). Он проанализировал значение Магдебургского права в жизни городов Белоруссии для развития ремесла и торговли в них, попытался определить его влияние на политическое положение горожан. Вместе с тем автор проследил влияние роста шляхетских привилегий на развитие города, объяснил упадок некоторых городов увеличением в них феодальных юридик. Он отметил, что вопреки жалованным грамотам на Магдебургское право и несмотря на попытки государственной власти защитить города от проникновения в них магнатов и шляхты, церковные и светские феодалы продолжали «осаживать» в городах своих подданных, которые уклонялись от выполнения городских повинностей и, занимаясь ремеслом и торговлей, выступали конкурентами городских ремесленников и торговцев. Рост частновладельческой земельной собственности в городах с подвластным феодалам населением приводил, по мнению автора, к ослаблению городов, разорению городского населения, к экономическому и политическому упадку городов Белоруссии.

Хотя вопросы экономической жизни городов (торговля, ремесленное производство) не нашли достаточно полного отражения в работе *В. К. Стукалича*, тем не менее следует отметить, что он первый в дореволюционной историографии дал правильную оценку причин возникновения в городах Белоруссии цехов.

А. С. Грушевский (1877 — г. с. неизв.). Монография *А. С. Грушевского* «Города Великого княжества Литовского в XIV—XVI вв. Их старина и борьба за старину» была закончена в 1914 г., но опубликована лишь в 1918 г. По исходным позициям, методике работа эта отражает преобладавшие в буржуазной историографии черты. Методология *Грушевского* близка к методологии *Владимирского-Буданова*. Он считает вечевую старину, единство города с волостью незыблемой основой существования и развития городов. Автор стремится доказать, что горожане всячески отстаивали вечевую старину, выбрав для этого из текстов жалованных грамот великого князя по жалобам горожан только определенные места, в ко-

торых говорится о старине, а не о поборах, введенных наместниками. Грушевский не замечает, что в текстах грамот немало доказательств попирания старины именно великокняжеской властью. По мнению автора, старину отстаивали как горожане, так и верховная власть. Однако факты заставили автора признать, что «в старых и богатых центрах прежний строй постепенно разлагался в XV—XVI вв., несмотря на все сожаления и жалобы современников»¹¹⁹. Бессильной оказалась и верховная власть, желавшая сохранения старины: «Условия жизни Великого княжества были сильнее и заставляли вводить новое в области финансовой, военной, административной»¹²⁰.

Приведенные автором факты городской жизни заставляют его признать рост городов как центров ремесла и торговли и разрыв их извечных связей с земледельческим миром волости¹²¹. Грушевский констатирует необходимость введения в городах самоуправления для ограждения города от злоупотреблений¹²². Эти и другие выводы перечеркивали его концепцию о роли старины в истории городов Белоруссии.

В. И. Пичета (1878—1947 гг.). Важнейшим трудом, созданным В. И. Пичетой в предреволюционные годы, явилась двухтомная монография «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве» (М., 1917). Методологической основой поисков автора являлась государственно-правовая концепция исторического процесса. Монография посвящена изучению проблем социально-экономического развития Белоруссии и Литвы в XVI в. Изменения в экономике, положении шляхты, горожан, крестьян, по мнению автора, происходили в результате принятых верховной властью решений, выданных ею привилегий. Действия правительства Пичета рассматривает как акт, продиктованный тем или иным состоянием общества, внешней обстановкой, т. е. объективной ситуацией.

Политическая необходимость, точнее нужды внешней политики, — вот та основа, на которой построена вся внутренняя политика правительства в области экономи-

¹¹⁹ *Грушевский А. С.* Города Великого княжества Литовского в XIV—XVI вв. Их старина и борьба за старину. Киев, 1918, с. 25.

¹²⁰ Там же, с. 189—190.

¹²¹ Там же, с. 237.

¹²² Там же, с. 240.

ки. Но в этой сфере интересы правительства сталкиваются с интересами горожан и особенно шляхты. Из понимания В. И. Пичетой городской проблемы полностью выпал социальный аспект, но даже и в узком толковании экономических «забот» правительства В. И. Пичета подошел различно к определению существа прогородской и прошляхетской позиций верховной власти. В первой он видел только экономическую цель — рост поступлений в казну вследствие активизации городской торговли, во второй же и социальную направленность — превращение шляхты в собственника и влиятельную силу государственного масштаба¹²³. Следовательно, в традиционную позицию государственной школы В. И. Пичета внес важный принцип причинной обусловленности действий государства, что серьезно ослабляло ограниченность этого направления, считавшего действия правительства началом всех начал, самопричиной всех изменений общественной жизни. Так, в рамках государственно-правовой школы В. И. Пичета сформировал нетрадиционную для нее методологическую позицию, в которой государство — это фактор, действующий по велению обстоятельств и условий, сложившихся в общественной жизни, а не по произволу.

Нельзя не отметить, что В. И. Пичета, вполне разделяя исходный тезис о решающей роли государства в развитии общества в качестве главной, направляющей силы этого развития, вместе с тем существенно отличался от адептов государственной школы своим определением побудительных мотивов деятельности государства. Тем самым В. И. Пичета внес в методологические критерии государственной школы принцип соотношения субъективного и объективного, позволявший трактовать деятельность государства не как произвол правителя, а как своего рода «осознанную необходимость». Правда, этот принцип у В. И. Пичеты применяется только при изучении финансовых вопросов. Он не видел, например, в чем заключалась причина, которая вынудила верховную власть дать ряд привилегий шляхте, которые резко сузили возможность расширения доходов казны.

Присущее буржуазной историографии тяготение к подробным пересказам текстов документов, «нагнета-

¹²³ Пичета В. И. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. М., 1958, с. 67—69, 71—74, 75—82.

ние» фактов, событий дает себя знать и в книге В. И. Пичеты, но в них он ищет тенденцию развития. Подробно излагая документы, он применяет сопоставление текстов, что позволило ему обнаружить поворот во внутренней политике верховной власти в интересах увеличения доходов казны. Никто из буржуазных историков, в том числе и учитель В. И. Пичеты М. К. Любавский, не достиг такого понимания сущности хозяйственной политики верховной власти. Метод сравнительного изучения источников позволил проследить эволюцию господского хозяйства в великокняжеских владениях.

В. И. Пичета не стал эпигоном государственной школы, труды ортодоксальных сторонников которой, отличаясь изобилием фактов, были бедны выводами. Таким образом, Пичета сделал важный шаг вперед в совершенствовании методики освещения проблемы развития аграрных отношений.

Во второй части книги Пичета показал отношение к волоочной реформе различных слоев общества, ее особенности на востоке Белоруссии, ход осуществления в великокняжеских владениях. Наиболее примечательной чертой этой части является обстоятельность, с которой описаны нормативы реформы и претворение их в жизнь. Но Пичета этим не ограничивается. Он выясняет сдвиги в ведении господского хозяйства — переход к трехполью, уничтожение чересполосицы, регулярное удобрение полей, изменение повинностей¹²⁴.

В третьей части книги Пичета выясняет реакцию шляхты, мещанства, крестьянства и церкви на реформу. Постановка этой задачи в таком объеме была для того времени не только новым в историографии подходом к проблеме, она обогащала методологические начала всего исследования автора. Настораживало, однако, уже первое утверждение, будто «аграрная реформа была встречена привилегированными слоями населения крайне враждебно», что даже с их стороны «другого отношения к реформе не могло и быть»¹²⁵. Но из споров шляхты с верховной властью, о которых так подробно рассказывается в книге, вовсе не следует, будто шляхта не приняла принципы организации барщинно-крепостнического хозяйства. Она оспаривала вызванное в ходе проведения

¹²⁴ Пичета В. И. Аграрная реформа..., с. 244.

¹²⁵ Там же, с. 285.

реформы некоторое изъятие у нее земель, а не реформу как таковую. Не отделив эти две стороны вопроса, Пичета лишний раз дал повод убедиться в ограниченности формально-юридического подхода к изучаемым явлениям.

Социальную основу жалоб волостного населения Пичета воспринимает лишь как некую возможность, поскольку боярству (оно составляет главный объект рассмотрения в разделе «Аграрная реформа и волостное население») реформа грозила переводом в тяглое состояние¹²⁶. Крестьянству же отведены в этом важнейшем разделе лишь четыре (из 67-ми) страницы, чтобы сообщить свое мнение, будто в жалобах крестьян «исключительно преобладали хозяйственные интересы»¹²⁷. Классовая феодально-крепостническая сущность аграрной реформы не стала предметом изучения для В. И. Пичеты — сказалось влияние теоретических позиций государственной школы.

Заключительная часть книги посвящена характеристике деятельности правительства и его администрации на местах по осуществлению реформы. Здесь В. И. Пичета отдает дань формально-юридическому истолкованию роли государственного аппарата в изучаемом явлении. Он даже забыл о своих наблюдениях многих нарушений верховной и местной властями старины и утверждал, будто правительство «отстаивало крестьянскую старину». Проблема же исторического места волоочной померы в хозяйственной эволюции, социальных сдвигах в Белоруссии и всем Великом княжестве Литовском осталась нерешенной. Главным препятствием были теоретические представления государственной школы об историческом процессе, сводившие освещение истории к описанию фактов, узости обобщений в пределах формально-юридического истолкования побудительных начал общественной жизни.

В годы создания рассмотренного труда В. И. Пичета в целом оставался на позициях буржуазной историографии.

¹²⁶ Пичета В. И. Аграрная реформа..., с. 376, 389.

¹²⁷ Там же, с. 416.

* *
*

Много внимания буржуазные историки уделяли изучению культурной жизни Белоруссии XVI—XVIII вв. Хотя их работы написаны с идеалистических позиций, в них собран обширный фактический материал, характеризующий самобытность белорусской культуры и борьбу белорусского народа против полонизаторской политики магнатов и шляхты. Большинство вышедших до революции работ по истории культуры Белоруссии — сравнительно небольшие исследования; многие из них посвящены описанию архитектурных памятников феодального периода — древних витебских и полоцких храмов, гродненских соборов, старинных замков в Мире (статьи Л. Сапунова, А. Павлинова, И. Красовицкого, В. Грязнова, И. Иодковского, А. Сементовского).

В ряде работ прослежена борьба против церковной унии. П. Н. Жукович, К. Еленевский, А. С. Осинский, А. Маркевич, Н. М. Костомаров осветили в своих работах жизнь и деятельность известного белорусского просветителя Мелетия Смотрицкого.

Во многих книгах исследуются организация и деятельность церковных братств: Ф. Жудро «История Могилевского богоявленского братства» (Могилев, 1890); С. С. Кедров «Древнерусские братства» (1901); М. О. Коялович «Чтения о церковных западнорусских братствах» (М., 1892); М. Крамаренко «Западнорусские церковные братства, их происхождение и значение» (Киев, 1913); А. Л. Папков «Братства. Очерк истории западнорусских православных братств» (Спб., 1900); Н. Скабланович «Западно-европейские гильдии и западно-русские братства» (1875); И. И. Флеров «О православных церковных братствах, противоборствовавших унии в юго-западной России в XVI, XVII и XVIII столетиях» (Спб., 1857).

Наиболее значительной из опубликованных работ является книга К. Б. Харламповича «Западнорусские православные школы XVI и начала XVII в.» (Казань, 1898). В ней характеризуются церковные братства, организация ими школ с преподаванием на белорусском языке, основание типографий и издательского дела, печатание полемических произведений, направленных против окатоличивания и унии.

В большом исследовании П. В. Владимирова «Доктор Франциск Скорина, его переводы, печатные издания и язык» (Спб., 1888) впервые глубоко освещена жизнь, книгоиздательская и переводческая деятельность выдающегося представителя белорусской культуры конца XV — первой половины XVI в., основателя белорусского книгопечатания Франциска Скорины. На основании тщательного исследования изданий библейских книг, осуществленных Скориной в Праге и Вильно, Владимиров привел сохранившиеся факты из жизни Скорины, обстоятельно проанализировал перевод им библейских книг, придя к выводу о том, что Скорина пользовался как латинскими, так и русскими и чешскими переводами, провел обстоятельный языковедческий анализ текстов перевода, установив, что язык Скорины близок к разговорному языку белорусских земель конца XV—начала XVI в.

До сих пор не потеряли своего значения работы по истории культуры Белоруссии академика Е. Ф. Карского: «К истории звуков и форм белорусской речи» (Варшава, 1893), «О языке так называемых литовских летописей» (Варшава, 1894), «Материалы для изучения белорусских говоров», вып. 1—6 (Спб., 1897—1910) и фундаментальное исследование «Белорусы. Язык белорусского народа» (М., 1955—1956, тт. 1—3; Варшава, М.—П., 1903—1922).

Е. Ф. Карский является основателем белорусского языкознания и филологии. В его трудах собрано много оригинального материала не только по языку белорусского народа, но и по истории быта, фольклорные материалы, сведения по истории литературы и т. п.

Таким образом, русские, украинские, белорусские дворянские и буржуазные историки собрали и систематизировали значительный фактический материал по различным вопросам истории Белоруссии.

Дворянские и буржуазные историки не осветили историю Белоруссии в главном, существенном аспекте—ее социально-экономическое развитие, историю народа, трудящихся масс. Исследуя вопрос о крестьянской общине, о категориях и группах крестьянского населения, о крестьянских повинностях, они ограничивались освещением законодательных норм, правового положения крестьянства, не вникали в причины закрепощения, усиления феодального угнетения. Крестьянская борьба, на-

родные восстания оценивались ими как разбойничьи нападения, бунты, приносившие ущерб и разорение.

Буржуазные историки второй половины XIX и начала XX в. не ограничились представлениями дворянско-клерикальной историографии о социальной роли и функциях исторического знания. Это обусловило сдвиги, которые, как отмечено выше, буржуазная историография совершила в изучении Белоруссии эпохи феодализма.

Буржуазная историография заметно расширяет предмет исследования, обращаясь к аграрной истории, в частности к истории сельской общины.

В целом буржуазная историография сделала определенный шаг вперед в сравнении с дворянско-клерикальной. Он проявился в более широком понимании объекта и предмета исследования, в преодолении повышенного внимания к конфессиональным вопросам и деяниям правителей, в более широкой источниковой базе.

Вместе с тем буржуазная историография оказалась в плену неокантианского определения истории как науки, способной лишь описывать события.

Глава II

БЕЛОРУССКАЯ СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ В ДОВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Историческая наука в Белоруссии получила широкие возможности развития только после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Образование Белорусской Советской Социалистической Республики явилось величайшим событием в истории белорусского народа. Закрепление исторических завоеваний Великого Октября создало условия для изучения истории Белоруссии.

В развитии советской белорусской историографии отчетливо выступают два периода. Первый начинается со времени открытия Белорусского государственного университета — первого научного центра в БССР — и до Великой Отечественной войны (1941 г.). Второй период начался в 1945 г. и продолжается в наши дни.

Перед историками республики в начале 20-х годов встали огромные задачи: собрать и изучить большое количество документальных данных, пересмотреть в свете марксистско-ленинской методологии многие положения дореволюционных историков по истории Белоруссии, создать научно обоснованную историю белорусского народа. Основные трудности в выполнении этих сложных задач заключались в отсутствии научных кадров. Только с открытием в 1921 г. Белорусского государственного университета и основанием в 1922 г. Института белорусской культуры дело с подготовкой научных кадров, а вместе с тем и с разработкой белорусской истории двинулось вперед.

Для объединения всех научных сил белорусских советских историков для борьбы с буржуазно-националистическими и шовинистическими извращениями исторической науки и для пропаганды марксистско-ленинской теории и методологии осенью 1927 г. было образовано

общество историков-марксистов БССР. В него входили историки — работники научных и высших педагогических учреждений (Инбелкульта, университета, Комвуза) ¹. Своей многогранной деятельностью общество способствовало критическому преодолению влияния буржуазной историографии, усвоению историками республики марксистско-ленинской теории.

На основе решений Московской конференции 19 апреля 1928 г. в Белоруссии было созвано совещание научных работников-коммунистов при ЦК КП(б)Б. Совещание вынесло постановление об организации более широкого и массового Общества марксистов, объединявшего не только историков, но и философов, экономистов, филологов. В задачи Общества входило: научная марксистская разработка отдельных теоретических вопросов, связанных с историей и экономикой Белоруссии, борьба с буржуазными, великодержавными и националистическими влияниями и извращениями в науке, общее руководство педагогической работой в высшей и средней школе, содействие в подготовке молодых кадров научных работников, пропаганда и популяризация марксистского метода ². Деятельность Общества сыграла заметную роль в утверждении марксистской методологии и теории в исторической науке Белоруссии ³.

В первые два десятилетия после победы Великого Октября проходил процесс становления советской исторической науки, основанной на марксистско-ленинской теории. Ее методологические принципы открыли новые возможности научного освещения истории народа. Марксистско-ленинское понимание исторического процесса позволило придать историографии Белоруссии в 20—30-е годы новую тематическую направленность, отражавшую новое, научное понимание всего исторического развития Белоруссии. Всего с 1918 по 1941 гг. было опубликовано 140 работ по истории Белоруссии эпохи феодализма. Среди них книг и брошюр — 23, статей в научных сборниках и журналах — 102, статей в газетах — 16. Основной формой публикаций являлись статьи в сборниках, журналах, небольшие исследования. Это объясняется тем, что новый подход к изучению истории Бело-

¹ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 24, д. 195, л. 1—2.

² Там же, л. 6—8, 11.

³ Там же, д. 193, л. 123—124.

русии эпохи феодализма требовал привлечения и разработки документальных данных, оставшихся вне внимания прошлой историографии. По тематике эти работы распределяются следующим образом: обзорные работы — 10, из них 6 книг и брошюр; работы по истории сельского хозяйства и крестьянства — 11, из них книг — 3; по истории городов — 11 (все статьи); по истории культуры — 57, из них 4 книги; по политической истории — 13 статей; по источниковедению — 12 статей; по историографии — 10 работ, из них 2 книги; по истории классовой и освободительной борьбы — 8 работ (из них 2 книги); кроме того, 6 сборников документов. Три статьи посвящены истории церкви. Как видно, преобладали работы по истории аграрных отношений, крестьянства и культуры. История церкви и права потеряла свое ведущее значение. Такая перестройка представления о главном и актуальном в историческом исследовании свидетельствовала о возраставшем влиянии марксистско-ленинского подхода к истории как истории деятельности и борьбы народных масс.

Историографические работы явились показателем роста стремления к переосмыслению историографического наследия, критическому отношению к ошибочному толкованию исторического процесса.

Белорусская советская историография 20—30-х годов в отличие от всей прошлой историографии не ограничилась изучением истории белорусских земель до середины XVI в. Творческий поиск историков республики включал все этапы исследования феодальной эпохи. Были опубликованы работы, освещавшие переходные этапы от одной исторической формации к другой.

Принципиально важным с точки зрения методологии было то, что в это время по-новому предстал сам объект исследования. Это был уже не Северо-Западный край с его неочерченностью исторических и этнических границ, а территория Белорусской Советской Социалистической Республики.

Становление белорусской советской исторической науки не могло не испытать ряда трудностей вследствие того, что в первое время заметную роль в ней играли историки дореволюционного поколения, взгляды которых сложились на основе буржуазной историографии. Среди них можно назвать М. К. Любавского, М. В. Довнар-Запольского. В этом отношении очень характерен и по-

казателен доклад М. К. Любавского на первом заседании Белорусского научно-культурного общества в Москве 1 (14) июля 1918 г. В нем Любавский с позиций государственной школы заявил, что так как «белорусское племя в большей части изжитого им времени не имело своей собственной государственности», то его история — «преимущественно история племени и особой разновидности русской культуры»⁴. Изложение в докладе исходных теоретических представлений о прошлом Белоруссии носит эклектический характер. Летописный период истории оценивается следующим образом: «За своими лесами и болотами кривичи полоцкие и дреговичи жили особно от остального русского населения, знать не хотели его интересов, стремлений»⁵. Это положение Любавский явно позаимствовал у Довнар-Запольского. Идеалистическое понимание им истории Белоруссии XIV—XVIII вв. проявилось в его оценке этих четырех столетий как периода, в котором главную суть составили «потери исторических вождей и руководителей, то есть князей и разных грамотеев»⁶. В заключение доклада он высказал важное положение о том, что «только опираясь на братский великорусский народ, в тесном духовном и политическом единении с ним, белорусское племя может утвердить для себя достаточное национальное бытие»⁷.

Основателем белорусской советской исторической школы был В. И. Пичета. Он начал свою научно-педагогическую деятельность до революции, напечатав первую научную работу в 1904 г. В. И. Пичета опубликовал около 500 научных работ (монографий, статей, рецензий), среди них около 150 по социально-экономической и политической истории права, истории Белоруссии, историографии, источниковедению, краеведению и культуре.

1. Общие труды по истории Белоруссии

Образование Белорусской социалистической республики, потребность школ и вузов в учебном посо-

⁴ Любавский М. К. Основные моменты истории Белоруссии. М., 1918, с. 7.

⁵ Там же, с. 11.

⁶ Там же, с. 17.

⁷ Там же, с. 23.

бии вызвали необходимость разработки обобщающих обзоров истории Белоруссии.

Такого рода попытку содержит обзорная статья М. К. Любавского «Літоўска-Беларуская дзяржава ў пачатку XVI сталяцця»⁸. В основу характеристики процесса образования этого государства он положил принцип связи различных сторон жизни и деятельности народов с объективными условиями, в которых эти связи возникали. К последним он отнес угрозу татарского нашествия и агрессию крестоносцев. Под влиянием этих внешнеполитических факторов стал неизбежным процесс образования Великого княжества, в котором, по его мнению, «главная роль принадлежала литовскому племени; Белоруссия же помогала ему своими материальными и культурными средствами, а Украина главным образом материальными»⁹. Далее Любавский характеризует развитие Великого княжества Литовского как «белорусизацию Литвы» вследствие определяющего влияния белорусской культуры¹⁰. Отметив в самой общей форме, без конкретных доказательств, роль народов в истории Великого княжества, Любавский совершенно не понял решающей роли классовых отношений в истории белорусских земель. Он не сумел понять реального содержания процесса включения белорусских земель в состав Литовского княжества и повторил точку зрения буржуазной историографии о взаимной колонизации как одного из исходных, ведущих явлений, обусловивших образование Великого княжества Литовского. Непонимание социально-экономической основы этого процесса привело автора к поверхностному и одностороннему определению места белорусских земель. Он не сумел объяснить, что имело решающее значение в образовании Великого княжества Литовского — сила оружия или добровольное соглашение; он лишь указал на влияние обоих факторов. По его утверждению, это привело к образованию государства, представлявшего «федералистический характер», «конгломерат земель и владений, объединенных под верховной властью великого князя Литовского»¹¹.

В обзорно-исторической статье В. И. Пичеты — «По-

⁸ Любавскі М. К. Літоўска-Беларуская дзяржава ў пачатку XVI сталяцця.— В кн.: Чатырохсотлеце беларускага друку. Мн., 1926.

⁹ Там жа, с. 59

¹⁰ Там жа, с. 62, 63, 74.

¹¹ Там жа, с. 63.

лацкая зямля ў пачатку XVI стагоддзя» — формально-юридический принцип уже заметно оттеснен другим подходом к выяснению черт общественной жизни Полоцкой земли — с учетом социальной структуры населения, крепостнической зависимости крестьянства. В. И. Пичета ищет в экономических процессах почву, на которой сложилась в Полоцкой земле социальная структура и классовые противоречия, и объявляет таким экономическим фактором «модный» в 20-е годы принцип «торгового капитала». Правовая концепция проявляется в том, что Магдебургское право он считает причиной, разрушившей старину, единство Полоцкой земли. В изложении большое место занимает пересказ правовых норм, служащих отправным моментом при оценке социальных, экономических процессов и политических событий, наблюдавшихся в Полоцкой земле в конце XV — первой половине XVI в.

В исторической мысли Белоруссии в 30-е годы утверждалась марксистско-ленинская теория исторического процесса. Убедительным свидетельством может служить вышедшая в 1934 г. книга В. К. Щербакова «Нарыс гісторыі Беларусі», часть 1. В ней периодизация истории Белоруссии дана на основе марксистского учения о способах производства.

В центре внимания автора находятся экономические процессы, присущие феодальному способу производства, и их социальные последствия. В классовой борьбе В. К. Щербаков видел решающий фактор процесса образования Великого княжества Литовского. Она обусловила «объединение господствующих верхов против общинного крестьянства с целью захвата его земель и превращения крестьян в угнетенный класс»¹². Понимая, что конкретно-историческое содержание этого явления более разнообразно, автор также обращает внимание на опасность татарского нашествия с востока, агрессии крестоносцев с запада как на обстоятельства, которые ускорили «объединение литовских, белорусских и огромной части украинских земель в одно Литовско-Белорусское государство»¹³. Щербаков не учел, что в этом объединении завоевания земель играли большую роль и явились веду-

¹² *Щербакоў В. К. Нарыс гісторыі Беларусі. Мн., 1934, ч. 1, с. 79.*

¹³ Там жа, с. 81.

щим фактором всего процесса образования Великого княжества Литовского. Совершенно ошибочна оценка этого государства как «Литовско-Белорусского». Сконцентрировав свое внимание на развитии феодальной собственности и феодального поместья, В. К. Щербаков ограничился только освещением экономики этого государства. Другим теоретическим просчетом автора является стремление все явления истории объяснить только остротой антифеодального движения крестьянства; например, вопреки фактам автор пытается объяснить заключение Люблинской унии развитием крестьянского движения, тем самым упрощая это сложное социально-политическое явление. Такой подход к пониманию роли борьбы крестьянства привел к тому, что в оценке событий середины XVII в. автор прошел мимо народно-освободительного характера борьбы в 1648—1667 гг., развернувшейся на Украине и в Белоруссии. Правильно выделив в этой борьбе антифеодальную направленность, Щербаков не понял всей многосложности событий.

Обратив главное внимание на то, что суть развития общества в эпоху феодализма составляет усиление феодального гнета, и убедительно доказав это на фактах, Щербаков развенчал представление националистов о XVI столетии как о «золотом веке».

Одним из ошибочных положений Щербакова является отрицание возможности культурного развития в эпоху феодализма, которой присущ низкий уровень производительных сил и натуральное хозяйство. Исходя из такой точки зрения, Щербаков не сумел раскрыть значения в развитии культуры Белоруссии деятельности Скорины, Тяпинского, Будного¹⁴.

Более широкую трактовку истории Белоруссии предложил В. И. Пичета в работе «Исторические судьбы Западной Украины и Западной Белоруссии». Он проследивает многообразие процесса развития и выделяет его решающие стороны, заключающиеся в усилении феодального гнета и росте классовой борьбы. В. И. Пичета подчеркнул историческую значимость освободительной борьбы, завершившейся воссоединением Украины и Белоруссии с Россией¹⁵.

Во втором, расширенном издании этой работы (1940 г.)

¹⁴ Щербаков В. К. Назв. тв., с. 164—165.

¹⁵ Пичета В. И. Исторические судьбы Западной Украины и Западной Белоруссии. М., 1938, с. 19.

прослеживается стремление автора найти в развитии феодального поместья ключ к пониманию процесса закрепощения крестьянства и усиления феодальной эксплуатации. При характеристике социального развития городов Белоруссии Пичета на первый план выдвигает теорию торгового капитала, на основании которой определяет социальную поляризацию и социальные противоречия в городе. «Рост оборотов внутренней и внешней торговли усиливал классовую дифференциацию в местах и обострял в них классовые противоречия»¹⁶. В этом издании книги обстоятельно освещена антифеодальная и освободительная борьба украинского и белорусского народов, чему прежде В. И. Пичета не уделял внимания.

Таким образом, в общих исторических трудах советских белорусских историков в 20-е и особенно в 30-е годы заняли постоянное место теория о ведущей роли народных масс в истории, идея классовой борьбы, поиск объективного критерия исторического процесса.

2. Работы по аграрной истории

Одной из важных задач белорусских советских историков оставалось освещение с научных позиций аграрной истории Белоруссии. Этой теме больше всего уделяла внимание буржуазная историография, и утвердившиеся в ней взгляды, выводы требовали критического пересмотра. Ведущим исследователем ряда вопросов данной темы в 20—30-е годы выступил В. И. Пичета. В его работах этого времени все рельефнее выступает в качестве критерия оценки сущности реформы ее роль в изменении положения крестьянства Белоруссии. Так, в статье «Наказ старостам и державцам»¹⁷ Пичета рассматривает этот документ как свидетельство стремления великого князя провести изменения в системе повинностей крестьянства таким образом, чтобы увеличивались доходы феодального поместья. Именно с такой задачей, показывает Пичета, связано превращение челяди невольной в барщинных крестьян, наделенных

¹⁶ Пичета В. И. Исторические судьбы Западной Украины и Западной Белоруссии, с. 41.

¹⁷ Пичета В. И. Наказ старостам и державцам.— В кн.: Пичета В. И. Сбор. ст. Белоруссия и Литва в XV—XVI вв. М., 1961, с. 43—60.

огородом, и утверждение в качестве основной рабочей силы тяглого крепостного крестьянина еще задолго до проведения волочной померы¹⁸. Непоследовательность В. И. Пичеты заключалась в том, что, по его мнению, «Наказ» 1529 г. якобы должен был согласовать интересы господарского хозяйства с интересами подданных, несмотря на видимое их противоречие. Но далее автор замечает, что к такому согласованию «„Наказ старостам и державцам“ не стремится»¹⁹.

Продолжая поиск нового объяснения сущности аграрной реформы, В. И. Пичета заметно расширяет свою исходную позицию, характеризуя ее как «отражение практико-экономического движения», проникавшего в среду феодалов, которые осознавали «необходимость увеличения производительности и вместе с тем доходности как господарских, так и частновладельческих имений»²⁰.

Пичета далее отмечает значение реакции крестьянских масс на проведение реформы, предусмотренных в ней повинностей. Он показал, например, что на установление подушного денежного побора крестьяне отвечали бегством, лишая господское хозяйство в великокняжеских поместьях рабочих рук. Вследствие этого, считает Пичета, в «Наказе» подушный сбор был заменен денежным оброком — чиншем с земельного надела²¹. Таким образом, в оценке реформы заметен сдвиг от формально-юридического подхода к социально-экономическому. Правда, В. И. Пичета иногда переоценивает значение аграрных мероприятий, считая их «в некотором отношении аграрной революцией», сформировавшей «новые аграрные отношения»²². В действительности вся система мер и повинностей, осуществленная в первой половине XVI в., означала лишь перестройку феодального поместья на основе феодально-крепостнических отношений, ранние формы которой утвердились давно.

Для работ В. И. Пичеты 20-х годов характерно стремление к конкретным наблюдениям. В ряде случаев это позволяет ему рельефно оттенить весьма важные стороны поместного хозяйства (ограниченное число крестьян-ремесленников в господарских дворах, замедленность

¹⁸ Там же, с. 43—46.

¹⁹ Там же, с. 47.

²⁰ Там же, с. 44.

²¹ Там же, с. 52.

²² Там же, с. 22, 49.

слияния челяди невольной с массой крепостного крестьянства, основные посевные культуры и т. д.)²³. Но свои выводы он строит на очень ограниченном числе источников, в основном законодательных актах. В приемах исследований 20-х годов у Пичета замечается интерес к сопоставлению разных по времени данных с целью проследить эволюцию того или иного явления: например, сопоставление размеров натуральных и денежных повинностей тяглого населения дало ему основание сделать вывод об их росте²⁴. Подобный же прием сопоставления «Уставы на волоки» 1557 г. с Уставом Бобруйской волости 1626 г. дал основание заключить, что на востоке Белоруссии «повинности населения становились более сложными и дифференцированными»²⁵.

Он поставил задачу изучить юридическое положение сельского населения в частных владениях ко времени издания Первого статута Великого княжества Литовского 1529 г. с позиций теории торгового капитала. Эта теория не давала автору необходимой теоретической основы для объяснения возникновения крепостничества. Поэтому Пичета был вынужден ограничиться лишь констатацией факта существования тех категорий крестьян, которые появлялись вследствие утверждавшейся с середины XV в. системы крепостнических отношений. Автор хорошо видит классовую природу этой системы, роль монополии земельной собственности в ее становлении. Это позволило ему раскрыть социальный смысл законодательных норм, в которых закреплялись крепостнические отношения, и прийти к выводу, что в законодательных актах фиксируются не просто различные разряды крестьян, а разные формы феодальной зависимости²⁶.

При исследовании вопроса о закупах В. И. Пичета исходил из положения, что необходимо поставить изучение материала XV и начала XVI в. в самую тесную связь с тогдашними экономическими условиями, в которых надо искать зарождение, развитие и юридическое оформление этого института социальной зависимости²⁷.

²³ Пичета В. И. Белоруссия и Литва в XV—XVI вв., с. 63, 73, 80.

²⁴ Там же, с. 99—100.

²⁵ Там же, с. 150.

²⁶ Пичета У. І. Юрыдычнае становішча вясковага насельніцтва на прыватнаўласніцкіх землях к часу выдання Літоўскага Статута 1529 г.— В кн.: Зап. аддз. гуманіт. навук. Працы класа гісторыі. Мн., 1928, т. 2, кн. 3, с. 427.

²⁷ Там жа, с. 467.

Исходя из этого принципа, он доказал, что категория закупов возникла вследствие развития долговой зависимости в среде феодалов.

В решении вопроса о закупничестве хорошо видно преодоление В. И. Пичетой формально-юридического подхода к задаче и решение ее на основе конкретно-исторического анализа, исходя из понимания классово-экономической сущности юридических норм, экономической обусловленности смены форм зависимости. Это позволило ему раскрыть многообразие форм закупничества.

Сложнее оказалось решение вопроса о людях «непохожих». В этом сказался подход к исследованию с позиций торгового капитала: В. И. Пичета в полном противоречии с ранее высказанной оценкой социально-экономических процессов в XV—XVI вв. объявил этот период временем, когда в феодальном хозяйстве уже появились признаки упадка и возникновения торгового капитала. В связи с этим он объясняет процесс закрепощения как результат направленной социально-экономической политики господствующего класса, называет его «борьбой за крепостного крестьянина как новую форму рабочей силы»²⁸.

Новым шагом В. И. Пичеты в исследовании сущности социально-экономических процессов в сельском хозяйстве Белоруссии в XVI в. была его работа, посвященная истории сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии до конца XVI в. В ней он подчеркивает роль интересов господствующего класса в эволюции аграрного строя. По его мнению, на этот процесс существенно влияли стремления «тех общественных кругов, которые в тот или иной момент исторической жизни белорусского народа держали власть в своих руках»²⁹. В число же факторов, определяющих изменения в сельском хозяйстве, В. И. Пичета выдвигает развитие производительных сил, «объективные условия хозяйственного характера»³⁰.

Преувеличив роль торгового капитала, В. И. Пичета усмотрел в нем причины «роста и возвышения землевладельческих классов», с одной стороны, и «постепенного объединения и экономического закрепощения земледель-

²⁸ Пичета У. І. Юрыдычнае становішча вясковага насельніцтва..., с. 494.

²⁹ Пичета В. И. История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии, ч. 1 (до конца XVI в.). Мн., 1927, с. 5.

³⁰ Там же.

ческого класса» — с другой³¹. По его мнению, даже противоречия между феодалами и крестьянством «стали обнаруживаться с того момента, когда торговый капитал стал оказывать свое мощное воздействие на развитие народного хозяйства Белоруссии»³². В действительности торгово-денежные отношения вели к обострению ранее сложившихся противоречий.

Ведущей тенденцией развития В. И. Пичета считает рост крепостнических отношений, связь его с развитием сельского хозяйства: «Крепостное право в Белоруссии, — делает вывод автор, — развивается медленно и находится в самой тесной зависимости от эволюции сельского хозяйства вообще и помещичьего в частности»³³.

В истории сельского хозяйства и землевладения В. И. Пичета различал три этапа: I — древний — до конца XIII в. — время господства натурального хозяйства; II — эпоха городского хозяйства XIV—XV вв.; III — эпоха торгового капитала. Два последних этапа отличаются степенью значения товарного обмена в экономике феодального поместья, а в связи с этим сменой челяди невольной крепостным крестьянином в качестве главного объекта феодальной эксплуатации. Такой взгляд на столь сложную проблему носит явные черты вульгарно-экономического подхода к истории общества.

Ограничив изучение аграрной реформы рамками XVI в. и пределами великокняжеских владений, В. И. Пичета изложил весь процесс ее осуществления неполно и несколько односторонне. В его представлении достаточно было великокняжеской «Уставы на волоки» 1557 г., чтобы существовавшая многие века в феодальных владениях челядь невольная исчезла и превратилась в часть общей массы крепостного крестьянства³⁴. Несколько лет спустя, излагая вопрос о юридическом положении сельского населения, автор отмечает, что челядь невольная как самостоятельная категория окончательно исчезла к моменту издания Статута 1558 г.³⁵ Факты и позднейшие исследования свидетельствуют о том, что люди этой категории использовались в качестве слуг или переводились на положение огородников.

³¹ Пичета В. И. История сельского хозяйства..., с. 5—6, 22, 80.

³² Там же, с. 5—6.

³³ Там же, с. 99.

³⁴ Пичета В. И. Белоруссия и Литва в XV—XVI вв., с. 49.

³⁵ Там же, с. 388.

Большой заслугой В. И. Пичеты является изучение изменений структуры крестьянского населения в связи с осуществлением аграрной реформы. В этом отношении интерес представляют его исследования состава населения в великокняжеских владениях, характеристика тяглого крестьянства во второй половине XVI в., изучение вопроса о холопстве в Великом княжестве Литовском в XV—XVI вв.

В. И. Пичета дает характеристику повинностей всех разрядов крестьянства — челяди невольной, огородников, крестьян-слуг, ремесленников, тяглых и осадных крестьян. На нескольких примерах он показал, что положение осадного крестьянства в частновладельческих имениях было значительно тяжелее, чем в великокняжеских³⁶. Проанализировав данные инвентарей XVII в., В. И. Пичета доказал усиление феодальной эксплуатации тяглых и осадных крестьян к концу XVI в. в результате проведения волочной померы в западной части Белоруссии. Он показал далее изъятие в пользу барской запашки у крестьян лучших земель вследствие усиления рыночной ориентации господского хозяйства³⁷.

Исследование В. И. Пичетой юридической и экономической эволюции населения в великокняжеских владениях явилось важным началом в освещении исторических судеб крестьянства Белоруссии на этапе развитого феодализма. Автор несомненно прав, рассматривая изменение положения крестьян-слуг в связи со становлением и развитием фольварочно-барщинного хозяйства. Правда, он ограничился данными XVI в. и преимущественно материалами Кобринской, Брестской, Гродненской экономий. Вследствие этого его выводы о положении различных разрядов крестьян нельзя считать исчерпывающими, ибо они касаются только великокняжеских владений запада Белоруссии.

При характеристике тяглых и чиншевых крестьян В. И. Пичета отмечает «значительную эксплуатацию платежных сил крестьянского населения» и рост к концу XVI в. натуральных и денежных повинностей тяглого населения»³⁸. Однако автор приводит при этом данные только по великокняжеским владениям и лишь высказы-

³⁶ Там же, с. 66, 92.

³⁷ Там же, с. 102, 104, 117.

³⁸ Там же, с. 90, 100.

вает предположение, что «в частновладельческих имениях положение осадного крестьянства было значительно тяжелее, чем в господских имениях»³⁹. Но этот вывод противоречит другому его утверждению, согласно которому развитие фольварочного хозяйства ставило великокняжеских крестьян в более тяжелые условия, что приводило к бегству их к частным владельцам⁴⁰.

К сожалению, В. И. Пичета в своих работах не проследил эволюцию крестьянского надела. Он высказал правильную мысль о решающей роли феодальной эксплуатации в ухудшении положения крестьянских масс, что подтверждается исследованиями последующих лет.

В конце 20-х годов появились первые работы по аграрной истории Белоруссии периода позднего феодализма, разложения феодально-крепостнической системы и зарождения капиталистических отношений (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). Первая работа по этой проблеме принадлежит К. И. Кернажицкому — «Гаспадарка старостваў на Беларусі і эканамічны стан іх насельніцтва ў другой палавіне XVIII ст.». Автор отверг преобладавший в работах предшественников описательный метод изложения. На основе большого документального материала (он использовал инвентари нескольких владений великого князя за разные годы) Кернажицкий дал обстоятельную характеристику господского хозяйства, выяснил структуру и экономическое положение крестьянства и других групп населения. Составленные им таблицы о размерах надела, количестве рабочего скота, видах и нормах феодальных повинностей раскрыли ранее не изучавшиеся историками хозяйственные процессы. В их свете вторая половина XVIII в. приобретала значение качественно нового этапа феодализма.

Автор пришел к выводу, что во второй половине XVIII в. хозяйства господские, староства и крестьянские переживали «болезненный процесс переходного периода в направлении к денежному хозяйству». Этот процесс сопровождался огромным обнищанием крестьянских масс. Новаторская по методу исследования работа Кернажицкого дала толчок для более глубокого подхода к

³⁹ Пичета В. И. Белоруссия и Литва в XV—XVI вв., с. 94.

⁴⁰ Пичета У. І. Юрыдычнае становішча вясковага насельніцтва..., с. 480.

изучению социально-экономических процессов. Вместе с тем, в его работе правильные выводы, полученные на основе анализа документального материала, переплетались с бездоказательными утверждениями; так, совершенно искусственно утверждение, что арендаторы корчем являлись «капиталистами того времени»⁴¹, а также положение о «накоплении дворовым хозяйством денежного капитала»⁴². Автор лишь утверждает, не приводя доказательств, что возрастающие денежные доходы поместья превращались в источник расширенного воспроизводства за счет эксплуатации наемного труда.

Поиск автором черт капиталистического производства в условиях феодализма привел к ошибкам. Так, односторонне подошел автор к выяснению влияния перевода крестьян с натуральной ренты на денежную, поскольку, не учитывая значения рыночных связей крестьянских хозяйств, размера денежной ренты и других факторов, не имел оснований отрицательно оценивать перевод повинностей на чинш. Отмеченные слабые стороны работы были обусловлены влиянием теории «торгового капитала», а также недостатком документального материала о феодальном поместье, крестьянском хозяйстве.

Эволюционный подход к изучаемым явлениям отчетливо выступает в другой работе К. И. Кернажицкого, опубликованной в 1929 г. По данным четырех инвентарей второй половины XVIII — начала XIX в. автор выясняет перемены, происшедшие как в господском, так и в крестьянском хозяйствах Брожского имения. Он обнаружил и доказал рост господского хозяйства, сдвиги в его структуре за счет появления промысловых заведений, расширения господской запашки. В крестьянском хозяйстве показан рост повинностей, сокращение наделов, рост имущественной дифференциации. Все это автор рассматривает как результат действия торгового капитала, который он считает «подлинным творцом волочной помещи»⁴³. Ошибка К. И. Кернажицкого состояла в том, что

⁴¹ Кернажыцкі К. Гаспадарка старастваў на Беларусі і эканамічны стан іх насельніцтва ў другой палавіне XVIII ст.— В кн.: Зап. аддз. гуманіт. навук. Працы класа гісторыі. Мн., 1928, т. 2, с. 37.

⁴² Там жа, с. 84, 91.

⁴³ Кернажыцкі К. Брожаскі ключ 1639—1810 гг. (сацыяльна-эканамічны нарыс з гісторыі Бабруйшчыны).— В кн.: Зап. аддз. гуманіт. навук. Працы класа гісторыі. Мн., 1929, т. 3, кн. 8, с. 145.

существование мелких торговцев и скупщиков в деревне, связи крестьянского хозяйства с рынком (соответствующие феодальному способу производства) он связывал с «торговым капиталом», которому придавал роль преобладающей силы, фактора, утверждающего капитализм, хотя известно, что «ни торговый, ни ростовщический капитал не составляют еще достаточного условия для возникновения капиталистического производства»⁴⁴.

Третья работа К. И. Кернажицкого — «Аграрная реформа в Бабруйском старостве и эканамичнае становішча яго насельніцтва з XVII да паловы XIX ст.» — первое монографическое исследование по аграрной истории Белоруссии в эпоху феодализма в белорусской советской историографии. Основу эволюции социальной структуры населения староств, по мнению автора, формирует торговый капитал. Бобруйское староство, как утверждает автор, — «типичный феодальный домен эпохи разложения феодализма и победы торгового капитала»⁴⁵.

В этой работе автор отходит от ранее высказанного им утверждения о натуральном характере хозяйства на востоке Белоруссии и констатирует существование и расширение в старостве фольварочного хозяйства за счет крестьянских земель, рост крепостнического гнета. Он истолковывает эти явления как следствие расширения товарно-денежных отношений. Проследивая ход волочной померы в старостве, он объясняет вызванную ею организацию поместного хозяйства стремлением государственного скарба устранить произвол и злоупотребления администрации, увеличить поступление доходов. Автор внимательно изучил положение крестьянского населения староства, выделив главное — усиление феодального гнета и сопротивление ему крестьянства. На основе статистического материала в книге показан процесс дифференциации крестьянства при общей картине обеднения крестьян вследствие сокращения наделов и усиления эксплуатации. Правда, автор не анализирует структуру феодальной ренты, не проследивает ее динамику, а ограничивается лишь перечислением всех видов повинностей. В книге освещены все формы сопротивления крестьян усилению феодального угнетения, однако изложение

⁴⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 176.

⁴⁵ Кернажыцкі К. Брожаскі ключ 1639—1810 гг. ..., с. 10.

ограничивается констатацией фактов, не выяснены причины преобладания тех или иных форм борьбы в определенных периодах.

Близка к работам К. Кернажицкого по методологии и методике исследования работа Т. Забелло «Панская гаспадарка на Беларусі і быт падданага сялянства ў другой палове XVIII стагоддзя». Свое исследование автор строит на статистическом материале, используя данные около 100 инвентарей за разные годы о поместьях запада и востока Белоруссии, а также Литвы и Поляшья. Однако автор остался на позициях констатации фактов, что привело его к неверным выводам. Таким является вывод о хозяйственном упадке господского двора (на основе описания ветхости построек)⁴⁶, причем не учитывается наличие целого ряда промысловых заведений. Слабость методики привела к серьезным методологическим проблемам. Так, например, отсутствует оценка господского хозяйства как определенного хозяйственного комплекса. Вывод об упадке хозяйства противоречит констатации разнообразия и многочисленности крепостнических повинностей, падавших на крестьянство⁴⁷.

Важное место в статье заняла характеристика положения крестьянства, состояния крестьянского хозяйства, которое, по мнению автора, в условиях усиления феодального гнета приходило в упадок. Автор отмечает различие размеров отработочной ренты на западе и востоке Белоруссии. Однако отсутствие сопоставимых данных о размерах феодальных повинностей за разные периоды не позволило автору сделать четкие выводы об их динамике.

В целом труды по аграрной истории Белоруссии, опубликованные в 20—30-е годы, содержат новую по сравнению с трудами буржуазных историков, более глубокую, научно обоснованную характеристику феодальной экономики Белоруссии. Однако ряд важных вопросов оставался слабоизученным.

⁴⁶ *Забела Т. І.* Панская гаспадарка на Беларусі і быт падданага сялянства ў другой палове XVIII стагоддзя.— В кн.: Зап. адз. гуманіт. навук. Працы класа гісторыі. Мн., 1928, т. 2, кн. 3, с. 110—146.

⁴⁷ Там жа, с. 111—119.

3. Социально-экономическая история городов

Городской тематике посвящена в 20—30-х годах небольшая группа публикаций — 5 статей по истории отдельных городов Белоруссии (Новогрудка, Минска, Могилева, Бреста) в XVI—XVII вв. и 4 статьи, освещающие некоторые стороны городской жизни — братская организация прасолов в Могилеве, торговля Витебска, городское самоуправление (Магдебургское право). Авторами этих статей были Т. И. Забелло, Д. И. Довгялло, В. Д. Дружциц, А. В. Бурдейко, В. Краснянский, Г. Степанов.

А. В. Бурдейко в работе «Нарыс сацыяльна-эканамічнага жыцця места Навагрудку ў XVI ст.» отмечает скудость источников для освещения связи экономики города с жизнью всего Литовско-Белорусского (по его терминологии) государства⁴⁸. Статья начинается с описания административного положения Новогрудка в XVI в. в качестве столицы Великого княжества Литовского, чтобы подчеркнуть обоснованность такой терминологии. Хозяйственная жизнь города стоит на втором плане. Автор не смог сколько-нибудь обстоятельно осветить хозяйственную жизнь города, так как пользовался небольшим количеством опубликованных источников. В представлении автора только та часть населения города, которая подчинялась магистрату как органу самоуправления по Магдебургскому праву, считалась горожанами, а юрисдикчане — «чуждым элементом». Ремесленным занятиям уделено крайне мало внимания, торговле — несколько больше. Однако отсутствие данных привело к выводу о незначительной роли торговли в Новогрудке.

В общих выводах автора отсутствует понимание значения процесса отделения ремесла от земледелия как ведущего фактора развития города. Занятия жителей города сельским хозяйством Бурдейко воспринял как основание для неверного вывода о том, что Новогрудок еще не был городом в XVI в.

В статье о Минске XVI—XVIII вв. другой автор — Д. И. Довгялло — ограничился пересказом фактов, со-

⁴⁸ Бурдейка А. Нарыс сацыяльна-эканамічнага жыцця места Навагрудку ў XVI ст.— Гістарычна-археалагічны зборнік. Мн., 1927, № 1, с. 155.

державшихся в опубликованных документах⁴⁹. Он сконцентрировал свое внимание только на вопросе о преобразующей роли торгового капитала.

Т. Степанов в статье о Могилеве причину предоставления городу Магдебургского права видит не в покровительстве старосты Могилевского, магната Ходкевича (как это считал А. Киркор), а в экономическом развитии города и борьбе горожан «за свои права и независимость»⁵⁰.

В истории города автор пытается вскрыть ведущую роль процесса отделения ремесленных и торговых занятий от земледелия. Вместе с тем, Т. Степанов верно понял своеобразие феодального города, выразившееся в сохранении значительной роли земледельческих занятий. Отметив своеобразие торговой деятельности горожан, автор выделяет с конца XV в. ведущее значение торговли с Западом, хотя не доказал этого положения фактами.

Торговым занятиям горожан автор придал значение главного экономического фактора в формировании городского сословия, сложившегося в социальную силу, усилениями которой верховная власть предоставила городу Магдебургское право.

Большой широтой материала, глубиной анализа явлений городской жизни отличается статья Т. И. Забелло «Места Берасцейскае ў XVI ст.» (Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Працы класа гісторыі. Мн., 1929, т. 3, кн. 8). Как и Степанов, он главное внимание уделяет торговле и в связь с ней ставит другие стороны городской жизни. Автор поставил перед собой цель — извлечь всю возможную информацию о городе XVI в. из известных ему опубликованных и архивных источников. Он не только констатирует то или иное явление в жизни города, а пытается использовать данные источников для количественного анализа. Так, он выясняет географию торговых связей города, его территорию, численность и состав населения, занятия горожан. Ведущей чертой освещения темы является эволюция городской жизни, выступающая в развитии ремесленного производства,

⁴⁹ Даўгяла З. Стары Мінск.— Наш край, 1923, № 2, 3.

⁵⁰ Сцяпанав Ц. Гісторыя места Магілёва да надання яму Магдэбургскага права.— В кн.: Зап. аддз. гуманіт. навук. Працы класа гісторыі. Мн., 1928, т. 2, с. 308—317.

изменении структуры городского населения, повинностей горожан. Такой метод изложения позволил автору раскрыть ряд важных тенденций в истории Бреста конца XV—XVI в. Так, им подмечена замена натуральных поборов денежными, появление купца-посредника в ряде ремесел. Присущее автору стремление к поиску тенденции развития, определению динамики процессов, концентрация внимания на социально-экономической проблематике — все это имело первостепенное значение для более глубокого применения марксистско-ленинской методологии в исторических исследованиях.

В другой группе статей о городах объектом исследования выступает не вся жизнь города, а ее отдельные стороны. Однако эти статьи не отличались ни полнотой документального материала, ни правильностью методологии, что часто приводило авторов к надуманным заключениям. Так, в братстве могилевских прасолов Д. И. Довгялло видит не производственный цех, не трудовое объединение, а капиталистическую торговую организацию⁵¹.

Непонимание природы феодального города и условий его развития привело автора к неправильному мнению, будто жившие на частновладельческих юридиках горожане являлись для города «паразитическим элементом»⁵².

Власть войта в городах Белоруссии рассмотрена в работе В. Д. Дружчица⁵³. Внимание автора сконцентрировано на юридических нормах власти и функциях войта. В методике изложения преобладает пересказ документов. Автор в итоге оказался под влиянием формально-юридического подхода в изложении темы. Заслугой его является понимание социальных следствий действовавшего принципа назначения войта из среды крупных феодалов. Автор с полным основанием видит в такой практике верховной власти причину приниженого положения горожан вследствие поддержки войтами интересов шляхты. Обошел автор вниманием влияние на деятельность магистрата и войта вечаевой традиции.

⁵¹ Давгялла З. Магілёўскае брацтва прасолаў.— Гістарычна-археалагічны зборнік. Мн., 1927, № 1, с. 129.

⁵² Там жа.

⁵³ Дружчыц В. Войты і іх улада ў беларускіх гаспадарчых месцах з Магдэбургскім правам.— В кн.: Зап. адд. гуманіт. навук. Працы класа гісторыі. Мн., 1928, т. 2, кн. 3.

В другой работе В. Д. Дружчица «Магістрат у беларускіх местах з Магдэбургскім правам у XV—XVII сталяццях» (Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Працы класа гісторыі. Мн., 1929, т. 3, кн. 8) выдвигается принципиально важное положение о влиянии конкретных условий Белоруссии XV—XVII вв. на организацию городского самоуправления. Он видит в них основу организации и деятельности городской власти: «Магдебургское право, заимствованное из Западной Европы, — считает он, — не давало готовой формы для организации городской власти в Белоруссии. Эта власть не просто переносилась и перенималась у немецких или польских городов, а определенным образом вырабатывалась на месте, при активном участии городского населения»⁵⁴. Непоследовательность конкретно-исторического подхода автора выступает в попытке представить богатую верхушку горожан — буржуазией, борьбу горожан с произволом властей — как борьбу против данной организации городской власти вообще. Эти факты свидетельствуют о неверном понимании автором конкретно-исторических условий того времени.

Подчеркнув отрицательную роль юридик в развитии города, автор прошел мимо фактов борьбы городов против юридик. Вообще, автор не видел феодального города в динамике, развития экономической и социально-политической жизни.

Городская тема не получила сколько-нибудь заметного изучения главным образом из-за отсутствия источников. Но в тех небольших по объему статьях, которые были опубликованы, положено начало научного подхода к освещению процесса урбанизации в специфических условиях феодального способа производства.

4. Работы по политической истории

Политическая история Великого княжества Литовского (в том числе и Белоруссии) освещается в целом ряде работ В. И. Пичеты. В 20-е годы В. И. Пичетой были написаны общие труды по истории средневековой Белоруссии: «История белорусского народа», «История Литовского государства до Люблинской унии» (Вильно,

⁵⁴ Дружчыц В. Магістрат у беларускіх местах з Магдэбургскім правам у XV—XVII сталяццях..., с. 393.

1921), «Гісторыя Беларусі», ч. 1 (М.—Л., 1924) и др.⁵⁵ В этих работах рассматриваются образование Великого княжества Литовского, его политический строй, литовско-польские унии и отношение к ним литовской и белорусской шляхты, национально-политическая борьба в XV в., взаимоотношения с Литовским государством, усиление политического влияния шляхты в государственной жизни, наконец, Люблинская уния.

В конце 30-х годов В. И. Пичета вновь возвращается к проблемам политической истории Великого княжества Литовского с древнейших времен до XVII в. Им написаны главы в учебниках для высших учебных заведений⁵⁶ и ряд научно-популярных статей, кроме того, научно-популярные и пропагандистские работы по истории Белоруссии и Западной Украины⁵⁷. В этих работах он освещает исторические процессы сквозь призму классовой борьбы, пользуясь методологическими указаниями классиков марксизма-ленинизма, увязывая историческое прошлое Западной Украины и Западной Белоруссии со злободневными вопросами текущей политики.

Одним из важных вопросов политической истории В. И. Пичета считал вопрос о включении белорусских и украинских земель в состав Великого княжества Литовского. В конце 30-х годов, возобновив работу над этой темой, В. И. Пичета отошел от взгляда на присоединение земель Западной Руси к Литве в результате агрессии. Подчеркивая добровольность этого политического акта со «стороны западнорусских князей, нуждавшихся в защите от угрозы татарского владычества», он отметил необходимость такого объединения для обеих сторон в связи с борьбой против немецких захватчиков-рыцарей⁵⁸. Однако уже в учебнике «История СССР» В. И. Пичета предлагает различать три пути вхождения белорусских и украинских земель в состав Великого княжества Ли-

⁵⁵ Курс белорусоведения. М., 1918—1920.

⁵⁶ История СССР / Под ред. Б. Д. Грекова. М., 1939, т. 1; История СССР / Под ред. В. И. Пичеты. М., 1941; История СССР. 2-е изд., М., 1948, т. 1.

⁵⁷ Октябрь, 1939, № 10—11; Советская наука, 1939, № 12; Историк-марксист, 1939, кн. 5—6; Пичета В. И. Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии. М., 1940.

⁵⁸ Пичета В. И. История Литовского государства до Люблинской унии. Вильно, 1921, с. 6; Борьба украинского и белорусского народов за свою свободу.— Вестник АН СССР, 1943, № 9-10, с. 34.

товского: захват земель Черной Руси, добровольное присоединение Турово-Пинской земли, Минского и Полоцкого княжеств и ряда других земель, переход Витебского княжества к литовским князьям путем брачных связей (женильба Ольгерда на дочери витебского князя Марии)⁵⁹. Этот взгляд принят белорусской советской историографией.

Характеризуя государственное устройство образовавшегося обширного Литовского государства, В. И. Пичета указывал на его по сути федеративный характер⁶⁰.

В 20-х годах В. И. Пичета видел в Великом княжестве Литовском «Литовско-белорусское государство»⁶¹. Он подчеркивал, что после присоединения к Литве Черной Руси и Полоцкого княжества оно утратило свой чисто литовский характер⁶². В учебниках по истории СССР, описывая события 1410 г., В. И. Пичета подчеркивает, что «вся литовская Русь встала под знамена Витовта... 15 июля 1410 г. литовско-русское (белорусское и украинское) и польское войска... встретились с немецкими войсками на территории Пруссии... Благодаря стойкости смолян Витовт не был разбит... К вечеру польским, литовским и русским войскам удалось разгромить рыцарей»⁶³.

Значительное место в трудах по политической истории В. И. Пичета уделяет отношениям Великого княжества Литовского с Московским государством (по его терминологии), особенно со второй половины XV в. В ранних работах он определил основную причину постоянных конфликтов между обоими государствами: это — собирательная политика московских князей, поставивших задачей объединение не только Северо-Восточной Руси, но и включение в состав Московского государства русских земель, отошедших к Литве⁶⁴.

Подробно рассмотрен В. И. Пичетой вопрос о литов-

⁵⁹ История СССР. 2-е изд., М., 1948, т. 1, с. 217—219.

⁶⁰ Пичета В. И. История Литовского государства до Люблинской унии, с. 9.

⁶¹ Пичета В. И. Белоруссия: Исторический очерк.— БСЭ. М., 1927, т. 5.

⁶² Пичета В. И. Основные моменты в исторических судьбах народов Западной Украины и Западной Белоруссии.— Историк-марксист, 1929, кн. 5, с. 77.

⁶³ История СССР. М., 1948, т. 1, с. 222.

⁶⁴ Пичета В. И. История Литовского государства до Люблинской унии, с. 31—38.

ско-польских униях, и в особенности о Люблинской унии.

В работах 20-х годов причины стремления литовской, белорусской и украинской шляхты к унии с Польшей В. И. Пичета определяет довольно ясно: шляхта желала демократизации государственного строя; чем больше шляхта принимала участие в политической жизни, тем более она сознавала необходимость унии с Польшей как условия шляхетизации⁶⁵. В своих последних работах В. И. Пичета определяет это положение еще более четко: «Социально-политический строй Великого княжества приближался к польскому. Шляхта под влиянием Ливонской войны и в борьбе со своими магнатами стала тяготеть к Польше, из которой вышла идея новой унии с Польшей, осуществленная на Люблинском сейме 1569 г.»⁶⁶ Следует отметить, что такая трактовка государственных уний Литвы и Польши (начиная с Кревской и кончая Люблинской) в основном была впоследствии принята белорусской советской историографией, лишь более четко определившей интересы разных групп феодалов.

При рассмотрении трудов В. И. Пичеты по политической истории Великого княжества Литовского (в том числе и белорусских земель, входивших в его состав), следует отметить, что он все более освобождался от влияния буржуазной исторической школы. В конце своего творческого пути В. И. Пичета по-новому осмыслил исторический процесс, твердо стал на позиции марксистско-ленинской методологии. Его работы, особенно последнего времени, явились своего рода перспективными направлениями для дальнейших исследований советских историков, в том числе и по политической истории Великого княжества Литовского.

5. Работы по истории культуры

Историей культуры и идеологическими движениями в Белоруссии в XVI—XVII вв. занимался (в основном в последние годы жизни) В. И. Пичета. В середине 20-х годов вышел в свет сборник статей, посвященных

⁶⁵ Пичета В. И. История Литовского государства до Люблинской унии, с. 71.

⁶⁶ История СССР. М., 1948, т. 1, с. 237.

400-летию белорусского книгопечатания⁶⁷. В. И. Пичета написал для этого сборника большую историографическую статью «Scoriniana» и статью о белорусском Возрождении. В первой работе содержится обстоятельный анализ всех публикаций с 70-х годов XVIII в. до 20-х годов XX в., в которых рассматриваются те или иные вопросы, связанные с деятельностью Ф. Скорины. Среди этих работ — статьи и монографии русских, украинских, белорусских, польских, чешских авторов. В. И. Пичета впервые охарактеризовал все работы, в которых говорится о белорусском первопечатнике. В. И. Пичета выделяет в изучении деятельности Скорины два этапа. Первый — с 70-х годов XVIII в. до конца 80-х годов XX в.; второй — с выхода в свет в 1888 г. монографического исследования П. В. Владимирова. В. И. Пичета справедливо считает, что эта работа, правильно осветив многие вопросы жизни и деятельности Скорины, положила вместе с тем начало поискам новых материалов для дальнейшего изучения как биографии, так и творчества, взглядов выдающегося деятеля белорусской культуры XVI в. Излагая взгляды различных авторов на творческую деятельность Скорины, В. И. Пичета дает им оценку и высказывает собственное мнение. Так, В. И. Пичета отрицает мнение ряда авторов (И. Добровский, О. Новицкий, С. Линде и др.) о принадлежности Скорины к протестантам. Историк присоединяется к тем исследователям, которые считают белорусского первопечатника православным не только по происхождению, но и по убеждениям.

Спорным считал В. И. Пичета вопрос об источниках перевода библии Скориной. Отвергая утверждение тех авторов, которые называли единственным источником перевода латинский текст, не считая достаточно обоснованным мнение, по которому наряду с Вульгатой использованы чешская библия 1506 г. и древнеславянский текст, историк пришел к выводу о необходимости дальнейших исследований этого вопроса.

Решительно отвергает В. И. Пичета утверждение ряда авторов, что книги Скорины напечатаны на польском языке. Попытки других определить язык изданий как «литовско-русский» или считать его «искусственной смесью» из разных языков он считает совершенно необоснованными. В. И. Пичета присоединяется к той группе

⁶⁷ 400-леце беларускага друку (1525—1925). Менск, 1926.

исследователей, которые относят язык книг Скорины к белорусскому языку XVI в.

Высоко оценивает В. И. Пичета монографию П. В. Владимирова, обобщившего весь накопившийся материал о Скорине и впервые давшего научное представление о деятеле белорусской культуры. Подчеркивая правильность подхода Владимирова к оценке деятельности Скорины как закономерному итогу исторического развития Белоруссии, историк вместе с тем считает, что намерение автора монографии связать деятельность первопечатника с эпохой осуществлено недостаточно.

В книге «Гісторыя Беларусі» (1924 г.) В. И. Пичета, называя Скорину гуманистом и связывая его деятельность с городским гуманистическим движением, не выясняет сущности его мировоззрения. Это он сделал позже. Исследованием белорусского и украинского Возрождения В. И. Пичета вплотную занялся в работе «Возрождение Украины — Руси и Белой Руси в XVI — начале XVII в.». Определив хронологические рамки белорусского Возрождения, в целом совпадающие с такой же эпохой в Русском государстве и на Украине, историк видит различия в причинах, вызвавших это явление. Национально-культурное Возрождение в Русском государстве В. И. Пичета связывает с классовой борьбой, происходившей на базе формирования дворянско-феодальной монархии Ивана IV. Возрождение в Белоруссии и на Украине он считает городским, буржуазным движением, возникшим в период экономического подъема. Важным фактором, обусловившим возникновение этого движения и наложившим отпечаток на его характер и направление, он считает начало польской феодально-католической агрессии.

В. И. Пичета считал национально-культурное возрождение в Белоруссии и на Украине единым движением, порожденным общими историческими причинами, общностью политической судьбы обоих народов. Но в Белоруссии оно возникло раньше, еще в начале XVI в. Зачинателем Возрождения В. И. Пичета считает белорусского первопечатника Франциска Скорину. В его деятельности он выделяет главным образом просветительскую сторону, подчеркивая в ней стремление приобщить к просвещению широкие народные массы⁶⁸. Он называет Скорину родоначальником белорусского литера-

⁶⁸ Пичета В. И. Белоруссия и Литва в XV—XVI вв., с. 719.

турного языка, основоположником национальной литературы, подчеркивая в его деятельности народную направленность.

Вторым важным явлением в истории феодальной Белоруссии В. И. Пичета считает Реформацию, в изучении которой, по его мнению, необходимо было, прежде всего, объяснить причины и степень распространения ее в белорусских и украинских землях, классовую основу всего движения. В указанной работе В. И. Пичета выделил демократическое течение Реформации—антитринитаризм, отражавшее идеологию крестьянских и городских плебейских масс⁶⁹. Другие вопросы этой темы он поставил в качестве исследовательской задачи. Они получили обстоятельное освещение в трудах белорусских историков и философов в 50—60-е годы.

В. И. Пичета считает, что реформационное движение в Белоруссии и на Украине не было глубоким и захватило, заинтересовавшее в секуляризации церковных земель. Возникновение национально-культурного движения в Белоруссии В. И. Пичета относил к началу XVI в. и связывал его с деятельностью Скорины. Кульминацию Возрождения он датировал серединой этого столетия. С конца же XVI в., со времени усиления католического наступления, национально-культурное движение, по мнению историка, становится односторонним, принимает оборотительные черты и ставит своей главной задачей теоретическую защиту православного вероучения против нападков католических теологов. Вследствие этого Возрождение, утверждает В. И. Пичета, вылилось в форму религиозной полемики, причем взгляды полемистов конца XVI в. не выходили за пределы схоластики и были шагом назад по сравнению с гуманистическими идеями, ярко выраженными в предисловиях к книгам Библии, написанных Скориной⁷⁰.

В. И. Пичета отмечает большую культурно-просветительную роль православных церковных братств, ставших центрами городского движения в защиту культуры белорусского и украинского народов в особо тяжелых условиях, когда верхушка православного духовенства отошла от борьбы, поставив классовые интересы выше

⁶⁹ Пичета В. И. Белоруссия и Литва в XV—XVI вв., с. 721—722.

⁷⁰ Там же, с. 723—725.

национальных. Он приходит к выводу, что заслуга белорусских и украинских просветителей конца XVI — начала XVII в. состоит в том, что они выступили в защиту веры своего народа, являвшейся в тот период символом народности⁷¹.

Весьма важна мысль, высказанная в этой работе В. И. Пичетой,— о взаимовлиянии культур трех братских народов — русского, белорусского, украинского. Он подчеркнул, что сознание связи с русским народом, чувство этнической опоры было той огромной силой, которая поддерживала просветителей XVI—начала XVII в. в их борьбе за сохранение своего языка и культуры⁷².

К исследованию деятельности и определению места в истории белорусской культуры Ф. Скорины В. Пичета обращается в другой работе, написанной, по всей вероятности, в последний период его научной деятельности,— «Культура Белоруссии в XVI в.». Работа эта не закончена. Она представляет собой комплекс сюжетов из истории развития культуры Белоруссии XVI в., главным образом характеристик известных деятелей культуры и просвещения — Ф. Скорины, Симона Будного, Феодосия Косого, Василия Тяпинского, Артемия. В предпосланном к этим характеристикам общем введении, кратко излагающем основные направления социально-экономического развития Белоруссии в конце XV—XVI в., историк не ставит задачу выяснения предпосылок национально-культурного Возрождения в Белоруссии в XVI в. Это скорее попытка определить наиболее существенные моменты экономической, социальной и политической истории. Вывод, который сделал В. И. Пичета, состоит в том, что Белоруссия и Литва во второй половине XVI в. находились на путях значительного экономического подъема⁷³. Шел процесс создания всебелорусского рынка, на основе которого завершилась этническая консолидация белорусской народности; в XVI в. завершился процесс формирования белорусского языка⁷⁴. В этой работе историк также большое внимание уделяет деятельности Ф. Скорины. Четко определяется социальная база, на которой Скорина сформировался как просветитель. В. И.

⁷¹ Пичета В. И. Белоруссия и Литва в XV—XVI вв., с. 729.

⁷² Там же, с. 730.

⁷³ Там же, с. 643.

⁷⁴ Там же, с. 646, 656.

Пичета подчеркивает, что Скорина — величайший представитель гуманистического просветительского движения, возникшего в городах Белоруссии в XVI в.⁷⁵ Биографические сведения, приведенные в книге П. В. Владимирова, В. И. Пичета дополняет данными, опубликованными в конце XIX в. и в 1917 г.⁷⁶ Отметив историческую роль Скорины как основоположника белорусского литературного языка, В. И. Пичета подчеркивает более важную, по его мнению, миссию первопечатника — просветительскую⁷⁷.

В. И. Пичета был первым, кто обратил внимание на содержание предисловий, написанных Скориной к изданным им библейским книгам, и высказал мнение, что в этих предисловиях отражается сущность мировоззрения гуманиста-просветителя⁷⁸. Историка привлекает патриотизм, рационализм, реализм, гуманизм Скорины, его глубокая любовь к Родине, своему народу, служению которому он посвятил свою жизнь.

Особенно привлекают В. И. Пичету морально-этические и правовые идеи Скорины, приводящие к выводу о необходимости установления единого для всех гражданского права, основанного на принципе «равная свобода всех, общее имение всех». По мнению В. И. Пичеты, «идеальное право Скорины — своего рода утопический социализм, образцом которого является организация жизни в первых христианских общинах»⁷⁹.

В. И. Пичета исследовал деятельность Симона Будного и его роль в развитии белорусской культуры. Надо сказать, что до Пичеты деятельность Будного не получила освещения в советской историографии; отдельные высказывания о нем (Н. А. Янчук, А. Савич) ограничивались констатацией факта издания им Катехизиса на белорусском языке и представлением его как антитринитариста. Следует отметить, что оценка С. Будного В. И. Пичетой претерпела заметную эволюцию. В работе «Белорусское Возрождение» историк квалифицировал Будного как продолжателя традиций Скорины, выдающегося представителя белорусского гуманизма⁸⁰. В другой ра-

⁷⁵ Там же, с. 656, 657.

⁷⁶ Там же, с. 661.

⁷⁷ Там же, с. 665.

⁷⁸ Там же, с. 663.

⁷⁹ Там же, с. 672.

⁸⁰ 400-лецце беларускага друку, с. 286.

боте, написанной, видимо, в 40-х годах, историк не находит между Скориной и Будным никакой преемственности, считая их цели прямо противоположными: Скорина боролся за сохранение белорусского языка и культуры, Будный же, по его мнению, под предлогом распространения протестантизма стремился оторвать белорусский народ от религиозных традиций, содействуя этим его денационализации⁸¹. Пичета относил Будного к деятелям польской культуры и просвещения. Он считал, что Будный стремился примирить догматические основы антитринитаризма с существовавшим социально-политическим строем, оправдывал феодальное землевладение и крепостничество, освящал феодальные захватнические войны, своей деятельностью он удовлетворял религиозные потребности польской шляхты и способствовал обращению белорусского народа в протестантизм⁸². Такая трактовка деятельности С. Будного вытекает из той общей оценки протестантизма и его роли в белорусских землях, которую дал историк. Он исходит из тезиса о том, что Реформация в Белоруссии не получила значительного распространения и привлекла лишь часть феодальной знати, вылившись в форму умеренного кальвинизма.

Шляхетские круги православного вероисповедания стояли в стороне от протестантского движения, на народные массы Белоруссии (крестьян и горожан) оно не оказало, по его мнению, никакого влияния⁸³. Протестантизм в Литве и Белоруссии расценивается В. И. Пичетой как орудие в руках магнатов для идеологического наступления на своих подданных — белорусское православное крестьянство. Поэтому, по его утверждению, протестантство было опасным для белорусского народа, способствовало потере им своей национальной самобытности. Историк считает, что колонизация, осуществлявшаяся деятелями протестантизма, предшествовала колонизации, которую проводила католическая церковь с конца XVI в.⁸⁴

Продолжателем дела Скорины В. И. Пичета считает Василия Тяпинского, который перевел на белорусский язык и напечатал на собственные средства Евангелие.

⁸¹ Пичета В. И. Белоруссия и Литва XV—XVI вв., с. 685.

⁸² Там же, с. 686, 688.

⁸³ Там же, с. 680, 681.

⁸⁴ Там же, с. 682—683.

Отмечая патриотизм В. Тяпинского, выразившийся в заботе о просвещении народа, В. И. Пичета подчеркивает утопичность пути осуществления этой цели — привлечения к просветительской деятельности светских феодалов. Считая Тяпинского умеренным антитринитарием, Пичета не связывает его протестантизм с враждебными для национально-культурного развития белорусского народа целями⁸⁵.

Несмотря на некоторую предвзятость оценок деятельности отдельных представителей культуры Белоруссии XV — начала XVII в., В. И. Пичета дал направляющую линию для последующих исследований в области общественно-политического и культурного развития белорусских земель в эпоху феодализма.

⁸⁵ Там же, с. 681—682.

РАЗВИТИЕ ИСТОРИОГРАФИИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

1. Аграрные отношения

В послевоенные годы одним из ведущих исследователей истории аграрных отношений, крестьянства Белоруссии в XVI—XVIII вв. является советский украинский историк Д. Л. Похилевич (1897—1974 гг.). Свои наблюдения, изложенные в ряде статей, он систематизировал и обобщил в монографии «Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв.» (Львов, 1957). Для белорусской советской историографии этот труд был этапным, ибо в нем, с одной стороны, подведены главные итоги той работы, которую проделали историки в прошлом, а с другой — выдвинут ряд положений и выводов, имеющих значение не столько достигнутого результата, сколько постановки исследовательской задачи. Это двойное значение указанного труда отчетливо выступает уже в первой главе, характеризующей обеспеченность крестьян землей и рабочим скотом. Судьбу крестьянского надела автор проследил на ряде фактов, не оставляющих сомнения в том, что в течение столетия земельный надел крестьянина уменьшился в два с лишним раза. Но автор не объяснил, в результате чего это произошло. А причин было много и в плане социально-экономическом, и демографическом, и военно-политическом. Выяснить, раскрыть суть этих причин до сего времени остается задачей историков. Чтобы существенно продвинуться в этой области, необходим широкий поиск источников, содержащих сведения, нужные для решения поставленных задач.

Автор справедливо настаивает на мысли о прочности общины, но ее конкретное значение, функции и рост в изучаемый им период не осветил.

На ряде примеров, приведенных в книге, читатель убеждается в дроблении, сокращении надела. Но этим не исчерпываются те изменения, которые претерпевал кре-

стьянский надел. Ряд источников указывает, например, на усложнение структуры надела: в первой половине XVII в. в нем образуются тяглая и чиншевая доли, что свидетельствовало об усложнении рентных отношений. Еще предстоит выяснить, в чем были причины и каково следствие возникшего явления. В книге не определяется, какую роль в судьбе надела сыграло фольварочно-барщинное хозяйство, в какой мере оно повинно в сокращении земельного участка, предназначенного крестьянской семье. Автор утверждает, что удельный вес фольварочной запашки колебался по отношению «к крестьянскому сектору» в XVI в. «от 1:7 (у господаря) до 1:4 (у шляхты), а в XVII в. вырастает до 1:2 и даже доходит до 1:1»¹, но не приводит никаких данных, подтверждающих эту мысль. Более того, из приведенных им данных о Кобринском старостве за 1597 г. можно сделать вывод, что за 40 лет, прошедших после реформы («Уставы на волоки») 1557 г., в государственных владениях соотношение изменилось с 1:7 до 1:11, т. е. сократилось, а не выросло. Ошибочно само отнесение ко всему «крестьянскому сектору», ибо в действительности оно затрагивало только тяглую его часть. Наделы чиншевые, вольные это соотношение не определяли.

Обстоятельно исследованы во второй главе виды и размер повинностей крестьян во второй половине XVI — первой половине XVII в., показано на примере Кобринской экономии, Череваничского и Вещицкого дворов² своеобразное проявление гибкости поместной администрации в выборе наиболее эффективного варианта барщинной эксплуатации. В книге много свидетельств того, что чиншевые (осадные) крестьянские наделы не спасали крепостного держателя от барщинной повинности, — вывод, который автор настойчиво проводит, заключая разбор групп сведений, взятых в источниках³. Тем не менее его вывод о натурализации повинностей правомерен лишь в качестве частного случая, а не общей тенденции⁴. Автор прав, отмечая, что эволюцию повинностной системы во всем ее многообразии поможет выяснить ряд локаль-

¹ Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XV—XVIII вв. Львов, 1957, с. 7.

² Там же., с. 37—38.

³ Там же., с. 41, 51, 54, 56, 61.

⁴ Там же., с. 38.

ных исследований⁵. Он вправе был сделать вывод, что давала себя знать тенденция к унификации различных категорий крестьян «в единую тяглую массу»⁶. Известное подтверждение этому давали приведенные в книге факты перевода даже крестьян-слуг, имевших некогда свободные от крестьянских повинностей наделы, на положение чиншевых и даже тяглых. Но отдельных фактов-иллюстраций для столь широкого вывода явно недостаточно, ибо имеется немало свидетельств и того, как прочно было еще положение крестьян-слуг в качестве держателей вольных наделов.

Важную линию развития исторического процесса раскрывает автор, констатируя формирование категории наемных работников. Приведенные в книге факты дали достаточно доказательств того, что «людей, предлагающих свой труд, к середине XVII в. было уже немало» в Белоруссии и Литве⁷. Процесс этот продолжался в течение XVII в. Но роль этой категории в экономике поместья, крестьянского хозяйства, городском ремесле еще предстоит выяснить. Автор лишь ограничился замечанием, что «данные о наемной рабочей силе в первой половине XVII в., как и вообще о хозяйственной жизни этого времени, довольно скупы»⁸. Следовательно, и в этой области предстоит творческий поиск, тем более, что в последние годы обнаружено немало яркого материала о хозяйственной жизни в Белоруссии конца XVI — первой половины XVII в.

Завершает автор исследование социально-экономической жизни столетия после аграрной реформы 1557 г. главой о борьбе крестьян против феодального гнета. Приведенный материал раскрывает неуклонное нарастание крестьянского протеста, сопротивления растущей эксплуатации, бесправия, произволу и насилию господствующего класса. Автор показал, как менялись формы борьбы крестьян. Высшим ее проявлением была крестьянская война середины XVII в. Оценивая ее значение, автор подчеркивает, что удар, нанесенный украинским и белорусским народом, «сильно ослабил феодализм и не только на Украине, в Белоруссии и Литве, а в целом Речи Посполи-

⁵ Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв.

⁶ Там же, с. 40.

⁷ Там же, с. 86.

⁸ Там же, с. 87.

той... народно-освободительная война... подломив могущество литовских и польских феодалов, усилила позиции литовского и польского крестьянства в его борьбе против собственных угнетателей...»⁹.

Тенденции в экономической и социальной жизни, характерные для второй половины XVI—первой половины XVII в., не получили своего продолжения в последующее столетие. Конкретно-историческая обстановка внесла, показывает автор, существенные коррективы. Опровергая имевшее место идеалистическое толкование буржуазными историками сложившейся ситуации как следствия соображений гуманности, Д. Л. Похилевич отмечает, что в действительности экономическая необходимость продиктовала господствующему классу перевод крестьян на денежную ренту¹⁰, составившую главный рычаг, с помощью которого феодальная Речь Посполитая искала спасения от народного гнева и экономической разрухи. Углубленный анализ конкретно-исторической обстановки позволил автору подметить, что, порывая с барщинной системой, землевладельцы не скрывали своей приверженности к ней, порой демонстрируя это в своих предписаниях, когда признавали намерение ограничиться чиншем лишь «пока не укрепят свое хозяйство крестьяне»¹¹. Из анализа различных данных автор пришел к выводу, что поместья, которых не коснулись бедствия «потопа», сохранили барщину. «Сильнее других,— заключает автор,— держались за барщину мелкие и средние шляхтичи»¹², т. е. большинство господствующего класса. Продолжала жить, отмечает автор, и практика использования наемного труда, но, по его справедливому мнению, «факт такого временного применения его даже во многих хозяйствах... при полном сохранении феодально-крепостнических отношений в целом обществе не является показателем формирования и развития капиталистического уклада в сельском хозяйстве»¹³.

Кратко отметив живучесть крестьянской общины, развитие некоторых ее функций под покровительством госу-

⁹ Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв., с. 108.

¹⁰ Там же, с. 118.

¹¹ Там же, с. 143.

¹² Там же, с. 156.

¹³ Там же, с. 160.

дарства и самих феодалов, автор завершает книгу обзором событий, отражавших развитие крестьянской борьбы против феодальной эксплуатации во второй половине XVII — первой половине XVIII в.

Специальное исследование истории Речи Посполитой на рубеже двух эпох — разложения феодального и зарождения капиталистического способов производства Похилевич провел в книге «Крестьяне Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII в.». В введении он отметил те явления в экономике Речи Посполитой, которые характеризовали зарождение в ней капиталистических отношений: появление мануфактурных предприятий, наемного труда, экономической дифференциации крестьянства, рост денежной ренты. Но, по мнению автора, эти явления приобрели устойчивое значение лишь в первой половине XIX в.¹⁴ Он считает, что сельское хозяйство и крестьянство составляли ту часть хозяйственной жизни Речи Посполитой, «где процесс разложения феодализма и формирования капитализма протекал во второй половине XVIII в., пожалуй, наименее заметно»¹⁵.

В первой главе книги, анализируя положения и принципы реформы А. Тизенгауза, а также результаты ее осуществления, автор показал возрождение в королевских владениях фольварочно-барщинной системы, утверждение крепостнической эксплуатации не только в фольварках, но и на мануфактурах. Отмена некоторых повинностей тяглых крестьян не принесла сколько-нибудь заметного облегчения феодального гнета. Еще более заметным стало обнищание крестьян, о чем свидетельствовал рост числа кутников-коморников в королевских экономиах¹⁶. Аналогичным было положение крестьян в других королевских владениях-староставах, державах, поскольку и здесь господское хозяйство строилось на фольварочно-барщинной системе эксплуатации. Пауперизация массы крестьянства и выделение богатой верхушки выступали здесь еще отчетливей¹⁷. Автор констатирует, что во второй половине XVIII в. региональные различия в феодальном гнете, сложившиеся еще в XVI в., сохранялись. Так,

¹⁴ Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII в. Вильнюс, 1966, с. 5.

¹⁵ Там же, с. 6.

¹⁶ Там же, с. 35.

¹⁷ Там же, с. 79.

в Восточной Белоруссии самым меньшим был доход от фольварков, т. е. от господского хозяйства, тогда как в Западной фольварк оставался главным источником дохода¹⁸.

Оценивая результат, достигнутый господствующим классом путем возрождения фольварка, автор замечает, что был достигнут лишь уровень XVI в. Большого фольварочно-барщинная система не могла дать экономике страны. Те, кто стремился добиться дальнейшего подъема хозяйства, стали «переводить крестьян на чинш и расширять применение наемного труда в фольварочном хозяйстве»¹⁹. На этот путь стали некоторые магнаты. Автор показал, как в имении Щорсы замена владельцем барщинных работ денежной рентой, привлечение наемного труда способствовали росту доходности господского хозяйства и улучшению положения крестьян²⁰. Но подобные реформы, отмечает автор, не стали правилом, они «были недолговечны и значительного влияния на развитие деревни не оказали»²¹. Правилom осталось поместье, «покоившееся на устарелых феодальных паразитических принципах, связывающих предпринимательские тенденции в области сельского хозяйства, исключавшие его интенсификацию...»²². Только богатая верхушка крестьянства под влиянием товарно-денежных отношений имела возможность вести свое хозяйство, прибегая к эксплуатации наемного труда. Развитию найма способствовал и прогрессирующий рост безземельного крестьянства²³. Принудительный наем получил распространение в господском хозяйстве. Власть феодала полностью контролировала и определяла деятельность крестьянской общины, что еще более усиливало крепостную неволю крестьянина²⁴.

Свое исследование автор завершил рассмотрением форм борьбы крестьян против нового усиления феодального гнета, проявлявшейся в форме жалоб, протестов, бегства, открытых выступлений, вооруженных восстаний.

Проблему позднего феодализма в сфере аграрной ис-

¹⁸ Там же, с. 95.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, с. 134—137.

²¹ Там же, с. 137.

²² Там же, с. 142.

²³ Там же, с. 156—159.

²⁴ Там же, с. 152.

тории успешно решали белорусские советские историки. К их числу принадлежит П. Г. Козловский. Исследованию крестьянского хозяйства в поместьях крупных феодалов-землевладельцев Белоруссии посвящена монография П. Г. Козловского «Крестьяне Белоруссии во второй половине XVII—XVIII в.». Основными источниками для изучения явились инвентари.

Территориальные границы исследуемого автором региона — западная и центральная части Белоруссии. Он делит изученный период на два этапа: первый — вторая половина XVII — первая половина XVIII в. и второй — вторая половина XVIII в. Это деление определялось в значительной мере политическими факторами: упадком экономики Польши (и в особенности Белоруссии) вследствие разорения во время казацко-крестьянского восстания во второй половине XVII в. и русско-польской войны, а затем в первой четверти XVIII в. — Северной войны. В книге отмечается, что сельское хозяйство Белоруссии на протяжении 100 лет дважды подвергалось разорению и дважды восстанавливалось²⁵.

П. Г. Козловский, разделяя точку зрения Д. Л. Похилевича о способах восстановления сельского хозяйства в королевских владениях и в некоторых частных владениях на востоке Белоруссии, считает, что в них казна отказалась от собственной запашки, а земля была роздана крестьянам за денежную и натуральную ренту; тем самым казна дала возможность крестьянам поднять сельское хозяйство. С середины XVIII в. вновь началось расширение фольварочного хозяйства²⁶.

По мысли П. Г. Козловского, в западных и центральных вотчинах путь восстановления был иной: в большинстве поместий здесь сохранились фольварки и во второй половине XVII — первой половине XVIII в., так как меньше пострадали от войн. Автор пришел к выводу, что уже в 30—40-х годах XVIII в. господское хозяйство в магнатских вотчинах окрепло, увеличились посевы²⁷. В последующее время в связи с общим улучшением экономики быстро возросло количество фольварков в магнатских вотчинах²⁸. Эти обстоятельства определили характер

²⁵ Козловский П. Г. Крестьяне Белоруссии во второй половине XVII—XVIII в. Мн., 1969, с. 23.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, с. 27.

²⁸ Там же, с. 28—29.

развития крестьянского хозяйства. Автор провел большую работу по сравнительному подсчету численности сельского населения 58 магнатских владений (свыше 740 деревень) и пришел к выводу, что общая численность сельского населения на протяжении XVIII в. заметно возросла (не меньше чем в $1\frac{1}{2}$ раза)²⁹. Козловский считает, что сельское население магнатских владений увеличилось не только в связи с естественным приростом, но и за счет так называемых захожих (пользовавшихся свободой перехода) и лезных людей (в основном беглые крестьяне).

Противоречиво изложен в книге вопрос о тяглом наделе. По мнению автора, в течение XVII—XVIII вв. росло число тяглых хозяйств за счет чиншевых. Но вместе с тем в крестьянском наделе его тяглая доля сокращалась, теряя свое значение ведущей, и росла доля чиншевой (приемной) земли. Итогом такого процесса должно было явиться не возрастание, а сокращение числа тяглых хозяйств.

Изучая крестьянское землепользование, автор установил, что в конце XVII — начале XVIII в. крестьянские пахотные земли резко сокращались вследствие гибели и бегства крестьян. С 30-х годов XVIII в. он наблюдает рост пахотных земель в магнатских вотчинах за счет распашки заброшенных земель, пустошей, расчистки лесов. Широкое распространение получила распашка крестьянами пустошей в пользу господского двора за часть урожая³⁰. Издольщина, как показано в книге П. Г. Козловского, постепенно вытеснялась другими формами землепользования: пустоши, распаханые крестьянами, закреплялись за ними в постоянное пользование как «приемные» (или «боковые») земли, за которые крестьяне платили небольшой денежный оброк, а иногда выполняли и другие повинности.

Описываются в книге различные неземледельческие занятия крестьян — рыболовство, лесное бортничество, различные промыслы, особенно связанные с обработкой дерева; последние иногда были у части крестьян основным занятием³¹. Некоторые ремесленники, в большинстве строительных профессий, указывает автор, являлись не слугами, как в XVII в., а ремесленниками-профессионалами, они за свой надел вносили только денежный чинш.

²⁹ Там же, с. 33.

³⁰ Там же, с. 47—48.

³¹ Там же, с. 72—74.

Эволюция крестьянских промыслов в XVII—XVIII вв. привела, отмечает автор, к превращению некоторых видов производства (бондарное, смолярно-поташное и т. п.) в товарную отрасль хозяйства³².

Изучая структуру феодальной ренты, П. Г. Козловский пришел к заключению, что в магнатских поместьях XVII и XVIII вв. не встречалось хозяйств с одной формой феодальной ренты: все формы ренты сосуществовали; лишь в период военных разорений отмечалось снижение удельного веса тяглых крестьян и соответственно увеличение числа чиншевиков, хотя перевода на чинш всей вотчины не наблюдалось³³. Не случайно поэтому значительно меньший процент переведенных на чинш тяглых крестьян был в тех владениях на западе Белоруссии, которые в меньшей степени подверглись разорению. На востоке, считает автор, фольварочное хозяйство в первой половине XVII в. и последующий период не получило развития³⁴. Но это мнение отвергают подсчеты автора, согласно которым в первой половине XVIII в. в 25 владениях магнатов на востоке тяглые составляли 20% дворов, а во второй половине XVIII в. в 47 владениях они составляли 44%, т. е. в 2 раза больше.

На основе данных по 15 крупным латифундиям автор пришел к выводу, что на протяжении XVII—первой половины XVIII в. удельный вес тяглого крестьянства в центральном и западном районах не подвергался резким колебаниям и составил в среднем до 66%³⁵.

Соглашаясь с мнением Д. Л. Похилевича, что в королевских владениях рос удельный вес денежной ренты за счет отработочной, П. Г. Козловский считает, что в магнатских вотчинах центра и запада Белоруссии этот процесс проявлялся в иных формах; имел место не перевод крестьян с барщины на чинш, а изменение структуры крестьянского надела и рост доли приемной земли, что влекло за собой увеличение оброка³⁶.

Исследуя динамику барщинной повинности, П. Г. Козловский изучил материалы более чем 100 владений разной величины и пришел к заключению, что существовала большая пестрота барщинных повинностей в отдельных

³² Козловский П. Г. Крестьяне Белоруссии..., с. 75—76.

³³ Там же, с. 80.

³⁴ Там же, с. 82.

³⁵ Там же, с. 83.

³⁶ Там же, с. 86.

владениях; при этом он установил почти повсеместный рост барщины в XVII—XVIII вв. в поземельном исчислении: за столетие она возросла с волоки земли в $1\frac{1}{2}$ —2 раза, иногда и больше. Однако в подымном исчислении рост барщины был значительно меньшим; это объясняется, как подчеркивает автор, ростом доли приемной земли и сокращением доли тяглого надела³⁷.

Положение крестьянства определялось, установил автор, двуединым процессом: увеличением чинша, который, по его подсчетам (на основе данных 14 магнатских вотчин), во второй половине XVIII в. по сравнению с первой половиной составлял до 130% с волоки, и ростом удельного веса тяглых в западных районах с 66 до 74%.³⁸ Правда, автор не сообщает, учтено ли им падение стоимости денег, что очень важно для суждения об уровне чинша. Убедительно показаны порайонные различия в повинностях крестьян: на западе тяглых дворов — 78%, в центре — 55%, на востоке — 44%.³⁹ Но в книге нет объяснения, чем это было обусловлено и в какой мере данное явление следует считать новым этапом в истории аграрного строя в Белоруссии.

Обстоятельно изучены в книге повинности бояр, земян, крестьян-слуг и прочих категорий сельского населения. Прослеживаются рыночные связи крестьянского хозяйства, которые, по мнению автора, носили двусторонний характер: крестьяне продавали сельскохозяйственные продукты, разные ремесленные изделия не только для уплаты оброка, но и для того, чтобы закупить орудия труда, соль и другие товары. Однако вывод автора о том, что «развитие товарно-денежных отношений и углубление разделения труда во второй половине XVIII в. активизировали крестьянскую торговлю»⁴⁰, не подкреплен достаточно убедительными данными. Более того, его вывод противоречит приведенным фактам о росте задолженности крестьян, о периодической нехватке посевного материала и т. п.⁴¹ Мысль о рыночных связях крестьянского хозяйства находит подтверждение в подсчетах имущественной дифференциации крестьянства. Данные об обеспеченности пахотной землей и рабочим скотом 6350 кре-

³⁷ Там же, с. 88.

³⁸ Там же, с. 93—94, 97—98.

³⁹ Там же, с. 99.

⁴⁰ Там же, с. 131.

⁴¹ Там же, с. 133.

стьянских хозяйств позволили установить факт значительного расслоения крестьянства во второй половине XVIII в.⁴²

В небольшом разделе книги перечислены формы борьбы крестьян: жалобы на злоупотребления администрации магнатского поместья, групповые побеги, бунты, восстания. По сути, вся проблема антифеодальных выступлений крестьянства, его классовой борьбы в XVII—XVIII вв. автором только поставлена в качестве исследовательской задачи.

Попыткой аргументированного освещения особенностей развития феодализма на востоке Белоруссии является монография В. И. Мелешко «Очерки аграрной истории Восточной Белоруссии (вторая половина XVII—XVIII в.)».

Дав характеристику состоянию сельского хозяйства, сложившегося к середине XVIII в., и выяснив, почему в последующее столетие оно оказалось в состоянии разорения и глубокого упадка, автор затем убедительно показывает, что восстановительный процесс на востоке Белоруссии проходил не так, как на западе, и что там «число тяглых волок к середине XVIII в. не только не увеличилось, но даже уменьшилось»⁴³, что отчетливо указывало на ведущую роль крестьянского хозяйства в восстановительном процессе. Это обстоятельство господствующий класс сумел использовать в своих интересах для оживления разоренных поместий. Феодалы поощряли сложившийся ход событий, предоставляя новопоселенцам освобождение от всех повинностей на 3 года⁴⁴, что позволило феодалам сохранить за собой роль ведущей силы, а феодальному землевладению — значение «незыблемой основы всех восстановительных явлений». Намечая перспективу своего исследования, автор определяет сложившуюся конкретно-историческую ситуацию как тот тип развития, при котором неизбежно должны были по мере возрождения хозяйства «занять прежнее значение классовые отношения и классовые противоречия, присущие феодальному способу производства»⁴⁵.

Данные большого числа источников, приведенные Ме-

⁴² Козловский П. Г. Крестьяне Белоруссии..., с. 147.

⁴³ Мелешко В. И. Очерки аграрной истории Восточной Белоруссии (вторая половина XVII—XVIII в.). Мн., 1975, с. 33.

⁴⁴ Там же, с. 37.

⁴⁵ Там же, с. 39.

лешко, подтвердили его точку зрения — на востоке, западе и в центре Белоруссии существовала однотипная структура феодальной собственности. Он пишет: «...повсеместно шляхетская земельная собственность преобладала»⁴⁶. Вместе с тем, восток Белоруссии сохранил в структуре феодальной собственности больший удельный вес государственной и меньший в два раза удельный вес церковной земельной собственности по сравнению с западной и центральной территориями Белоруссии⁴⁷. На востоке в структуре землевладения, устанавливает автор, типичными были три формы: пожалование, залог и аренда, ведущую роль играли магнаты.

В третьей главе, приступая к анализу помещного хозяйства, автор принял в качестве исходной мысль о том, что «фольварки и на востоке Белоруссии были явлением распространенным»⁴⁸. С этой точкой зрения трудно согласовать высказанное автором в первой главе мнение, что на востоке Белоруссии «и до военного разорения в крупных королевских и частных владениях фольварочно-барщинное хозяйство не получило широкого развития»⁴⁹. Причем это положение автор подтверждает лишь сведениями об одном владении. Однако вполне убедительно показано отличие экономического значения фольварка на востоке, в частности его большая подчиненность промышленным целям владельца поместья и меньшая — чисто торговым, которые на западе и в центре Белоруссии имели определяющее значение⁵⁰. Автор правильно объясняет различие судеб фольварка на востоке, западе и центре Белоруссии, согласные с рядом суждений, ранее сложившихся в историографии⁵¹.

Важным является указание автора на рост промыслов в качестве фактора развития фольварка на востоке Белоруссии. Широкий обзор промышленного хозяйства крупного феодального поместья, предпринятый автором в третьей главе, вполне объясняет специфику масштабов распространения фольварка и его иное по сравнению с западом хозяйственное назначение. Можно лишь заметить, что окончательное решение вопроса о специфике барщинно-

⁴⁶ Там же, с. 60—61.

⁴⁷ Там же, с. 60.

⁴⁸ Там же, с. 95.

⁴⁹ Там же, с. 21.

⁵⁰ Там же, с. 102—103.

⁵¹ Там же, с. 214, 215.

крепостнического хозяйства на востоке Белоруссии требует столь же подробного рассмотрения среднего и мелкого поместий.

В анализе рыночных связей автор правомерно выделяет решающее значение промыслового профиля, сложившегося на востоке Белоруссии в крупных феодальных владениях. В сфере зернового производства, считает автор, главным поставщиком для внутреннего рынка было крестьянское хозяйство. Хозяйство крупного феодала не изолировало себя от внутреннего рынка, оно продавало более 50 видов товаров⁵². Но небольшие размеры фольварка ограничивали масштабы рыночной торговли. Значительно масштабней были внешнеторговые операции, чтобы участвовать в них, феодал нередко скупал товары на местном рынке⁵³. Предрасположенное преимущественно к внешней торговле, крупное феодальное хозяйство, по мнению автора, явилось фактором не только возрастания объема экспортных операций, но и вовлечения в эту сферу наряду с Подвиньем обширной территории Поднепровья.

Широкий круг вопросов аграрной истории Белоруссии XVIII в. исследуется в монографии П. Г. Козловского «Магнатское хозяйство Белоруссии во второй половине XVIII в.». В этой монографии впервые в советской исторической науке дается всестороннее углубленное исследование хозяйства крупных помещиков-магнатов, которым, как установлено автором, принадлежало 46% всех земель, находившихся в собственности помещиков в центральном и западном районах Белоруссии, и около трети всех земельных площадей этой территории. Исследование организации магнатских хозяйств основано на обширном круге источников, из которых большая часть — архивные материалы, впервые привлеченные для изучения. Кроме инвентарей использованы различные хозяйственные документы — отчеты экономов и управляющих, реестры сборов хлеба, журналы ежедневного производства работ, приходо-расходные ведомости урожая, кассовые книги, инструкции собственника поместья, различная хозяйственная переписка и др.

В книге П. Г. Козловского рассмотрено влияние развития внутреннего рынка, увеличения спроса западноев-

⁵² Мелешко В. И. Указ. соч., с. 180.

⁵³ Там же, с. 204, 205.

ропейских стран на продукты сельского хозяйства и различные лесотовары, на характер и масштабы магнатского вотчинного производства Белоруссии. Приведенные данные убедительно свидетельствуют о расширении площади помещичьей запашки, увеличении поголовья скота, а также развитии лесных и других промыслов, что дает основание утверждать, что фольварочное производство в крупных поместьях Западной и Центральной Белоруссии во второй половине XVIII в. носило многоотраслевой характер; оно было представлено всеми видами хозяйственной деятельности — земледелием, животноводством, птицеводством, овощеводством и плодоводством, пчеловодством, разведением рыбы и др. Итоговые данные по 20 латифундиям (до 70 фольварков) позволили автору прийти к выводу, что полевые культуры приносили владельцу до 70% дохода, сено — 20%, скотоводство — более 8%. Нельзя, однако, не заметить, что наблюдениям автора не хватает доказательства того, что эти явления отражают не традиционное состояние крупного феодального владения, а новый этап в его хозяйственном облике. В частности, инвентари магнатских владений конца XVI и первой половины XVII в. свидетельствуют о такой же хозяйственной структуре феодального поместья. Произведенные автором подсчеты дали ему основание оспорить вывод Т. И. Забелло об упадке фольварочного производства в XVIII в. В указанных районах Белоруссии П. Г. Козловский проследил повсеместное расширение почти в 2 раза площадей посевов за счет распашки пустошей, вырубки лесов и захватов части крестьянских земель; это служит убедительным доказательством роста товарности крупных хозяйств.

Автор привел свидетельства о совершенствовании агротехники, улучшении семенного фонда, применении многопольных севооборотов и др. В фольварочных посевах отмечена тенденция к увеличению доли товарных культур, что объяснялось частичной интенсификацией хозяйства, ростом животноводства. Интересные данные получены автором о росте урожайности вследствие улучшения агротехники.

В книге правильно отмечается, что новое утвердилось далеко не во всех магнатских хозяйствах. Было немало владений, в которых традиция, рутинная преобладали. Рост товарности магнатских поместий в западной и центральной частях Белоруссии достигался главным образом

за счет резкого усиления эксплуатации крепостного крестьянства, а именно увеличения отработочных повинностей.

В монографии выявлена и новая форма эксплуатации крестьянства, не свойственная барщинному хозяйству, — применение найма — как принудительного, так и свободного. Свободный наем мелкой шляхты, мещан, вольных людей, иностранцев употреблялся главным образом для работы на промышленных предприятиях (мельницах, винокурнях и др.), а также на лесных промыслах. К принудительному найму, считает автор, привлекались крепостные крестьяне магната (обычно безземельные крестьяне — халупники, кутники) за денежную плату по расценкам, установленным магнатом⁵⁴. Разные строительные работы в свободное от сельскохозяйственных работ время выполняли крепостные крестьяне владельца (или соседних помещиков) по договору (контракту). Произведенный автором подсчет процента наемного труда в некоторых поместьях не является характерным для Белоруссии в этот период. Новые явления в магнатских хозяйствах Белоруссии второй половины XVII в. изучены комплексно, они правомерно рассматриваются как признаки разложения феодальной системы хозяйства, а отдельные из них как черты, присущие капиталистическому хозяйству.

Вместе с тем в книге отмечается, что развитие магнатского хозяйства при большом увеличении крепостнической эксплуатации подрывало крестьянское хозяйство, следствием чего являлось обострение противоречий между производительными силами и производственными отношениями. Феодальное поместье, подчеркивает автор, не могло перерасти в капиталистическое хозяйство без ликвидации крепостничества.

Следует иметь в виду, что описанная в книге тенденция развития магнатских хозяйств во второй половине XVIII в. не характерна для подавляющего большинства мелких и средних феодальных владений, у которых не было тех возможностей для применения более интенсивных методов ведения хозяйства, какие имели крупные поместья. В этой массе мелких поместий описанные автором формы, не свойственные барщинному хозяйству, почти не наблюдались.

⁵⁴ Козловский П. Г. Магнатское хозяйство Белоруссии во второй половине XVIII в. Мн., 1974, с. 122—123.

Основным объектом исследования в книге П. Г. Козловского «Землевладение и землепользование в Белоруссии в XVIII — первой половине XIX в.» является частное феодальное землевладение, количественно преобладавшее в Белоруссии, и землепользование крестьян в частных поместьях. В работе освещается состояние и эволюция феодального землепользования в условиях разложения крепостнической системы и формирования капиталистического уклада. Изучение сдвигов в феодальном землевладении на протяжении столетия дает возможность глубже осветить влияние государства на поземельные отношения.

Автор выясняет социальную сущность землевладения, его регулирование государственной властью в течение XVIII — первой половины XIX в. Он считает, что в Белоруссии во второй половине XVIII в. шляхетское землевладение, именовавшееся в документах «наследственным», являлось вотчиной, т. е. безусловной частной феодальной собственностью, несмотря на то, что ее начало было положено пожалованием на условиях несения государственной военной службы. Сохранившиеся ленные и поиезуитские владения, характерные для средневековья, занимали в Белоруссии незначительную долю; по мнению автора, в XVIII в. эти владения составили категорию собственности, разделенной между владельцем и государством. Всеобщего майората, считает автор, здесь не было, однако допускалось изъятие из общих норм права отдельных земельных владений и признание за ними майоратных прав — так называемая система ординации. Она оказывала отрицательное влияние на аграрный строй Белоруссии, так как стесняла хозяйственную инициативу владельцев земли.

Специфической чертой аграрного строя Белоруссии в XVIII в., как показано в книге, было широкое распространение владения и пользования несобственными землями, именуемое в документах «посессией». На основании ряда данных автор предложил следующую их классификацию: служебное владение, пожизненное управление, безвозмездное пожизненное владение, аренда и залог (застава). Первые две формы выступают применительно к государственным землям, но передача земли и имений в пожизненное владение и пользование (родственникам и слугам) применялась и магнатами. В посессионной системе П. Г. Козловский различает чисто феодальную и

предпринимательскую: первая явилась отрицательным фактором в экономике поместья; вторая способствовала его развитию путем привлечения в сельское хозяйство денежных средств.

При рассмотрении вопроса о помещицьем землевладении в Белоруссии в первой половине XIX в. автор исходит из посылки, что основа аграрного строя в XVIII в. была в России и в Речи Посполитой одинаковой, такой же в принципе была и дворянская монополия на землю, хотя в России она утвердилась позже — в середине XVIII в. (в Белоруссии в XVI в.). Отклонение от этого принципа автор видит в существовании в России землевладения одnodворцев — не причисленных к дворянству, феодально-зависимых от государства людей, владевших землей и крестьянами. Наиболее полное оформление дворянская собственность в России получила, как подчеркивается в книге, в жалованной грамоте дворянству 1785 г., распространеннейшей и на белорусские губернии.

По мнению П. Г. Козловского, в политике царизма в отношении дворянства Белоруссии было три периода: первый — с конца XVIII в. до середины 20-х годов XIX в., когда правительство стремилось приспособить местное земельное право Белоруссии к государственным потребностям; второй — с середины 20-х годов до начала 30-х годов, когда предпринимались попытки создания симбиоза местного и общероссийского права; третий — 30—40-е годы, когда местное право было прекращено. Феодальное землевладение в России, по наблюдению автора, отличалось от существовавшего в белорусских землях более заметным присутствием государственного начала; в этом нашли отражение различия государственного строя абсолютистской Российской империи и сословно-шляхетской Речи Посполитой⁵⁵.

По отношению к мелкой шляхте политика русского правительства изменилась под влиянием восстания 1830—1831 гг. Если до этого события проверка дворянских прав мелкой шляхты проводилась очень медленно: не представившие документов обязаны были приписаться либо в городское сословие, либо к казенным крестьянам, то после 1831 г. правительство перешло в наступление, проведя так называемый разбор шляхты с целью лише-

⁵⁵ Козловский П. Г. Землевладение и землепользование в Белоруссии в XVIII — первой половине XIX в. Мн., 1982, с. 34.

ния дворянских прав мелкой шляхты, не владевшей крепостными.

Рассматривая структуру земельной собственности и посессии в XVIII в. и эволюцию землевладения в первой половине XIX в., П. Г. Козловский пришел к выводу, что в конце XVIII в. частновладельческая собственность (65%) значительно преобладала над государственной (24,6%) и церковной (10,4%); при этом отчетливо выступает различие между восточными землями, где доля государственных земель почти в 2 раза превышала их долю в западных.

В эволюции структуры землевладения с конца XVIII в. до середины XIX в. П. Г. Козловский установил две тенденции: первая, характерная для первых десятилетий, состояла в переходе государственных земель к светским феодалам, главным образом латифундистам, путем пожалований; вторая тенденция, проявившаяся в 30—40-х годах XIX в., состояла в переходе всех духовных и некоторой части помещичьих имений (в результате конфискации) в руки государства. Оба явления способствовали уменьшению в первой половине XIX в. группы мельчайших владельцев на 7%, увеличению групп мелких и средних помещиков, а также и некоторому сокращению числа крупнейших владельцев. На основании этих данных автор пришел к выводу об уменьшении концентрации землевладения во второй четверти XIX в.⁵⁶, но тем не менее к середине XIX в. поляризация землевладения осталась весьма значительной: крупнейшие помещики, составляя 1,6%, владели 29,5% крепостных; мельчайшие, составляя 35,1%, имели 2,2% крепостных. Хотя конкуренция земельной собственности по сравнению с концом XVIII в. уменьшилась, она оставалась весьма значительной⁵⁷.

Типичной чертой крестьянского землепользования автор считает получившие широкое распространение в XVII—XVIII вв. так называемые «приемные земли». Во второй половине XVIII — начале XIX в. они сохранили свое значение и не отделялись от основных земель крестьянского двора. В течение первой половины XIX в. крестьянское хозяйство оказалось под ударом отчетливо проявившейся тенденции к сокращению крестьянского

⁵⁶ Там же, с. 132.

⁵⁷ Там же, с. 143.

пахотного надела. Но этот вывод в книге основан на весьма ограниченном числе объектов изучения⁵⁸.

Исследованием процессов, происходивших в социально-экономическом развитии белорусской деревни в период разложения и кризиса феодально-крепостнической системы и формирования капиталистического уклада, занимались Н. Н. Улащик и В. В. Чепко. Книга Н. Н. Улащика «Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии» — фундаментальный труд, освещающий большой круг вопросов. В ней прослежены демографические процессы в изучаемый период по данным о разных группах сельских жителей, рассмотрены формы землевладения, определены основные отрасли хозяйства Литвы и Западной Белоруссии, изучена эволюция помещичьего хозяйства, всесторонне охарактеризовано состояние крестьянского хозяйства, исследованы рыночные связи сельского хозяйства; описаны события крестьянского движения, предшествовавшие реформе.

Характеризуя географию крепостного населения, автор пришел к заключению, что самый высокий процент крепостных был в юго-восточных уездах Гродненской губернии и северо-восточных — Виленский, т. е. в Западной Белоруссии крепостных было больше, чем в Литве. Подмечен также очень медленный рост, а в некоторых уездах сокращение крепостного населения. Н. Н. Улащик отмечает увеличение почти вдвое числа государственных крестьян за счет перевода в эту категорию крепостных конфискованных имений после восстания 1830—1831 гг., а также крестьян церковных владений. Сопоставив данные о численности дворян, автор отмечает, что в России процент их несравнимо меньше, чем в Литве и Белоруссии, но при этом указывает, что большинство из них не имело не только крепостных, но и земли⁵⁹.

Существенные коррективы в представление о концентрации помещичьего землевладения вносит вывод Н. Н. Улащика о том, что в Западной Белоруссии не было таких крупных владений, как в Ковенской и Виленской губерниях⁶⁰.

Отдельную главу автор посвятил изложению сложив-

⁵⁸ Козловский П. Г. Землевладение и землепользование в Белоруссии... с. 171—173.

⁵⁹ Улащик Н. Н. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии. М., 1965, с. 92—93.

⁶⁰ Там же, с. 122.

шейся структуры сельского хозяйства, которая нарушалась из-за сокращения посевных площадей в 40—50-х годах XIX в. исключительно за счет крепостных крестьян⁶¹, роста у помещиков посевов за счет озимых. Вывод об упадке крепостного хозяйства автор подтверждает данными о сокращении урожайности⁶² и уменьшении сбора хлебов на душу населения⁶³. Прослеживается динамика посевов картофеля, превращение его в важную техническую кормовую культуру.

Обстоятельно рассмотрены принципы организации помещичьего хозяйства: внутриместное распределение земель, уровень техники, системы земледелия. Отмечается рост посевов картофеля, что является важным показателем развития товарности, выявляются заметные перемены в агротехнике, выразившиеся в применении различных улучшенных орудий, молотилок, жаток, во введении многопольных систем в крупных помещичьих хозяйствах. Показано ведущее значение винокурения в росте товарности и повышении доходности помещичьих хозяйств, вследствие чего, по мнению автора, «развитие этого района перед реформой имело уродливый характер»⁶⁴. Характеризуются и другие формы помещичьего предпринимательства — основание суконных, железоделательных, стекольных, медных предприятий. Особенно развиты были эти отрасли в Гродненской губернии⁶⁵. К источникам доходов помещичьих хозяйств автор кроме винокурения относит также животноводство, в частности тонкорунное овцеводство (Гродненская губ.), эксплуатацию лесов. Выводы, к которым пришел Н. Н. Улащик в результате изучения развития помещичьего хозяйства, свидетельствуют о больших переменах, происходивших в течение первой половины XIX в., к ним относятся: расширение фольварочной земли и увеличение продукции, предназначенной в первую очередь для рынка; развитие новых отраслей хозяйства, введение посевов картофеля и других культур, создание промышленных предприятий — все это показатели новых явлений. Однако, хотя помещики продавали несравнимо больше продуктов, их хозяйство, по мнению автора, деградировало, о чем явствует рост

⁶¹ Улащик Н. Н. Указ. соч., с. 153.

⁶² Там же, с. 155—156.

⁶³ Там же, с. 159.

⁶⁴ Там же, с. 272.

⁶⁵ Там же, с. 272—281.

задолженности. Прогрессировало лишь хозяйство тех помещиков, которые переходили к наемному труду⁶⁶. Тезис этот, однако, не доказывается фактами.

Анализ данных о земельных наделах разных разрядов крепостных крестьян позволил автору сделать важное наблюдение относительно тяглых и полутяглых крестьян, между которыми не всегда существовали различия в размерах надела. Автор отмечает разницу между огородниками Гродненской губернии, имевшими только усадебную землю, и Литвы, зачастую имевшими пахотную землю⁶⁷. Стирались различия, по мысли автора, между тяглыми крестьянами и землянами, переводившимися из-за неуплаты чинша в барщинных. Неодинаковым было положение землян, бояр в разных имениях⁶⁸.

Важное наблюдение было сделано автором относительно имущественного положения белорусских и литовских крестьян: по сравнению с гродненским литовский крестьянин (особенно в Жемайтии) был более зажиточным. Источниками накопления, по мысли автора, являлись главным образом земледелие, в меньшей степени — торговля, промыслы или аренда⁶⁹.

Характеризуя крестьянские повинности, Н. Н. Улащик отмечает в Гродненской губернии господство барщины и других отработочных повинностей, высокие нормы уроков, возрастание их и после инвентарной реформы⁷⁰. Это же характерно и для Виленской губернии.

Описаны различные виды неземледельческих занятий крестьян, среди которых особенно развитыми были в Гродненской губернии лесные промыслы. По его мнению, в общем эти заработки были, как в Западной Белоруссии, так и в Литве, невелики.

Связь с рынком, считает Н. Н. Улащик, имела регулярный характер, а источником денежных поступлений был скот, лен и зерно; рыночные связи наиболее прочными были в Жемайтии⁷¹.

Н. Н. Улащик, по его словам, не ставил целью изложить весь ход крестьянского движения, а описывал лишь те выступления, которые оказали непосредственное воз-

⁶⁶ Улащик Н. Н. Указ. соч., с. 305.

⁶⁷ Там же, с. 307.

⁶⁸ Там же, с. 308—311.

⁶⁹ Там же, с. 343.

⁷⁰ Там же, с. 347, 350—351, 356—360, 372.

⁷¹ Там же, с. 377—378.

действие на издание законов, в какой-то мере ограничивавших крепостное право⁷². Он отмечает специфику движения в Западной Белоруссии и Литве, выразившуюся в активном участии мещан бывших государственных местечек, превращенных в помещичьих крестьян. Целая полуса крестьянских выступлений связана с проведением инвентарной реформы. В книге описаны события в юго-западных уездах Гродненской губернии в первой четверти XIX в.⁷³

Исследование процессов, происходивших в помещичьем и крестьянском хозяйствах Белоруссии в первой половине XIX в., сделано в монографии В. В. Чепко «Сельское хозяйство Белоруссии в первой половине XIX в.» (Мн., 1966). По мнению автора, господство барщинной системы (97% крестьян-барщинников) тормозило развитие капиталистических форм в крестьянском хозяйстве, вследствие чего новые явления, вызванные развитием товарно-денежных отношений, в большей мере происходили в помещичьем хозяйстве. К ним автор относит быстрый рост товарности помещичьих хозяйств, расширение барской запашки, расширение посевов товарных культур, главным образом картофеля, льна, конопли, а также сахарной свеклы. Заметные перемены в росте товарности отмечены в развитии животноводства — разведение тонкорунных овец (в западной и центральной части Белоруссии), расширение мясомолочного скотоводства и свиноводства.

Автор делает вывод о начале хозяйственной специализации отдельных регионов — лен на севере, конопля — на востоке, тонкорунное овцеводство — на западе, сахарная свекла — на юге Белоруссии, повсеместно — картофель, который после зерновых культур по значению стал на второе место. Охарактеризованы различные формы помещичьего предпринимательства, выразившиеся главным образом в особенно широком развитии винокурения, лесных промыслов, основании различных вотчинных предприятий по обработке сельскохозяйственного сырья (суконные, полотняные, кожевенные, стекольные, сахароваренные и др.).

К явлениям, свидетельствующим о разрушении барщинного хозяйства, автор относит также улучшение аг-

⁷² Там же, с. 382.

⁷³ Там же, с. 414, 416—433.

ротехнических приемов, получивших широкое развитие, применение сельскохозяйственных машин (молотилок веялок), введение многопольных севооборотов с посевами кормовых трав, улучшение сортности семенного фонда и др. Отмечается расширение применения наемного труда на промышленных предприятиях, в лесных промыслах; вместе с тем, по наблюдениям автора, повсеместно на сельскохозяйственных работах (пахота, уборка) применялся барщинный труд крепостных крестьян с их инвентарем, который оставался на крайне низком техническом уровне. По мнению автора, это обстоятельство являлось главным препятствием дальнейшего прогресса помещичьего хозяйства. Специфическая особенность помещичьего землевладения в Белоруссии — наличие большого количества мелких шляхетских хозяйств, по заключению автора, также было препятствием на пути развития капиталистических форм в помещичьем хозяйстве.

К исследованию состояния крестьянского хозяйства автор привлек большой круг источников, среди которых важнейшими были инвентари помещичьих имений. Освещены вопросы об обеспеченности крестьян землей, скотом, об их повинностном положении. Отмечено исчезновение в первом десятилетии XIX в. в составе крестьянской земли так называемых приемных участков и превращение всей земли в тяглую, вследствие чего увеличилась отработочная рента.

Автор прослеживает процесс нивелировки крестьянских наделов в пределах одного поместья и даже уезда, обусловленный барщинной системой и уравниванием повинностей; этот процесс более заметен в восточных и северных районах, где сохранялось общинное землепользование. Отмечается применение в западной и центральной части Белоруссии для пахоты парной упряжки волов. Выявлен недостаток скота для получения необходимого количества органического удобрения, обеспечивавшего урожайность земель в Белоруссии; главную причину этого автор видит в недостатке сенокосов и пастбищ. Подчеркивается сохранение низкой, рутинной техники земледелия в крестьянском хозяйстве. Прослеживаются формы интенсификации отработочных повинностей — урочная система, уплата помещиком податей за своих крестьян в счет отработок, отдача крестьян на строительные работы и др.

Автор не считает характерным для Белоруссии массо-

вое обезземеливание крестьян до конца 50-х годов XIX в., хотя некоторое сокращение наделов (главным образом за счет сенокосов) имело место; практиковался также перевод крестьян на худшие земли при организации новых фольварков. По наблюдению автора, месячники характерны для мелких поместий.

Рассматривая положение казенных (государственных) крестьян Белоруссии, В. В. Чепко отмечает отличие их от великорусских (хозяйственное положение казенных имений, арендная система, отработочные повинности крестьян) и делает вывод, что их положение (до люстрации) было зачастую хуже, чем помещичьих. Далее, описывая неземледельческие занятия крестьян, без которых им было трудно добыть деньги для уплаты податей и покупки сельскохозяйственных орудий и предметов быта, автор отмечает, что все виды промыслов были для тяглых крестьян лишь вспомогательными занятиями; промысловых сельских поселений в Белоруссии не было. Препятствие для развития промысловой деятельности автор видит в господстве барщинной системы.

В книге убедительно показано, что 40—50-е годы были для сельского хозяйства Белоруссии периодом упадка—сокращались крестьянские посевы, падала урожайность и сбор хлебов на душу, росли недоимки государственных податей. Попытки правительства урегулировать крестьянские повинности (проведение инвентарной реформы), как показано автором, не дали результатов, несколько улучшилось состояние хозяйства государственных крестьян после проведения люстрации и перевода их на оброчное положение. Прослежен кризис помещичьего хозяйства, выразившийся в падении доходности, в росте задолженности помещиков, разорении многих мелких владельцев. Показана замедленность процесса дифференциации крестьянства вследствие господства барщинного хозяйства с ее тенденцией к нивелировке.

В итоге В. В. Чепко подчеркивает губительное воздействие барщинно-крепостнической системы на состояние сельского хозяйства в условиях быстрого развития товарности в период разложения феодально-крепостнического способа производства.

Развитие промышленности в Белоруссии в переходный период от феодализма к капитализму исследовал М. Ф. Болбас («Развитие промышленности в Белоруссии (1795—1861 гг.)»). Он определил условия развития про-

мышленного производства, исследовал все типы существовавших в конце XVIII — первой половине XIX в. предприятий, установил этапы развития отдельных, наиболее важных отраслей промышленности, выяснил происхождение и состав рабочих промышленных предприятий, положение рабочих в предреформенные годы.

При характеристике условий развития промышленности в белорусских губерниях с конца XVIII в. до реформы 1861 г. автор обращает внимание на значение воссоединения с Россией для экономического развития Белоруссии, кризис крепостной системы, улучшение путей сообщения, развитие торговли, состояние городов и местечек, изменение социального состава и плотности населения. Попытка М. Ф. Болбаса рассмотреть такой большой круг вопросов в рамках одной главы, ограниченность источниковой основы привели к тому, что автор лишь излагает общие положения об экономическом развитии Белоруссии, повторяющие «Историю БССР». Подобная методика приводит к неточным выводам: например, разложение крепостной системы хозяйства автор сводит к увеличению продажи помещиками зерна и льна, к массовой вырубке лесов; факт отнятия помещиками Гродненской губернии земли у крестьян в конце 50-х годов XIX в. он берет за основание для вывода о массовом обезземливании белорусских крестьян на протяжении всего переходного периода. Кризис крепостной системы хозяйства вследствие односторонности оценки этого явления сведен в книге к росту задолженности помещиков, что, по мысли автора, было следствием неумения большинства дворян приспособиться к развивавшимся товарно-денежным отношениям ⁷⁴.

При характеристике торговли в белорусских губерниях ограниченность источников также привела к неточным выводам: автор считает, что к середине XIX в. возникло много крупных ярмарок, на самом деле в это время наблюдается сокращение торговых оборотов крупных ярмарок. Автор не учитывает важного факта — включения Белоруссии в общероссийскую хозяйственную систему и превращения ее торговли в органическую часть российского рынка. Неправомерен вывод о слабости внутренней торговли ⁷⁵.

⁷⁴ Болбас М. Ф. Развитие промышленности в Белоруссии (1795—1861 гг.). Мн., 1966, с. 11, 14—15.

⁷⁵ Там же, с. 34.

Односторонность подхода к оценке фактов определила неверный вывод и о том, что увеличение ежегодных ассигнований на благоустройство городов способствовало их росту, развитию в них торговли и промышленности; неточно определение значения городов лишь как административных центров; требует доказательства положение о росте удельного веса, по терминологии автора, «вольных сословий», к которым автор относит однодворцев, свободных хлебопашцев, панцирных бояр, татар, цыган, отставных солдат, что, по его мысли, являлось свидетельством быстрого распада крепостного строя⁷⁶.

В книге М. Ф. Болбаса четко показано, что в первой половине XIX в. в Белоруссии существенное место занимало мелкотоварное производство в виде крестьянских домашних и отхожих промыслов, ремесленного производства в городах и местечках; к этому же виду автор относит промышленные предприятия, насчитывавшие до 16 рабочих. Проследившая развитие мелкой промышленности Белоруссии, М. Ф. Болбас сделал вывод о количественном преобладании мелких предприятий в течение всего изучаемого периода и вместе с тем показал сокращение численности рабочих на них, значительное уменьшение удельного веса продукции мелкой промышленности в общем объеме производства.

Характеризуя мануфактурное производство, автор показывает рост количества предприятий такого типа и увеличение численности рабочих на них, однако отмечает замедление темпов роста мануфактур со второй четверти XIX в. и особенно во второй половине 40—50-х годов. Он объясняет это рядом причин, однако не подчеркивает факта укрупнения мануфактурных предприятий. В книге отмечены капиталистические формы эксплуатации на вотчинных мануфактурах, выражавшиеся в найме мастеров и части рабочих, продаже продукции, покупке сырья⁷⁷.

К предприятиям фабрично-заводского типа М. Ф. Болбас относит винокуренные и сахароваренные предприятия, на которых применялись паровые машины. По подсчету автора, фабрик и заводов к 1861 г. в Белоруссии было 13, а рабочих на них — около 17% всех занятых в промышленном производстве; не учитывается при этом сезонность работы этих предприятий и особенность техно-

⁷⁶ Там же, с. 35, 39, 41.

⁷⁷ Там же, с. 74.

логии этих производств. Неправомерно отнесение к капиталистическим фабрикам некоторых помещичьих предприятий (сахарных заводов, железоделательного завода в Могилевской губернии).

Обстоятельно охарактеризованы наиболее важные отрасли промышленности Белоруссии, выявлена динамика количества предприятий в каждой отрасли и численности рабочих, объема валового производства; прослежено изменение отраслевой структуры промышленности. Подчеркивая сравнительно быстрые темпы развития промышленности в предреформенный период, автор делает вывод об отставании по уровню промышленного развития Белоруссии от России в целом, не сравнивая по количеству предприятий белорусские губернии с отдельными губерниями России, что дает иную картину.

2. Крестьянское движение

Важнейший аспект развития феодального общества — борьба крепостного крестьянства против своих классовых врагов — феодалов освещен в достаточной степени обстоятельно как в целом ряде статей, в разделах книг, так и в двух специальных монографиях: В. И. Мелешко «Классовая борьба в белорусской деревне во второй половине XVII—XVIII в.»—исследуется крестьянское движение в период позднего феодализма и В. В. Чепко «Классовая борьба в белорусской деревне в первой половине XIX в.» (Мн., 1972) — в переходный период от феодализма к капитализму. Борьба крестьянства на более ранней стадии феодализма в процессе его закрепощения до настоящего времени не имеет монографических исследований.

В книге В. И. Мелешко исследуются предпосылки крестьянской борьбы, конкретно-историческое содержание, формы и классовая сущность крестьянского движения в рассматриваемый период. Автор, в отличие от предшественников, в центр внимания ставит не только крестьянские восстания, но менее острые формы крестьянского сопротивления феодальному угнетению. Это позволило ему разносторонне охарактеризовать предпосылки крупных крестьянских выступлений, представить классовую борьбу как поступательно развивавшийся процесс, пришедший феодальному строю.

Автор привел обширный архивный материал, который дал ему возможность представить всю остроту социальной обстановки в изучаемый период, уточнить и полнее осветить уже известные события крестьянской борьбы. При изучении социально-экономических предпосылок классовой борьбы В. И. Мелешко выяснил, в каком состоянии находилось крестьянское хозяйство. При этом он определил такие факторы, как обеспеченность крестьян землей, рабочим и продуктивным скотом, состояние крестьянского ремесла и промыслов, повинности крестьян и их правовое положение. Исходным моментом при определении земельной обеспеченности у автора выступает степень развития фольварочного хозяйства: он утверждает, что на западе, где фольварочно-барщинная система получила широкое распространение, крестьянское землепользование было меньшим, чем у чиншевого крестьянства на востоке⁷⁸. Наблюдая неравномерность обеспечения крестьянских дворов землей на протяжении изучаемого периода, он объясняет это разорениями, связанными с войнами и стихийными бедствиями, в частности, автор отмечает изменение соотношения долей приемной и тяглой земли в сторону сокращения первой в периоды восстановления⁷⁹. Показано огромное сокращение поголовья рабочего и продуктивного скота у крестьян во второй половине XVII — первой четверти XVIII в. в связи с войнами, заметный его рост со второй половины XVIII в. Автор отмечает значительную дифференциацию крестьянства по наличию рабочего скота⁸⁰. На ряде фактов показано, что безземельные крестьяне шли в наймы к богатым крестьянам, многие из них занимались различным ремеслом, которое становилось их основным занятием⁸¹.

При определении повинностного положения крестьян В. И. Мелешко исходит из положения о распространении в Белоруссии во второй половине XVII—XVIII в. смешанной ренты с преобладанием барщины на западе, где господствовала фольварочная система, и с преобладанием чинша, где она не получила развития. Чиншевая система, по утверждению автора, повсеместно получила широкое распространение в период военных разорений (вторая

⁷⁸ Мелешко В. И. Классовая борьба в белорусской деревне во второй половине XVII—XVIII в. Мн., 1982, с. 22.

⁷⁹ Там же, с. 23—24.

⁸⁰ Там же, с. 27—31.

⁸¹ Там же, с. 33—42.

половина XVII—начало XVIII в.)⁸². Перевод крестьян на чинш менее всего, по его мнению, коснулся магнатских вотчин, особенно на западе и в центре страны. Эта мера была временной, и к середине XVIII в. с восстановлением хозяйства начали расти отработочные и денежные повинности; эта тенденция характерна и для восточных районов, хотя по-прежнему на западе и в центре преобладала отработочная рента⁸³. Существенные изменения произошли в повинностном положении сельских ремесленников — их стали привлекать к отработочным повинностям, как тяглых⁸⁴.

Приведены факты злоупотреблений и произвола управителей и арендаторов имений, открытого ограбления крестьян, избияния и издевательства за малейший проступок. Усугубляло тяжелое положение крестьян, считает В. И. Мелешко, широкое распространение сдачи в аренду как государственных, так и магнатских поместий.

В соответствии со степенью активности и массовости выступления крестьян В. И. Мелешко выделяет три формы крестьянских волнений: невооруженная борьба, вооруженные выступления и крестьянские восстания. К первой форме борьбы он относит: подачу крестьянами жалоб в государственные органы власти и своему господину на владельцев, управителей и арендаторов; ко второй — бегство крестьян; третьей — отказ от выполнения повинностей. Важные наблюдения автора сделаны на основании изучения более 600 крестьянских жалоб из частных владельческих и государственных имений; такое изучение произведено впервые. В. И. Мелешко подсчитал, что около 72% жалоб было подано во второй половине XVIII в., что объясняется усилением крепостнического гнета. Второй важный вывод — больше жалоб во второй половине XVIII в. подано крестьянами западных районов, которые в этот период были переведены с чинша на барщину⁸⁵. Подавляющее большинство жалоб являются коллективными (84,4%)⁸⁶. В книге убедительно показана малоэффективность такой формы борьбы, вместе с тем правильно отмечается, что эта борьба воспитывала крестьян и сплачивала их для активных выступлений.

⁸² Мелешко В. И. Указ. соч., с. 45—46.

⁸³ Там же, с. 50—52.

⁸⁴ Там же, с. 65—66.

⁸⁵ Там же, с. 83.

⁸⁶ Там же, с. 85.

Автор приходит к выводу, что бегства крестьян наблюдались на всей территории Белоруссии, но больше были распространены на востоке и юго-востоке. Определенное значение, по мнению В. И. Мелешко, имело распространение здесь денежной ренты, приучившей крестьян к большей подвижности. Основной причиной бегства он считает усиление повинностного гнета, главным образом барщины⁸⁷; уходили как неимущие, так и зажиточные крестьяне, угоняя с собой скот и забирая имущество⁸⁸.

Среди вооруженных выступлений крестьян автор различает два вида — нападения крестьян на имения и вооруженные столкновения крестьян с воинскими отрядами, находившимися на постое в городах и селах.

Наиболее яркими страницами книги В. И. Мелешко являются те, где описано крестьянское восстание на Каменщине, начавшееся в 1736 г. и продолжавшееся с перерывами более 20 лет, достигнув кульминации в 1754 г.⁸⁹ и восстание в Кричевском старостве в 1740—1744 гг.⁹⁰ Последнее достаточно широко освещалось в исторической литературе, но В. И. Мелешко привлек ранее неизвестные данные, уточняющие события, и особенно сведения о руководителе восстания — Василии Вошале.

На основе изучения обширного материала В. И. Мелешко пришел к заключению, что нет оснований определять зависимость остроты антикрепостнического движения от форм феодальной эксплуатации. Размах и острота классовой борьбы не всегда больше там, где феодальный гнет выступает в наиболее тяжелой форме — барщине. Автор считает, что при объяснении причин активной классовой борьбы необходимо учитывать действие ряда других факторов — подвижность населения, рыночные связи, дифференциацию крестьянства, арендную систему, степень развития административно-политической системы и другие. Он подчеркивает, что, выступая против усиления феодальной эксплуатации, крестьянские массы не ставили перед собой цели уничтожения феодального строя. Идеиные позиции крестьян не выходили за пределы требований соблюдения старины. Как показано в книге, в крестьянской идеологии сохранялась вера в справедли-

⁸⁷ Там же, с. 117.

⁸⁸ Там же, с. 118—119.

⁸⁹ Там же, с. 170—173.

⁹⁰ Там же, с. 180—217.

вость их господ и высшей власти. Достаточно убедительно показаны в книге разрозненность, стихийность и локальность крестьянских восстаний.

В. В. Чепко освещает крестьянское движение в период, когда социальные противоречия особенно обостряются, крепостнический гнет усиливается до предела. Особенности социально-экономических процессов, как показано в книге, определили содержание и характер крестьянского движения.

Определяя причины крестьянских волнений, В. В. Чепко подчеркивает, что решающим фактором было увеличение помещиками отработочных повинностей в условиях быстрого роста товарности помещичьих хозяйств, расширения барской запашки. В последние два десятилетия перед отменой крепостного права эта причина, как подчеркивается в монографии, не была главной. Главным стало стремление освободиться от пут крепостничества, от унижающего человеческого достоинство чувства личной зависимости. Крупные крестьянские волнения были связаны с распространением слухов об освобождении крестьян, особенно в конце 40-х и во второй половине 50-х годов. Автор не наблюдает непосредственной связи интенсивности крестьянского движения со степенью крепостнической эксплуатации, но устанавливает, что нарушения помещиками и управителями повинностных норм были поводом к волнениям. В крестьянском движении этого периода, как отмечено в книге, выступает явно стремление крестьян к сохранению «законных», по их мнению, повинностей.

Открытых выступлений против самодержавия и крепостнической системы в крестьянском движении в предреформенный период не установлено. Вместе с тем, наблюдается характерная черта идеологии крестьянских масс — вера в справедливость царя и высших представителей государственной власти.

Определяя причины тяжелого положения крепостного крестьянства Белоруссии в первой половине XIX в., автор подчеркивает рост отработочных повинностей, массовое обнищание крестьянства вследствие губительного воздействия на крестьянское хозяйство барщинной системы.

В книге определяются формы крестьянской борьбы в изучаемый период, обусловленные социально-экономическими условиями и политическим строем. Автор дает

правильное объяснение тому факту, что в первой половине XIX в. не было крестьянских восстаний, характерных для более раннего периода, а наиболее распространенными формами были такие, как подача прошений в большинстве на имя губернаторов или генерал-губернаторов, в которых крестьяне излагали свои жалобы на помещиков. Одной из специфических форм прошений, характерных для Белоруссии и широко распространенных особенно в первой четверти XIX в., как отмечает автор, были иски о вольности, подаваемые бывшими мещанами и крестьянами бывших старостинских владений, пожалованных Екатериной и Павлом в частное владение.

Автор считает, что наиболее распространенной формой крестьянской борьбы в изучаемый период были отказы от выполнения повышенных повинностей. В книге показано перерастание массовых отказов от выполнения повинностей в более активную форму борьбы — вооруженные столкновения с помещичьей администрацией, полицией, а во многих случаях — с посланными для усмирения воинскими отрядами.

В. В. Чепко впервые произвела подсчет количества наиболее крупных крестьянских волнений на отдельных этапах. Ею установлено, что особенно интенсивным было крестьянское движение в 20-х годах и во второй половине 50-х годов XIX в.

Прослеживается прямое влияние на рост крестьянского движения революционных событий в странах Западной Европы, а также крестьянских волнений в соседних российских губерниях, отмечаются характерные для переходного от феодализма к капитализму периода попытки контактов представителей разночинной интеллигенции, членов тайных обществ с крестьянами, участниками волнений.

3. Правовое положение населения

Вопросы, связанные с правовым положением крестьянства, юридическим статусом городского населения, в той или иной степени освещались исследователями в работах по аграрной истории, развитию классовой борьбы, истории городов. Специальным исследованием, посвященным истории законодательства в Великом кня-

жестве Литовском, юридическому состоянию господствовавшего класса феодалов и закрепощаемого крестьянства, социальному и правовому положению мещанского населения городов, а также организации судебных органов, является книга И. А. Юхо «Правовое положение населения Белоруссии в XVI в.».

Работа И. А. Юхо является первым комплексным исследованием всей правовой системы, существовавшей в Белоруссии в период феодализма. При анализе правовой системы, действовавшей в Великом княжестве Литовском, автор исходит из важного положения, что она явилась результатом синтеза правовых норм западнорусских княжеств, Литвы и Украины, а также норм древнерусского права. Эта система складывалась во взаимосвязи с русско-византийским и римско-католическим церковным правом, а также правами соседних государств. Основную часть земского права, по мнению автора, составили нормы, выработанные законодательной практикой XV—XVI вв. под воздействием экономических факторов, классовой борьбы и борьбы отдельных группировок внутри господствовавшего класса феодалов.

В книге прослеживается отразившийся уже в источниках права XIII в. длительный процесс правового выделения феодалов и военнотружеников в привилегированный класс; окончательное же закрепление правовых льгот феодального класса было осуществлено в общеземских грамотах XV в. и статутах Великого княжества Литовского 1529, 1566 и 1588 гг. В книге выяснены способы и пути перехода свободных людей и даже крестьян в шляхетское сословие, а также причины утраты этого звания. Подробно изложены привилегии шляхетского сословия: право собственности на землю, освобождение от налогов и повинностей, кроме военной, право беспшлинного вывоза товаров за границу, право занимать должности в государственном аппарате, участвовать в заседаниях сейма и др. Из всей массы шляхты автор выделяет магнатов, юридические права которых были шире, чем безземельной шляхты.

Обстоятельно определяется юридическое положение наиболее многочисленного класса феодального общества — крестьянства. Автор различает несколько групп крестьян: господарских, зависимых непосредственно от великокняжеской администрации; владельческих, зависимых от отдельных феодалов; церковных. Отдельно вы-

делена группа крестьян, выполнявших воинскую повинность или исполнявших другие «службы», — бояре путные, бояре панцирные, бояре-слуги. Такие крестьяне признавались свободными и не несли феодальных повинностей за пользование землей. Определены также группы зависимых крестьян, отличавшихся имущественным и повинностным положением — тяглые и осадные крестьяне, а также безземельные огородники. Кроме того, выделены группы крестьян, имевшие и не имевшие права свободного перехода от одного владельца к другому («похожие» и «непохожие» — отчичи), а также крестьяне-данники, исполнявшие повинности только в пользу феодального государства; число последних в XVI в. значительно сократилось вследствие перевода их в тяглые. Уменьшилась и численность челяди невольной, переводимой в огородники. В книге показана крайне ограниченная правоспособность крестьян всех групп. На основе анализа привилеев и статутов автор пришел к выводу, что в XVI в. государство было вынуждено несколько ограничить произвол феодалов в отношении крестьянства Белоруссии; законы здесь были более мягкими, чем во многих странах Европы, в том числе и в Польше⁹¹.

Автор считает, что в Магдебургских грамотах отсутствуют нормы уголовного, гражданского, семейного, земельного и других отраслей права; при этом он не учел, что жалованная грамота, предоставлявшая городу Магдебургское право, давала разрешение на применение всех действовавших норм. По мнению И. А. Юхо, имущественные права горожан Белоруссии обеспечивались древним обычным правом, сложившимся еще задолго до появления Магдебургского права; заимствования же из немецкого права касались в основном административных вопросов и частично уголовно-процессуальных норм, приспособленных к местным условиям⁹². Имущественные права городского мещанства были, как отмечается в книге, значительно шире, чем у крестьян, хотя и не приравнивались к правам шляхты. Такие же отличия он видит в личных и политических правах мещанства⁹³.

Исследуя вопрос об источниках права, автор заклю-

⁹¹ Юхо И. А. Правовое положение населения Белоруссии в XVI в. Мн., 1978, с. 25.

⁹² Там же, с. 29.

⁹³ Там же, с. 31.

чает, что основу светского права составляло так называемое земское право. В отличие от систематизации права в западноевропейских странах на основе римского права, в Великом княжестве Литовском она охватила все отрасли права, в том числе государственное и административное. По наблюдению автора, система феодального права включала различные нормы права в отношении разных лиц, что затрудняло создание полного свода законов; поэтому, наряду со статутом, сохраняли силу другие многочисленные правовые акты (общеземские привилеи, сеймовые постановления — ухвалы, уставы, административные акты — выроки, декреты). Главным итогом систематизации права было издание Статута 1588 г.

И. А. Юхо подробно характеризует общеземские привилеи, начиная от первого привилея от 20 февраля 1387 г. до Бельского привилея 1564 г. и привилея 21 декабря 1568 г. Описаны также областные грамоты (привилеи), данные Витебской, Полоцкой, Смоленской, Киевской, Волынской и другим землям и поветам в первой половине XVI в.

Сравнивая нормы общеземских и областных привилеев, автор делает вывод об их взаимосвязи и едином происхождении из норм местного обычного права⁹⁴. Волостные грамоты, как видно из книги, имели различный характер: одни подробно определяли многие повинности населения волости, другие касались одной или нескольких.

Анализ правовых норм, содержащихся в городских грамотах, позволил сделать вывод, что в белорусских городах XV—XVI вв. сложилась и применялась самостоятельная отрасль права — феодальное городское право, источниками которого были привилеи, общегосударственные статуты, уставы, местное обычное право и некоторые формы западноевропейского права⁹⁵.

Обстоятельный анализ трех литовских статутов привел И. А. Юхо к важному выводу, что в них находили юридическое оформление социально-экономические изменения, происходившие в XVI в., — рост и укрепление феодальной собственности, усиление крепостнического угнетения, закрепощение крестьянства. Автор обращает

⁹⁴ Юхо И. А. Указ. соч., с. 52.

⁹⁵ Там же, с. 57.

внимание на некоторую двойственность норм в статутах: наряду с нормами, закреплявшими неравенство людей, были включены прогрессивные по тому времени нормы, отражавшие идеи Реформации, например, провозглашение принципа равенства всех перед законом, ограничение власти короля и верхушки феодалов.

В книге подробно проанализированы составные черты земского права — уголовное право, гражданское и семейное; изложены принципы организации судебных органов — центральных и местных судов.

4. История городов

Достижения в области изучения истории городов Белоруссии весьма значительны, несмотря на то, что кадры историков-урбанистов очень немногочисленны. Большая работа проделана по исследованию древних городов на основе археологических раскопок. В 50—70-х годах произведены раскопки в Гродно, Минске, Новогрудке, Волковыске, Полоцке, Витебске, Турове, Пинске и некоторых других городах. Богатейшие материалы, собранные в результате раскопок, позволили уточнить время возникновения многих белорусских городов, определить цели их основания, выяснить степень и направление хозяйственного развития в ранний период их существования, воссоздать облик древнего города. На основе археологических материалов написаны книги, освещающие древний период жизни ряда белорусских городов: Гродно, Волковыска, Полоцка, Новогрудка, Минска, Турова, Пинска, Давид-Городка⁹⁶. Г. В. Штыхов и П. Ф. Лысенко⁹⁷ рассказывают о ранней истории ряда древнерусских городов Белоруссии — Полоцка, Турова, Минска, Витебска, Пинска, Гродно. Материалы многолетних раскопок позволили ученым установить, что большинство белорусских городов возникли как военные укрепле-

⁹⁶ Воронин Н. Н. Древнее Гродно. М., 1954; Загоруйский Э. М. Древний Минск. Мн., 1963; Лысенко П. Ф. Города Туровской земли. Мн., 1974; Зверуго Я. Г. Древний Волковыск. Мн., 1975; Штыхов Г. В. Древний Полоцк. Мн., 1975; Он же. Города Полоцкой земли IX—XIII вв. Мн., 1978; Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок, Л., 1981.

⁹⁷ Штыхов Г. В., Лысенко П. Ф. Древнейшие города Белоруссии. Мн., 1966.

ния, иногда на месте более ранних поселений сельского типа. Археологические данные подтвердили однородность материальной культуры древних городов Белоруссии. Вышедший в 1982 г. фундаментальный труд Э. М. Загоруйского «Возникновение Минска» обобщает опыт многолетнего историко-археологического изучения города. Автор рассматривает различные точки зрения, связанные с проблемой возникновения города, обстоятельно разбирает вопрос о происхождении его названия, подробно описывает политическую историю по летописным данным, исследует вопрос о формировании его территории на месте возникновения древнего города, подробно описывает планировку и застройку Минского замчища — детинца летописного города, его оборонительные сооружения. Обстоятельно проанализирован вещевой материал, выявленный в итоге археологических раскопок, на основе которого охарактеризована хозяйственная жизнь древнего Минска.

Окончательное оформление городов как центров ремесла и торговли относится ко времени не ранее X и не позднее XI в. В них были развиты различные ремесла (кузнечное, камнетесное, деревообрабатывающее, косторезное, кожевенное, гончарное, ювелирное и др.), прослеживаются торговые связи с другими районами нашей страны, а также соседними государствами. Установлено, что, наряду с занятиями ремеслом, население древнейших городов не порывало связи с сельскохозяйственным производством. Важнейший вывод, сделанный на основе обстоятельного исследования, заключается в том, что по уровню своего развития города Белоруссии в древности не уступали городам Восточной и Западной Европы.

Изучение материалов раскопок на основе новейших методов позволило значительно отодвинуть в прошлое время возникновения Волковыска. Археологические данные показали, что небольшое поселение, возникшее на месте современного Новогрудка, в конце X в. становится посадом древнего города. К началу XII в. посад, огражденный валом, превращается в окольный город⁹⁸. Уточнено время возникновения Витебска — середина X в., а первое летописное упоминание — 1021 г. Подобные же уточнения удалось сделать и по некоторым другим городам. Точно установлено, что Минск был построен в

⁹⁸ Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок. Л., 1981.

1062 г. как военная крепость, а первое летописное упоминание датируется 1067 г.⁹⁹

Вышеуказанные книги содержат не только описание хозяйственной жизни древних городов, их внешнего облика, быта жителей, но и приводят летописные сведения о политических событиях того времени. В общем определяется достаточно многообразная картина жизни ряда городов белорусских земель XI—XIV вв.

В 60—70-х годах было опубликовано более 40 историко-экономических очерков современных крупных областных городов Белоруссии, районных центров, городских поселков. По ряду городов опубликовано по два издания (Минск, Витебск, Гродно, Могилев, Гомель, Брест, Слоним, Слуцк, Лида, Орша). Все эти книги освещают историю городов со времени их возникновения (а иногда сообщают сведения о поселениях, существовавших на этой территории в более ранний период) до настоящего времени.

Богатой истории этих городов в феодальный период отводится достаточно места и внимания в книгах о Минске, Гродно, Полоцке, Могилеве, Бресте, во втором издании книги о Витебске¹⁰⁰. В других очерках многовековая история древних городов Белоруссии в эпоху феодализма и отчасти капитализма освещена весьма кратко или фрагментарно, встречаются неточности фактического характера, неверная оценка событий. Перед читателями не предстает картина сложной и своеобразной, полной зачастую драматических событий многовековой жизни города. Такие недостатки характерны для первых изданий исторических очерков о Витебске, Могилеве, Гомеле, Бобруйске, Борисове¹⁰¹.

Белорусскими историками-урбанистами в 60—70-х годах опубликован ряд исследований по проблемам экономического, социального развития белорусских городов феодальной эпохи, а также общественно-политической

⁹⁹ Загорульский Э. М. Древний Минск. Мн., 1963.

¹⁰⁰ История Минска. Мн., 1957; Гродно: Исторический очерк. Мн., 1960; 2-е изд. Мн., 1964; Полоцк: Исторический очерк. Мн., 1962; Витебск: Историко-экономический очерк. Мн., 1974; Могилев: Исторический очерк. Мн., 1959; 2-е изд. Мн., 1971.

¹⁰¹ Нікіцін Г. А. Віцебск. Мн., 1959; Ключин Н. В. Могилев: Исторический очерк. Мн., 1963; Лебедев С. М. Гомель: Историко-экономический очерк. Мн., 1962; Бобруйск: Историко-экономический очерк. Мн., 1965; 2-е изд. Мн., 1970.

борьбе в средневековых городах. Отдельные работы освещают историю городов, находившихся во владениях крупных феодалов¹⁰². В этих монографиях на основе огромного фундаментального материала, собранного в архивах Москвы, Минска, Гродно, Варшавы, Львова, исследованы различные стороны хозяйственного развития городов Белоруссии, состав городского населения, социально-политическая и национально-религиозная борьба горожан в XVI—XVIII вв.

Монография А. П. Игнатенко «Ремесленное производство в городах в XVII—XVIII вв.» содержит обстоятельную характеристику городских ремесел. В ней раскрывается ведущее значение традиционных черт ремесла, присущих феодальным городам. Впервые в белорусской советской историографии прослеживается процесс разложения цеховой системы и зарождения в ремесленном производстве в XVIII в., особенно во второй половине столетия, элементов капитализма, что проявилось в появлении крупных мастерских, в применении наемного труда. В книге определяются ведущие отрасли ремесленного производства в разных городах, описаны пути реализации ремесленных изделий. Широко охарактеризована цеховая организация, взаимоотношения мастеров, подмастерьев и учеников, прослежены факторы регламентации ремесленного производства, борьба цехов с ростом нецеховых ремесленников. Автор правильно указывает, что в первой половине XVII в. наблюдается рост ремесленного производства, значительная дифференциация отдельных видов ремесла. Первая половина XVIII в.— время упадка городского ремесла в связи с военными разорениями и усилением феодальной эксплуатации. Вторая половина XVIII в.— период восстановления хозяйства Белоруссии, в том числе и ремесленного производства.

В монографии З. Ю. Копысского «Экономическое развитие городов Белоруссии в XVI—XVII вв.» впервые установлена примерная численность городского населе-

¹⁰² Игнатенко А. П. Ремесленное производство в городах Белоруссии в XVII—XVIII вв. Мн., 1963; Копысский З. Ю. Экономическое развитие городов Белоруссии в XVI—XVII вв. Мн., 1966; Он же. Социально-политическое развитие городов Белоруссии в XVI—первой половине XVII в. Мн., 1975; Грицкевич А. П. Частновладельческие города Белоруссии в XVI—XVIII вв. Мн., 1975; Он же. Социальная борьба горожан Белоруссии в XVI—XVIII вв. Мн., 1979.

ния. На основании различных косвенных данных автор определяет численность жителей разных городов и изменение ее в течение изучаемого периода, указывает источники пополнения городского населения. Содержательно и всесторонне он охарактеризовал хозяйственную деятельность жителей, специализацию разных городов, цеховую организацию ремесла и ее роль в развитии ремесленной деятельности. Прослеживается эволюция городского ремесла, специфика развития цеховой системы, широко и разносторонне охарактеризована роль городов как центров торговли, исследованы торговые связи белорусских городов между собой, а также с городами Польши, Литвы, Русского государства, определена роль городов в товарных связях сельскохозяйственного производства. Автором доказана ведущая роль городов в формировании внутреннего рынка, раскрыты связи купеческого капитала с городским ремеслом, отмечено появление скупщиков.

На основе многочисленных и разнообразных источников З. Ю. Копыцкий подсчитал, что в XVII в. на территории Белоруссии было 37 городов и свыше 300 местечек («городков»), из них примерно около 60% размещались в западной части, главным образом в бассейне Немана. Он объясняет это влиянием экономической эволюции феодального поместья, развитием внешнего и внутреннего рынка. Далее исследователь дает экономическую характеристику местечек как поселений городского типа, в которых существовали ремесло и торговля, но основным занятием большинства их населения являлось сельское хозяйство. Абсолютное преобладание небольших городков он объясняет условиями эпохи; оно было характерно также для Германии и Польши. Вместе с тем в течение этого периода прослеживается хотя и медленный, но неуклонный рост городов, численности населения и экономического их значения. На многочисленных фактах, почерпнутых в большинстве из архивных документов, исследованы источники пополнения городского населения. При этом показано, что естественный прирост играл второстепенную роль вследствие высокой смертности, особенно детской. Важным источником пополнения населения городов с XVI в. стало переселение вольных крестьян, поощряемое верховной властью из фискальных соображений. По мере распространения фольварочно-барщинного хозяйства все большее место стал зани-

мать такой источник пополнения городского населения, как бегство крестьян от своих владельцев.

В книге З. Ю. Копысского получила развернутую характеристику одна из важных черт социально-политической жизни феодальных городов Белоруссии — так называемые юридики. Это явление рассматривается как следствие роста феодальной земельной собственности, стремления феодалов превратить экономическую деятельность города в источник дохода. Автор значительно расширил понимание экономической роли юридик выводом о том, что, скупая в городах земельные участки и переселяя на них своих подданных, занимавшихся ремеслом или переходивших к торговой деятельности, феодалы объективно содействовали концентрации в городах ремесленного и торгового населения, которое, однако, было подвластно феодальному суду и несло феодальные повинности. Вместе с тем, рост численности юридичан препятствовал росту городского сословия (горожан, подчинявшихся городскому самоуправлению), являлся серьезным тормозом развития собственно городской общины. Автор показал, что в подавляющем большинстве городов частные юридики росли за счет городской общины, так как переход под юрисдикцию частного лица, по мнению автора, несколько облегчал налоговое бремя. Обоснованным и убедительным является вывод о том, что в городах Белоруссии происходила своего рода унификация юридических норм, соединявших Магдебургское право и общегосударственное законодательство.

По мнению З. Ю. Копысского, весьма опасной для городской общины была налоговая разобщенность; так как город облагался государственными поборами, которые не платило население, находившееся под частной юрисдикцией, члены городской общины зачастую переходили под юрисдикцию крупных феодалов. Вследствие этого городские власти вели борьбу за распространение власти магистрата на всех жителей города, которая шла с переменным успехом.

Важное положение, выдвинутое в книге, заключается в том, что вследствие роста частновладельческих юридик в городах в Белоруссии не сложился сколько-нибудь прочный союз городов с верховной властью, и города не могли серьезно влиять на политические судьбы государства.

Важен рассмотренный З. Ю. Копыским вопрос об

имущественных различиях среди горожан. В книге приводится много примеров наличия в городах наряду с бедными ремесленниками богатых купцов и владельцев крупных мастерских. В их руках находилось городское самоуправление.

Большое значение имеет новое решение проблемы взаимоотношений феодального города и деревни. В советской историографии существовал взгляд, что белорусские города XVI—XVIII вв. не играли положительной роли в экономическом развитии, что между городом и деревней не существовало обмена, так как феодальные поместья продавали продукты за границу (М. В. Довнар-Запольский, Д. Л. Похилевич). Вследствие этого города Белоруссии имели ярко выраженный аграрный характер. Этот взгляд на экономическую роль городов отрицается З. Ю. Копыским, который убедительно доказал, что в Белоруссии ремесло и торговля уже в первой половине XVI в. стали занятиями городского населения, и города превратились в центры ремесленного производства и торговли. Вместе с тем это отнюдь не означало, что городам того времени не были присущи сельскохозяйственные занятия — скотоводство, огородничество и даже пашенное земледелие. К ним вынуждали горожан небольшая товарность подавляющей части феодальных поместий, и особенно крестьянского хозяйства, частые неурожаи и т. д. Большое значение имели сельскохозяйственные занятия, особенно земледелие в небольших городских поселках-местечках. Крупные города лишь частично (до 10—35%) покрывали потребность в сельскохозяйственных продуктах за счет собственного производства. На ряде примеров показаны торговые связи города и деревни — продажа феодалами хлеба и сельскохозяйственного сырья и продуктов в городах, а также привоз крестьянами на городские рынки различных продуктов своего хозяйства с целью получения денег для уплаты разных поборов и налогов. З. Ю. Копыский пришел к интересному заключению, что «город своим существованием и развитием сдерживал рост отработочной ренты и содействовал сохранению денежной ренты»¹⁰³.

На основе изучения таможенных книг З. Ю. Копыский сделал вывод, что экспортерами зерна были круп-

¹⁰³ Копыский З. Ю. Экономическое развитие городов Белоруссии в XVI—XVII вв. Мн., 1966, с. 64.

ные и часть среднепоместных феодалов, большая часть шляхты реализовывала продукты своего хозяйства на внутреннем рынке, в городах.

Изучив инвентари феодальных поместий, З. Ю. Копыцкий показал, что в XVI в. ремесленник стал редкой фигурой в поместье, вследствие чего основная масса феодальных поместий не была самообеспечивающимися хозяйствами, что привозили промышленные товары из-за границы в большинстве случаев крупные феодалы, подавляющая же часть господствовавшего класса могла удовлетворять свои потребности в промышленных изделиях, только приобретая их на внутреннем рынке. Покупали такие изделия, главным образом железные орудия, и крестьяне окрестных деревень. Широко освещен в книге вопрос о ремесленном производстве. Показана структура городского ремесла, количество ремесленных профессий по разным городам, относительная численность ремесленников в каждой профессии. Отмечено преобладание таких видов производства, как металлообрабатывающее (включая оружейное разного рода), затем деревообрабатывающее, кожевенное и меховое, портняжное, производство продуктов питания, а также сфера обслуживания. Прослежен процесс развития разделения труда в ремесленном производстве, дробление специальностей. Автор установил на основе имеющихся документов существование до 200 ремесленных специальностей в городах Белоруссии. Он считает, что белорусские города в XVI — первой половине XVII в. еще не знали межгородской ремесленной специализации; во всех городах были одни и те же профессии.

Обстоятельно исследована цеховая организация ремесла в белорусских городах, которой предшествовало деление ремесленников на сотни, сохранившееся еще в первой половине XVI в. Автор установил по разным источникам существование 112 цехов в 16 городах Белоруссии¹⁰⁴. Прослеживается процесс дробления цехов с меньшим числом специальностей, что являлось показателем развития и дифференциации ремесленного производства. Широко освещаются система ученичества, положение подмастерьев, права мастеров. Большой интерес представляет сравнительная характеристика белорусских цехов с западноевропейской цеховой системой. Автор

¹⁰⁴ Копыцкий З. Ю. Указ. соч., с. 89.

впервые устанавливает заметную роль белорусских цехов в городском самоуправлении и внутригородской жизни уже во второй половине XVI в.

Оригинальным является утверждение З. Ю. Копыского о наличии в городском ремесле в XVII в. таких явлений, которые можно отнести к прокапиталистическим¹⁰⁵. Он отмечает появление скупщиков ремесленных изделий, ростовщичества и кредита, которые свидетельствовали об эксплуатации купцами и богатыми мастерами обедневших ремесленников, а также, что особенно важно, появление ремесленников, живущих наемной работой.

Обстоятельно и широко исследован в книге З. Ю. Копыского вопрос о торговле и торговых связях белорусских городов. Охарактеризована не только транзитная торговля, внешние торговые связи городского купечества, но и лавочная торговля в городе, в которой значительное место занимала продажа городскими ремесленниками своих изделий и продуктов питания; продавались в лавках товары, привезенные купцами из других городов Белоруссии.

Интересные данные приводятся в книге о составе вывозимых и ввозимых товаров; в вывозе преобладали различные меха и меховые изделия, полотно, кожи и шорные изделия. Ввозились сукна, металлические изделия, пряности, шелковые ткани, предметы роскоши.

В книге отмечается сравнительно медленное развитие городов Белоруссии за полтора столетия (вторая половина XVI—XVII вв.), но вместе с тем подчеркивается их глубокое влияние на все феодальное общество; города нарушили замкнутость отдельных районов страны, сыграли большую роль в процессе формирования белорусской народности. Особенности феодализма в Белоруссии, в частности процесса развития городов, состояла в том, что здесь в XVI—XVIII вв. было много магнатских латифундий, в состав которых входили местечки и города. Такие владельческие города составляли в разные периоды от 1/3 до половины всех городов Белоруссии. При этом некоторые из них были довольно крупными (Слуцк, Несвиж, Клецк, Туров, Копысь, Давид-Городок и др.); часть их являлась прежде даже центрами удельных княжеств. Принадлежность к частным владениям крупных

¹⁰⁵ Там же, с. 119.

феодалов не могла не обусловить специфику экономического развития, политического положения, юридического статуса этих городов. Это обстоятельство определило избрание частновладельческих городов объектом отдельного исследования.

Новые наблюдения и выводы содержатся в книге А. П. Грицкевича «Частновладельческие города Белоруссии в XVI—XVIII вв.». В ней раскрывается роль таких городов в экономике магнатского поместья, в усилении власти крупных феодалов. Прослеживая организацию внутригородской жизни, автор отмечает полновластие владельцев городов, которое, однако, серьезно корректировалось специфическими хозяйственными интересами города и его жителей. Интересно наблюдение автора о географическом размещении частновладельческих городов.

А. П. Грицкевич считает, что частновладельческие города были одним из факторов, способствовавшим укреплению фольварочно-барщинной системы. В свою очередь, последняя влияла на степень развития таких городов, которые в целом отставали от королевских.

Важным фактором, отличавшим частновладельческие города, было то, что городская земля была собственностью феодала, который выделял горожанам как усадебные участки, так и пахотные и сенокосные наделы. За эту землю горожане обязаны были выполнять определенные повинности. Отмечается стремление феодалов привлечь в свои города большее число жителей, для чего новопоселенцам предоставлялся ряд льгот. На основе изучения городских актов автор пришел к выводу, что мещане частновладельческих городов завещали, дарили, закладывали свои дома и земельные участки, но только подданным владельца города: в полной мере распоряжаться своим имуществом они не могли.

Исследование хозяйственного развития частновладельческих городов — ремесленного производства и торговли — дает картину, аналогичную развитию королевских городов; и в таких городах развивались разнообразные ремесла. Подсчет числа профессий свидетельствует, что в XVI в. в частновладельческих городах их было наполовину меньше, чем в королевских. В XVIII в. число профессий выросло почти в 2 раза. При наличии разнообразных специальностей ремесленного производства автор прослеживает преобладание в разных городах

тех или иных профессий. В частновладельческих городах организация ремесленного производства аналогична королевским: и здесь автор отмечает существование цехов, прослеживает процесс выделения новых цехов с развитием ремесла. Цеховые уставы частновладельческих городов, составляемые их владельцами, по мнению автора, в принципе не отличались от цеховых уставов других городов¹⁰⁶. Отмечено отсутствие нецеховых ремесленников во владельческих городах XVII—XVIII вв., характерное для других городов государства. Однако оформление цеховой организации в частных городах происходило позднее, чем в королевских.

Торговля частновладельческих городов регулировалась владельцем. Из фискальных интересов магнаты стремились расширить торговлю и добивались различных торговых привилегий у центральной власти, устанавливая строгий контроль над торговлей города. Вместе с тем они по своей воле устанавливали пошлины на привозимые товары, взимали плату за проезд через свои владения.

Автор прослеживает рост торговли в частновладельческих городах на протяжении XVI—XVIII вв. в связи с развитием товарно-денежных отношений. В таких городах, по его мнению, торговлей занималось гораздо больше жителей, чем в королевских¹⁰⁷.

Привлекает интерес обстоятельная характеристика лавочной торговли в городах, особенно в Слуцке, Несвиже, Клецке (владения Радзивиллов). Особенностью организации торговли в частновладельческих городах было объединение торговцев в купеческие корпорации (цехи).

Отдельная глава посвящена исследованию организации управления в частновладельческих городах, выяснению взаимоотношений органов городской и центральной государственной власти; подчеркивается, что высшая власть в городе принадлежала его владельцу, который имел право суда над жителями города, был патроном церкви всех вероисповеданий, сосредоточивал в своих руках военную власть. Владельцы городов добивались от королевской власти различных льгот и привилегий для своих городов, в том числе Магдебургского права.

¹⁰⁶ Грицкевич А. П. Частновладельческие города Белоруссии в XVI—XVIII вв. Мн., 1975, с. 97.

¹⁰⁷ Там же, с. 127—128.

На основе изучения актовых материалов делается вывод, что центральная власть Речи Посполитой регулировала законодательными актами те или иные стороны хозяйственной жизни частновладельческих городов и правовое положение их жителей; однако она не затрагивала прав владельцев¹⁰⁸. Подчеркивается, что выданные владельцами универсалы, уставы, привилегии и другие документы имели силу закона, определяли права мещан и направляли хозяйственную жизнь городов. Рассмотрены также органы местного управления феодалов-владельцев городов. Местная администрация, как видно из документов, назначалась магнатом из его доверенных лиц — наместников, губернаторов, экономов, комендантов крепостей, судей, казначеев и т. п. Магдебургское право, данное некоторым городам по просьбе их владельцев, по их же воле видоизменялось по сравнению с правом королевских городов, по их же воле назначался наместник — войт. Орган городского самоуправления — магистрат формировался в соответствии с требованиями владельца города.

По мнению А. П. Грицкевича, городские магистраты в частновладельческих городах, опираясь на поддержку владельца-магната, пользовались большими правами, чем органы городского самоуправления королевских городов, хотя и находились под строгим контролем владельца и его администрации¹⁰⁹. Автор отмечает, что в отличие от королевских городов, которые постановлением сейма 1776 г. лишались права самоуправления, владельческие города сохранили его власть до конца XVIII в.

В книге А. П. Грицкевича освещена роль частновладельческих городов как военных крепостей владельцев-магнатов, имевших гарнизоны, оборонительные сооружения. Эти крепости служили основой всевластия магнатов в Речи Посполитой в период нараставшей феодальной анархии в XVII—XVIII вв.

Проблема социально-политического положения городов и социальной борьбы исследована З. Ю. Копыским в работе «Социально-политическое развитие городов Белоруссии в XVI — первой половине XVIII в.» (Мн., 1975) и А. П. Грицкевичем в монографии «Социальная борьба горожан Белоруссии в XVI—XVIII вв.» (Мн., 1979).

¹⁰⁸ Грицкевич А. П. Указ. соч., с. 155.

¹⁰⁹ Там же, с. 200.

Актуальность этих исследований особенно высока, так как по ряду входящих в эту проблему вопросов в буржуазной историографии (а по некоторым — и в советской) существовали неверные представления: так, по вопросу о Магдебургском праве буржуазные историки (М. Ф. Владимирский-Буданов, А. С. Грушевский, В. Б. Антонович) утверждали, что Магдебургское право навязано белорусским городам верховной властью и горожане боролись за сохранение старины; социальная борьба внутри города вообще не являлась объектом изучения.

В социально-политическом развитии городов, как убедительно доказано в обеих книгах, большое значение имели жалованные грамоты, которые давались верховной властью и предоставляли городам права и гарантии, обеспечивавшие их положение как центров ремесла и торговли, устанавливавшие юридическое положение горожан как сословия феодального общества. Однако в Белоруссии это третье — городское — сословие не стало самостоятельной политической силой, как в странах Западной Европы. Горожане не стали опорой центральной власти в борьбе с всевластием феодалов, не оказывали значительного влияния на внешнюю и внутреннюю политику верховной власти.

Большое внимание авторы уделяют Магдебургскому праву, которое верховная власть предоставляла многим городам Белоруссии, как крупным, так и средним. Это право сыграло, как видно из исследований, серьезную роль в развитии не только экономической, но и социально-политической жизни белорусских городов. В соответствии с его нормами сложилась система городского самоуправления. Историки оспаривают как несоответствующее действительности утверждение буржуазных ученых о том, что переход к магдебургскому строю был навязан городам верховной властью Великого княжества Литовского и привел к устранению древнерусского вечевого строя, тем самым создал препятствие для развития городов (М. Ф. Владимирский-Буданов, В. Б. Антонович, А. С. Грушевский и др.).

Белорусскими советскими историками-урбанистами убедительно доказано, что для белорусского феодального города характерно сочетание Магдебургского права с нормами городского права, сложившегося в предшествующие столетия в древнерусских городах.

З. Ю. Копысский пришел к заключению, что к XVI в. уровень городской жизни, особенно в крупных городах, оказался в противоречии со старыми правовыми нормами; новые условия выдвинули такую форму городского самоуправления, как Магдебургское право, измененное, однако, применительно к конкретным социально-экономическим условиям. Вечевой строй, при котором феодально-патрицианская верхушка получала возможность господствовать в городе, стал тормозом на пути укрепления свои позиции торгово-ремесленного населения городов. В книге З. Ю. Копысского выяснены различия по разным городам Белоруссии в системе местного самоуправления (назначение великим князем или выборность войта, его прерогативы, состав магистрата, порядок выбора его членов и пр.); показано преобладание в органах городского самоуправления представителей богатой части горожан, раскрыты их злоупотребления служебным положением. На основе городских книг подробно освещается деятельность органов городского самоуправления в разных городах, судебные разбирательства по имущественным, политическим и религиозным тяжбам.

В отдельной главе З. Ю. Копысский рассмотрел роль цеховых организаций и братств, которые являлись формами проявления сословной солидарности горожан; цехи решали эту задачу в сфере экономики и общественной жизни, братства — в идейной области, находившейся в феодальную эпоху под влиянием религии.

В указанных исследованиях оба автора впервые широко раскрыли социальные противоречия, политическую борьбу горожан. Городские движения, как правильно отмечают авторы, были порождены феодальными условиями, они оставались локальным явлением и не имели целью сколько-нибудь решительных политических преобразований. Основное их значение состояло в том, что социально-политическая борьба горожан подготовила широкое участие городского населения Белоруссии в народно-освободительной борьбе белорусского и украинского народов за воссоединение с Россией.

В общественно-политической борьбе горожан Белоруссии XVI—XVIII вв. исследователи выделяют четыре направления: 1) сопротивление росту власти феодалов в городе и стремление распространить власть городского самоуправления на все городское население; 2) борьба городских низов против католической верхушки; 3) вы-

ступление против католической экспансии; 4) борьба с имущественными притязаниями высшего духовенства.

В книгах показаны различные формы борьбы горожан — подача коллективных жалоб в различные органы местной и центральной власти с целью сохранения экономических прав, освобождения от новых поборов, грабежей и насилий шляхты, поместной администрации, бегство жителей частновладельческих городов в королевские (а иногда и наоборот). Особое внимание отводится в книгах наиболее активной форме борьбы — восстаниям против феодалов — владельцев городов или наместников, выступлениям против высших чинов городского самоуправления, представителей богатой верхушки горожан, активной национально-освободительной борьбе совместно с украинским народом против засилья польских феодалов и католической церкви. Правильно определяются причины поражений этих выступлений, несмотря на их активность и массовость, — стихийность, неорганизованность, локальность, непоследовательность, отсутствие четких целей.

Экономическое развитие городов Белоруссии в период разложения и кризиса феодально-крепостнической системы и формирования капиталистического уклада (первая половина XIX в.) изучается в монографии В. В. Чепко «Города Белоруссии в первой половине XIX в.» (Мн., 1981). В книге исследуются такие стороны городской экономики, как ремесленное производство, мануфактурная промышленность, торговля, сельскохозяйственные занятия, отхожие промыслы и другие виды занятий городских жителей; определяется динамика численности городского населения, изменения его социального состава.

В книге охарактеризованы социально-экономические условия переходного периода, в которых создавались предпосылки для быстрого роста городов вследствие углубления процесса общественного разделения труда, раскрывается значение включения Белоруссии в состав Российской империи в конце XVIII в. для развития городов. Определяется тормозящее воздействие феодально-крепостнической системы с господством барщинного хозяйства, препятствовавшей пополнению населения городов.

Обстоятельно рассмотрено ремесленное производство, издавна развитое в городах Белоруссии, и его эволюция

в первой половине XIX в. Показано, что в изучаемый период в городах наблюдался значительный рост численности ремесленников, что являлось убедительным свидетельством роста производства. Так как количество ремесленных профессий в общем почти не изменилось в течение всей первой половины XIX в., рост числа ремесленников свидетельствовал о расширении производства существовавших отраслей. Прослежена довольно заметная специализация городов на производстве определенных видов продукции. Во всех городах были развиты такие ремесла, как портняжное, сапожное, кузнечное. Они занимали наибольшее число рабочих рук. Отмечены появление и рост новых ремесел, а также отмирание ряда старых, на продукцию которых не стало спроса. В целом отмечается сокращение числа специальностей.

В книге определяются не только количественные, но и качественные изменения в ремесленном производстве, вызывавшиеся проникновением в городскую жизнь новых, капиталистических отношений. В цеховой организации ремесленного производства, продолжавшей существовать в городах Белоруссии в течение всей первой половины XIX в., произошли заметные изменения, что доказано автором на многочисленных примерах. В. В. Чепко прослежен процесс роста в городах крупных ремесленных мастерских, послуживших основой развития мануфактурного производства. Выяснены причины слабого развития мануфактурного производства в течение всей первой половины XIX в., главными из которых были — конкуренция вотчинных предприятий, загруженность рынка привозными изделиями российских и польских фабрик, господство барщинной системы, препятствовавшей пополнению городского рынка рабочей силой. Прослеживается рост количества предприятий мануфактурного типа и численность рабочих по крупным городам Белоруссии, особенно в 40—50-х годах XIX в. Показан также процесс перехода помещичьих предприятий, расположенных главным образом в местечках, на наемный труд. Описываются организация производства наиболее крупных городских предприятий, их рыночные связи. Автор отмечает, что относительная слабость промышленного развития городов Белоруссии в течение всей первой половины XIX в. обусловила ведущую роль торговли в их хозяйственной жизни. Крупные города теперь стали не только местными центрами торговой деятель-

ности, но звеньями широкой торговой системы с разветвленной сетью внешнеторговой связи.

Торговля городов Белоруссии, как показано в книге, непрерывно росла и расширялась в течение изучаемого периода. Важным показателем этого роста является увеличение численности купечества, главным образом гильдейского, рост купеческих капиталов. Богатые купцы вели, как отмечается в монографии, широкие внешнеторговые операции, продавая за границу скупаемые сельскохозяйственные продукты, лес, водку, спирт и т. п., а также владея в городах крупными лавками с различными промышленными товарами, закупленными в промышленных центрах России и в странах Европы. Документальные данные свидетельствуют, что большую роль в городской торговле продолжали играть мелкие торговцы. К концу 50-х годов число крупных магазинов в городах значительно выросло. Автором прослежен процесс постепенного падения роли ярмарок в торговле промышленными товарами вследствие роста постоянной лавочной торговли. В книге показано, что в первой половине XIX в. значительную роль в вывозной торговле играли города-порты на больших реках.

Рассмотрены другие виды занятий городского населения Белоруссии. Расчеты общего роста числа жителей и увеличения части, занятой торговой и промышленной деятельностью, показывают избыток незанятого населения. Документы свидетельствуют о том, что в небольших городах и в местечках значительная часть населения вынуждена была искать другие занятия, часть уходила в отходничество, другая занималась сельским хозяйством, главным образом огородничеством, садоводством, отчасти скотоводством.

На основе данных статистики автор делает вывод о значительном росте городского населения Белоруссии — с начала века до конца 50-х годов оно увеличилось более чем в 3 раза. Показателем особенно быстрого роста населения крупных городов-портов со значительными торговыми оборотами.

Исследуя материалы ревизий, В. В. Чепко показала исключительно пестрый национальный, социальный и религиозный состав городского населения. По социальному составу населения города переживали период перехода от феодального общества к новому, капиталистическому, начинали формироваться классы буржуазного

общества. Стал изменяться и облик городов — рост количества зданий, главным образом кирпичных, иной характер планировки, застройки. Наблюдался переход от феодального поселения к капиталистическому городу.

В книге автор пришел к выводу, что города Белоруссии в первой половине XIX в. еще не стали капиталистическими центрами промышленности, сохранили в экономике и социальном строе некоторые черты феодального города, однако переходный процесс совершался все более интенсивно.

5. Общественно-политическая жизнь, идейная борьба

Одной из важнейших проблем, разрабатываемых историками, является общественно-политическая жизнь феодального общества Белоруссии. Эта проблема исследуется по различным аспектам. Один из них — экспансия католицизма в Белоруссии, пути и методы окатоличивания ее населения, чему посвящен ряд работ Я. Н. Мараша «Из истории борьбы народных масс Белоруссии против экспансии католической церкви», «Ватикан и католическая церковь в Белоруссии (1569—1795 гг.)», «Очерки истории экспансии католической церкви в Белоруссии XVIII века». До выхода их в свет в работах советских и зарубежных историков-марксистов рассматривались главным образом политические вопросы; экспансия Ватикана прослеживалась по пути миссионерства, насаждения католического культа, политического проникновения в страны Востока и т. д. В работах Я. Н. Мараша в основу исследования положен историко-экономический аспект. Агрессивная деятельность Ватикана раскрывается прежде всего по линии экономической в сочетании с политической, организационной и идеологической сторонами его экспансии. Рассматривая экономическую сторону экспансии, автор затронул прежде всего ряд вопросов, связанных с формированием крупного феодального землевладения католической церкви в Белоруссии, положение крестьянства в ее обширных владениях, структуру доходов и др.

Первая книга Я. Н. Мараша «Из истории борьбы народных масс Белоруссии против экспансии католической церкви» освещает различные формы и проявления про-

теста городских мещан и крестьянства против наступления католической церкви и насаждения унии в XVII—XVIII вв., а также против феодального угнетения во владениях католических церквей и монастырей.

Названная работа — первое в советской историографии исследование о положении крестьян поместий, принадлежавших католическому духовенству в белорусских землях. Автор прослеживает, как неуклонно, на протяжении XVI—XVIII вв. проникали в Белоруссию и основывали здесь монастыри, приобретали земельные владения и крепостных крестьян различные католические, а затем униатские монашеские ордена. На основе анализа большого числа архивных документов Я. Н. Мараш делает заключение, что в западной части Белоруссии хозяйство духовных феодалов основывалось на барщинной системе эксплуатации крестьян, что в течение XVIII в. в этих хозяйствах обеспеченность крестьян земельными наделами была недостаточной, а барская запашка составляла значительную долю. Наблюдалась тенденция к сокращению крестьянских наделов. Автор также доказал, что барщина на западе Белоруссии в монастырских фольварках была выше, чем у светских землевладельцев¹¹⁰. В отношении северо-восточных районов Белоруссии вывод неопределенный: автор считает, что здесь в монастырских и епископских владениях фольварочное хозяйство не сложилось, ввиду чего в этих районах «феодальная эксплуатация была мягче, чем в западных. Объясняется это близостью России»¹¹¹. В целом следует отметить, что в книге недостаточно убедительно показан рост феодальной эксплуатации во владениях католических монастырей и костелов. Очень важное положение об усилении феодально-крепостнического гнета во владениях католической церкви на всей территории Белоруссии, высказанное Я. Н. Марашем, осталось недоказанным¹¹².

Главный вопрос, исследованный в названной работе Я. Н. Мараша,— борьба народных масс Белоруссии против унии и католического наступления. Этот вопрос впервые освещается достаточно обстоятельно и убедительно на основе новых документальных материалов.

¹¹⁰ *Мараш Я. Н.* Из истории борьбы народных масс Белоруссии против экспансии католической церкви. Мн., 1969, с. 15—16.

¹¹¹ Там же, с. 19—20.

¹¹² Там же, с. 15—16.

Большое внимание автор уделил выяснению сущности борьбы против католической агрессии и унии со стороны плебейских слоев белорусских городов и крестьянства, особенно накануне и во время национально-освободительной борьбы украинского и белорусского народов в середине XVII в. и войны между Россией и Речью Посполитой (1654—1667 гг.). При этом он исходит из тезиса, что антикатолическая и антиуниатская борьба в Белоруссии в XVII—XVIII вв. тесно переплеталась с борьбой против социального и национального угнетения народных масс светскими и духовными феодалами ¹¹³.

Длительный период борьбы (конец XVI—XVIII вв.), освещаемой в книге, делится автором на четыре этапа: 1) конец XVI — первая половина XVII в. — нарастающее обострение классовой борьбы, католическая реакция, активное наступление унии. На этом этапе важную роль играла идеологическая борьба; 2) 50—60-е годы XVI в. — разворачивание национально-освободительной борьбы украинского и белорусского народов против феодального и иноземного гнета. На этом этапе резко усиливается борьба народных масс против светских и духовных феодалов; 3) 70-е годы XVII в. — первая четверть XVIII в. — экономический упадок Речи Посполитой, разорение белорусских земель, время быстрого расширения земельной собственности католической церкви, упрочения ее политических позиций, усиления духовного порабощения народных масс Белоруссии; 4) 30—40-е годы — конец XVIII в. — восстановление хозяйства Белоруссии, усиление феодально-крепостнической эксплуатации, освободительное движение, направленное и против католической церкви. Все эти этапы охарактеризованы в книге, освещены важнейшие события борьбы на каждом этапе, некоторые из них описаны впервые. Следует сказать, что отдельные народные выступления представлены недостаточно полно (например, Могилевское восстание 1606—1609 гг.). В книге освещается и идеологическая борьба, в частности свободомыслие и антиклерикализм, рассказывается о деятельности выдающихся представителей идеологической борьбы против католической церкви — Стефана и Лаврентия Зизаниев, Леонгия Карповича, Стефана Лована, Каспара Бекеша, К. Лыщинского и

¹¹³ *Мараш Я. Н.* Из истории борьбы народных масс Белоруссии..., с. 38.

др. В работе сделана попытка проследить и объяснить причины успехов католической церкви в проведении идеологической борьбы и политической экспансии в Литве и Белоруссии.

Все труды Я. Н. Мараша основаны на большом документальном материале, значительную часть которого составили архивные документы. Исследуя проблему превращения католической церкви в крупного вотчинника, автор уделил особое внимание вопросу монастырского землевладения в Белоруссии, который почти не изучается в исторической литературе. Наряду с этим для более полного освещения темы исследуются такие вопросы, как формирование земельной собственности костелов, а также развитие латифундий в Виленском епископстве (XVII—XVIII вв.).

Исследуя историю церковного землевладения, Я. Н. Мараш останавливается на следующих важных вопросах: 1) пути складывания крупной феодальной церковной земельной собственности и в особенности монастырского землевладения; 2) территориальное расположение земельных владений католической церкви в Белоруссии, распределение и концентрация их в определенных районах; 3) роль католических монастырей в хозяйственной жизни Белоруссии; 4) цели, которые преследовал господствующий класс феодалов, содействуя формированию крупного землевладения католической церкви в белорусских землях; 5) взаимоотношения между духовными и светскими феодалами в период роста земельной собственности католической церкви.

Основное место в книге Я. Н. Мараша «Ватикан и католическая церковь в Белоруссии» занимает вопрос о путях превращения католической церкви в Белоруссии в крупнейшего земельного собственника. На основе многочисленных документов показывается, каким образом упрочились экономические позиции католизации, обусловившие осуществление экспансии. Подробно это рассмотрено на примере образования крупной церковной земельной собственности Виленского епископства, основанного в первые же годы после Кревской унии (1385 г.) в результате пожалования в 1387 г. польским королем Ягайло нескольких волостей, деревень и земельных участков. Описан рост владений епископства в XVI—XVIII вв. за счет королевских пожалований, дарений великих литовских князей, крупных феодалов, покупки но-

вых поместий разбогатевшим епископством. В результате к концу XVIII в. земельные владения Виленского епископства простирались от Буга на западе до Днепра на востоке, от Западной Двины на севере до Муховца и Горыни на юге. В эти владения входило более 600 деревень, ряд графств и поветов; доход от этих земельных владений достигал почти миллиона злотых¹¹⁴. Помимо Виленского епископства множество поместий присваивали католические монастыри различных орденов. В книге прослежено постепенное насаждение Ватиканом католических монастырей в белорусских землях, особенно интенсивно происходившее в течение XVII — первой половины XVIII в. Большое внимание автор уделит путям расширения земельной собственности ордена иезуитов, занимавшего первое место среди монастырских землевладений и сыгравшего особенно отрицательную роль в исторических судьбах белорусского народа. Хотя этот орден позже других обосновался в белорусских землях, но быстрый рост земельных владений, экономических позиций сделали его главным орудием католической агрессии, идеологического подавления национального самосознания белорусского народа. На богатом фактическом материале показаны всевозможные способы расширения владений и власти иезуитов, создания орденом своих бастионов. В западной части Белоруссии таким бастионом стала Несвижская коллегия, в восточной — Полоцкая¹¹⁵. Опорными пунктами Ватикана стали также коллегии Минская, Оршанская, Витебская, Брестская, Гродненская, Новогрудская, Пинская; их превращение в крупных феодальных землевладельцев в течение XVII—XVIII вв. обстоятельно рассматривается в книге¹¹⁶.

Прослеживается также организация, строительство и обогащение монастырей (мужских и женских) других орденов — бернардинов, бенедиктинов, бригитов, мариавитов, кармелитов, картузов, базилианов, францисканцев, доминиканцев¹¹⁷. Автор впервые исследует такой важный вопрос, как проникновение католической церкви в город Белоруссии, укрепление ею своих экономических позиций путем захвата городских юридик, подчинение

¹¹⁴ *Мараш Я. Н.* Ватикан и католическая церковь в Белоруссии (1569—1795 гг.). Мн., 1971, с. 114.

¹¹⁵ Там же, с. 127.

¹¹⁶ Там же, с. 117—136.

¹¹⁷ Там же, с. 136—146.

себе населения этих юридик как в хозяйственном, так и в идеологическом отношении. Большое число земельных участков перешли в руки католических церквей в результате дарений или покупки в Полоцке, Гродно, Слониме, Бресте, Минске, Витебске, Волковыске, Новогрудке, Кобрине, Могилеве и др. городах¹¹⁸. Все эти земельные владения неоднократно, как видно из документов, приведенных в книге, были объектом длительных судебных тяжб между городскими магистратами, частными владельцами и монастырями. На основе исследования документов автор пришел к важному выводу, что увеличение феодальной собственности католической церкви в городах и местечках Белоруссии преследовало две задачи: 1) умножение богатств и доходов церкви с целью укрепления ее экономических позиций в городе; 2) подчинение своей власти, а тем самым и своему идейному влиянию как можно большего количества городского населения, преимущественно православного, с целью насаждения католичества в среде широких народных масс¹¹⁹.

Книга Я. Н. Мараша «Очерки истории экспансии католической церкви в Белоруссии XVIII в.» является углублением проблемы, разработанной в книге «Ватикан и католическая церковь в Белоруссии (1569—1795 гг.)». На большом документальном материале автор раскрыл различные стороны экономической деятельности епископского и монастырского хозяйства XVIII в., проанализировал процессы, протекавшие на протяжении всего XVIII в. и, в частности, во второй его половине. Такая обстоятельная характеристика организации духовных поместий дается впервые. Я. Н. Мараш освещает два больших вопроса: первый — экономическое проникновение католической церкви в белорусские земли на протяжении XVIII в.; второй — эволюция хозяйства феодальных поместий католических монастырей под влиянием развивавшихся товарно-денежных отношений.

Автор правильно отмечает, что хозяйство крупных вотчин католических монастырей эволюционизировало в том же направлении, что и хозяйства светских феодалов. В связи с возросшим спросом на сельскохозяйственные продукты и сырье для развивавшейся промышленности как на внутреннем, так и на внешнем рынках духовные феодалы стремились интенсифицировать фольва-

¹¹⁸ Мараш Я. Н. Ватикан и католическая церковь..., с. 151—166.

¹¹⁹ Там же, с. 170.

рочное хозяйство, сделать его более доходным. Я. Н. Мараш рассматривает эти процессы на материалах ряда крупных хозяйств католических монастырей и Виленского епископства, расположенных в различных географических районах Белоруссии. Им подвергнуты анализу доходы 5-ти комплексов монастырских владений западной части Белоруссии (Пинской, Брестской и Гродненской иезуитских коллегий за 70-е годы XVIII в., Несвижского женского монастыря бригиток и Гродненского бригитского монастыря за последнюю четверть XVIII в.). Общая площадь владений этих монастырей составляла около 100 тыс. га.

Значительное внимание в исследовании уделяется роли церкви как владельца питейных заведений. Автор показал рост числа корчем и шинков в XVIII в. в монастырских владениях.

Облик церковных феодалов как хищников и эксплуататоров народных масс Белоруссии дополняет изучение деятельности монастырей, выступавших в качестве крупных кредиторов-ростовщиков. Самыми значительными из них, как показано в книге, были иезуиты, которым удалось в течение непродолжительного времени составить огромные капиталы, приобретенные в результате ростовщических операций. Эти капиталы, наряду с крупной земельной собственностью, стали основой могущества ордена иезуитов, обеспечив ему в значительной степени условия для усиления экономической и идеологической экспансии в Белоруссии и Литве. Показан также источник доходов, связанный с церковными обрядами (крещение, причастие, бракосочетание, исповедь, погребение и пр.), причем католическая церковь строго следила за выполнением населением всех обрядов, за которые служители культа брали солидные суммы, ложившиеся тяжелым бременем на крестьян и горожан.

Я. Н. Мараш показал формы и методы идеологической экспансии католической церкви в Белоруссии XVIII в. Он исследовал вопрос о подготовке кадров католической церкви для белорусских земель, которому Ватикан уделял большое внимание. В книге подробно анализируется деятельность церковных братств — организаций светских лиц, объединенных вокруг монастырей и костелов¹²⁰. Под руководством католического духовен-

¹²⁰ Мараш Я. Н. Очерки истории экспансии католической церкви в Белоруссии XVIII в. Мн., 1974, с. 156—165.

ства братства применяли разнообразные формы идеологического воздействия на верующих. Рассказывается также об индивидуальной работе, которую проводили члены братств среди различных групп населения. В ряду средств для укрепления влияния на массы автор отметил такое, как организация шпиталей — домов призрения для калек, престарелых, нищих и т. д. Особое внимание он обратил на социальную функцию этих шпиталей, организация которых, по его мысли, преследовала цель смягчить социальные противоречия, отвлечь народные массы от борьбы¹²¹.

Определенное внимание уделяется в монографии раскрытию реакционной роли унии, продолжавшей свое наступление в XVIII в. В связи с этим рассматриваются так называемые ведовские процессы, имевшие целью усилить религиозный фанатизм и отвлечь массы от борьбы. Я. Н. Мараш убедительно показал враждебную трудящимся массам политику разжигания национальной розни в среде населения Белоруссии и Литвы с целью классового разъединения трудящихся, которую проводила католическая церковь. Автор охарактеризовал католическую церковь как организацию, сознательно тормозящую развитие просвещения и культуры. В этом отношении книга Я. Н. Мараша направлена против не критического отношения к истории религии и церкви, против переоценки их роли в развитии культуры, против попыток идеализировать церковный быт и обрядность. На большом количестве фактов, почерпнутых из документов, автор показал моральный распад церковных иерархов, их пороки, бесчинства представителей католического клира в белорусских городах, их мошенничество в хозяйственных делах с целью наживы, издевательства над мещанами и крестьянами¹²².

В книге развенчивается утверждение дворянско-буржуазных авторов о просветительской роли католической церкви в Белоруссии. Убедительно показано, что она, особенно в лице иезуитов, стремилась подавить национальное самосознание белорусского народа, обращая особое внимание на идеологическую обработку молодого поколения.

В отдельной главе рассказано о борьбе народных

¹²¹ Там же, с. 200—211.

¹²² Там же, с. 136—155.

масс Белоруссии против экспансии католической церкви: о вооруженных выступлениях крестьян и горожан против насилия церковных иерархов, феодальной эксплуатации, о деятельности выдающихся белорусских мыслителей — борцов против идеологического давления католической церкви, против фанатизма и мракобесия, насаждаемых духовенством,— Казимира Лыщинского, Валентина Яблонского, Яна Трояновского.

Важным явлением социально-политической и идеологической жизни позднего средневековья всех стран Европы было реформационное движение, нанесшее серьезный удар по феодальному строю, господствующей церкви и христианскому мировоззрению. Исследованию хода и особенностей Реформации в белорусских землях посвящена книга С. А. Подокшина «Реформация и общественная мысль Белоруссии и Литвы». Автор правильно подходит к решению вопросов о предпосылках реформационного движения в Белоруссии, которое было следствием значительных изменений в экономической, общественно-политической и идейной жизни. Решающим фактором, обусловившим возникновение Реформации, он считает развитие городов как центров ремесленного производства и торговли¹²³. А обстоятельствами, способствовавшими распространению реформационных идей в Белоруссии, по его мнению, было наличие некоторой религиозной терпимости вследствие пестроты национального состава городского населения¹²⁴, а также заметное расширение экономических связей купечества со странами Западной Европы, через которые идеи гуманизма и Реформации проникали в белорусские земли.

Социально-экономическими причинами — ростом феодального давления на города — объясняется усиление во второй половине XVI в. политической и идеологической реакции, выразившейся в наступлении католицизма и возникновении униатской церкви. Люблинская уния 1569 г., по мысли С. А. Подокшина, способствовала консолидации сил польских, белорусских и литовских феодалов в их наступлении на права горожан и усилению феодального угнетения крестьянства. Уния вместе с тем обусловила дальнейшую экспансию католической церкви.

¹²³ Подокшин С. А. Реформация и общественная мысль Белоруссии и Литвы. Мн., 1970, с. 11.

¹²⁴ Там же, с. 12.

Существенное влияние на идеологию белорусских реформаторов, по мнению автора, оказало усиление антифеодальной борьбы крестьянства, оказывавшего активное сопротивление увеличению барщины и других повинностей, что было обусловлено товаризацией хозяйств феодалов. Об остроте сложившихся классовых противоречий свидетельствовало возникновение радикального течения в реформационном движении в Белоруссии, отражавшего идеологию угнетенного крестьянства; это левое направление в Реформации проявилось в Литве и Белоруссии в форме антитринитаризма (арианства).

Принятие кальвинизма многими представителями белорусской и литовской феодальной знати (Радзивиллы, Кишки, Ходкевичи, Сапеги, Воловичи и др.) автор объясняет политическими мотивами: значительным ограничением политического влияния знати и возвышением средней и мелкой шляхты вследствие административно-территориальной и судебной реформы, проводившейся с начала XVI в. Реформация в форме умеренного кальвинизма, ставившая феодала главой церкви в его владениях (принцип — чья власть, того и вера), привлекала недовольных ограничением власти магнатов. Немаловажную роль в реформационных устремлениях феодалов сыграло, как показано в книге, желание их увеличить свои владения за счет католической церкви.

Таким образом, А. С. Подокшин четко определяет те основы, на которых выросла Реформация в Белоруссии, — это прежде всего внутренние обстоятельства социально-экономического и политического порядка. По мысли автора, в формировании реформационных идей в Белоруссии и Литве известную роль сыграло влияние гусизма, немецкого протестантизма, а также русского реформационного движения («стригольники», «жидовствующие») ¹²⁵. Умеренный кальвинизм, к которому примкнули представители феодальных групп, ощутил влияние реформационного движения в Малой Польше; радикальное течение Реформации испытало воздействие немецко-моравского анабаптизма ¹²⁶.

С. А. Подокшин обстоятельно прослеживает развитие реформационного движения со времени появления первых документальных свидетельств о нем в 30-х годах XVI в. до окончательной победы воинствующего агрес-

¹²⁵ Там же, с. 21.

¹²⁶ Там же, с. 35—36.

сивного католицизма в Речи Посполитой в XVII в. Автор внес существенную поправку в ранее господствовавшее мнение о том, что кальвинистская Реформация в Литве и Белоруссии носила исключительно шляхетский характер. На основании документальных свидетельств он показал, что кальвинистские общины существовали среди горожан, кальвинистской Реформацией была охвачена и некоторая часть крестьянства. Феодалная знать и среднее шляхетство перешло под знамя кальвинизма к 60-м годам XVI в.¹²⁷

В книге прослеживается выделение из кальвинизма и образование к середине 60-х годов радикального течения — антитринитаризма, выразившего интересы трудящихся масс города и деревни, освещены деятельность и взгляды представителей этого течения — Петра из Гонёндза, вождя и идеолога белорусских антитринитариев Симона Будного, Мартина Чеховица, Якуба из Калиновки и др. Убедительно раскрывается идейная борьба в лагере кальвинистов между сторонниками умеренной Реформации и представителями радикального ее течения¹²⁸.

Освещена в книге деятельность главы белорусских антитринитариев Симона Будного по распространению своих взглядов, изучены изданные им книги. Прослеживаются также идейные разногласия в среде антитринитариев, между различными социальными группами — плебейским лагерем, с одной стороны, средним слоем горожан и некоторой частью низшего шляхетства — с другой.

С. А. Подокшин исследует реформационное течение, связанное с именем Фауста Социна и получившее название «социнианства». Он считает, что Социн, защищая главные принципы учения левого течения антитринитариев, в то же время пытался смягчить его социальный радикализм, выработать компромиссную точку зрения. По мнению автора, к концу XVI в. учение Социна значительно приблизилось к социальным взглядам Будного, заглушив социальный радикализм в белорусско-литовском антитринитаризме¹²⁹. Причины такой эволюции антитринитаризма, ослабление его социальной остроты автор видит в наступлении феодально-католической реакции, активизации идеологической работы иезуитов.

¹²⁷ Подокшин С. А. Указ. соч., с. 42—47.

¹²⁸ Там же, с. 60—76.

¹²⁹ Там же, с. 83—84.

Определенное значение имело, по его мнению, и то обстоятельство, что в Белоруссии значительная часть населения (крестьяне, горожане, часть мелкой шляхты) была православной; роль идеологической оппозиции католицизму с XVII в. стала переходить к православию¹³⁰.

К началу XVII в., по мысли автора, закончилась первая фаза антитринитаризма, которая характеризовалась социальным радикализмом; во второй его фазе ведущее место стал занимать религиозно-философский радикализм¹³¹. Социнианство усилило в антитринитаризме рационализм и религиозное учение, ослабив его социальную заостренность, отрицательное отношение к феодальному государству. В книге освещены взгляды Социна и его последователей — К. Базилика, Рафала Қоса и в особенности Яна Лициния Намысловского, жившего в Новогрудке, который в начале XVII в. стал центром социнианства. Широко охарактеризованы в книге социальные взгляды идеологов городских низов и крестьянства¹³². На основе сочинений видных представителей Реформации изучены религиозно-философские воззрения антитринитариев, в особенности их рационализм, переходящий у крайних его представителей в атеизм¹³³.

Исследуется в книге и реформационное движение в православии — так называемые еретические учения, в особенности взгляды виднейших представителей «еретиков» — Стефана Зизания и Лаврентия Зизания. Изучив их взгляды, автор пришел к выводу, что учение С. Зизания было тесно связано с национально-освободительной борьбой народных масс Белоруссии и Литвы, носило острый антикатолический и антифеодальный характер¹³⁴.

Большую работу по изучению деятельности выдающихся просветителей и мыслителей XVI — начала XIX в. и публикации их работ проделал коллектив научных сотрудников Института философии АН БССР. В 1962 г. вышел в свет сборник «Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии», в котором представлены важнейшие произведения видных мыслителей и просветителей Белоруссии, начиная

¹³⁰ Там же, с. 85.

¹³¹ Там же, с. 86.

¹³² Там же, с. 97—128.

¹³³ Там же, с. 130—176.

¹³⁴ Там же, с. 182—193.

от Ф. Скорины. В книге помещены предисловия к библейским книгам Франциска (Георгия) Скорины, предисловие и отрывки из «Катехизиса» Симона Будного, а также из других его сочинений; предисловие к Евангелию Василия Тяпинского, отрывки из документов, в которых излагаются взгляды атеистов и материалистов второй половины XVI в.— Стефана Лована и Каспара Бекеша; выдержки из сочинений Феодосия Косого; выдержки из произведений Стефана и Лаврентия Зизаниев; некоторые сочинения Мелетия Смотрицкого и Афанасия Филиповича; стихотворения и предисловия к сочинениям Симеона Полоцкого; фрагменты трактата «О несуществовании бога» атеиста и материалиста XVII в. Казимира Лыщинского, судебные материалы по обвинению его в атеизме; отрывки из сочинений просветителя конца XVII — начала XVIII в. Ильи Копиевича, выдержки из философского сочинения и речей-проповедей профессора Киевской академии, а затем белорусского епископа Георгия Конисского (XVIII в.); отрывки из сочинения философа второй половины XVIII в.— Соломона Маймона «Опыт трансцендентальной философии», отрывки из философских трудов известного мыслителя конца XVIII — первой трети XIX в. Аниола Довгирда, профессора Виленского университета.

Составители сборника (Н. А. Алексютович, В. А. Сербента, Е. С. Прокошина, А. Ф. Коршунов, В. И. Протасевич, Э. К. Дорошевич, Н. С. Купчин, В. Д. Пузиков) перед каждой публикацией сообщают сведения о жизни и деятельности ее автора, дают характеристику его социально-политических взглядов и философских воззрений, не только показывают прогрессивные черты в их деятельности, но и объясняют негативные стороны, обусловленные социально-экономическими условиями эпохи, классовой принадлежностью мыслителя.

В целом перед читателями предстает целостная сложная картина развития общественно-политической и философской мысли в Белоруссии на протяжении трех столетий — с XVI до начала XIX в. Следует отметить, что иногда несколько преувеличивается степень прогрессивности взглядов отдельных деятелей, а также значение их деятельности для своего времени — Копиевича, Конисского, отчасти С. Полоцкого и М. Смотрицкого.

Важнейшим явлениям общественно-политической жизни белорусского народа в XVI—XVIII вв.— взаимом-

отношениям с Россией, национально-освободительной борьбе против агрессии польских феодалов и католической церкви — посвящено несколько монографических исследований, вышедших в 70-е годы. Первое из них — книга А. Н. Мальцева «Россия и Белоруссия в середине XVII в.» опубликована в Москве в 1974 г. В ней освещены ход русско-польской войны 1654—1667 гг. и политика русского правительства в Белоруссии. Эта работа обобщает материалы ряда крупных статей того же автора, опубликованных в 50-х годах. Автор показал на большом документальном материале боевое содружество русского, украинского и белорусского народов в ходе этой войны. Используя различные архивные источники (главным образом документы Разрядного приказа), А. Н. Мальцев очень подробно описал ход военных действий на территории Белоруссии и Украины в 1654—1656 гг. Во второй части монографии освещается политика русского правительства в Белоруссии, его отношение к шляхте и католическому духовенству, горожанам, крестьянам, украинским казакам. Широко освещаются события крестьянского движения и действия украинского казацкого войска на территории Белоруссии. Однако А. Н. Мальцев обстоятельно исследовал события только 1654—1656 гг. Даже важнейшие факты последующих десяти лет войны изложены бегло, в виде краткого хроникального перечня, без привлечения архивных материалов и наиболее существенных данных опубликованных источников.

Фактический материал монографии А. Н. Мальцева относится к тому периоду, когда классовые позиции и взаимоотношения разных социальных группировок не проявились достаточно отчетливо. Сложная внешняя и внутренняя политическая обстановка 1657—1667 гг., борьба социальных группировок, нередко менявших свои политические позиции, остались неизученными или получили весьма спорное толкование. Так, автор охарактеризовал Дениса Мурашку и некоторых других предводителей отрядов белорусских крестьян как «выдающихся руководителей крестьянского движения»¹³⁵. Однако известно, что эти предводители и сам Мурашка действовали в интересах казацкой старшины, а

¹³⁵ Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII в. М., 1974, с. 241.

затем вместе с ней переметнулись в лагерь феодалов Речи Посполитой и воевали против России, за что возведены сеймом в шляхетское звание. Некоторые вопросы, раскрывающие политику русского правительства в отношении белорусской шляхты, участие белорусских крестьян с украинским казачеством и русскими войсками в совместной борьбе против польских войск, позиция населения многих городов и т. д.— остались в работе А. Н. Мальцева неосвещенными.

Значительный вклад в проблему взаимоотношений России и Белоруссии внесла монография Л. С. Абецедарского «Белоруссия и Россия. Очерки русско-белорусских связей второй половины XVI—XVII в.». Главной идеей, пронизывающей все очерки, является извечная нерушимая связь между русским и белорусским народами, вышедшими из одного общего корня — древнерусской народности, которая объединила все восточно-славянские племенные группы, вошедшие в состав древнерусского государства. Выход в свет такого труда особенно своевременен и важен вследствие того, что идеологи антикоммунизма, окопавшиеся в странах Западной Европы, через свои радиостанции «Свободная Европа», «Свобода» и другие центры идеологических диверсий под видом «новейших исторических открытий» протаскивают старые измышления белорусских буржуазных националистов о будто бы извечной вражде и противоположности интересов русского и белорусского народов, о будто бы решающем влиянии Западной Европы на хозяйственное развитие и культуру Белоруссии.

Поставив задачу всестороннего объективного изучения русско-белорусских связей XVI—XVII вв., Л. С. Абецедарский исследует их в различных сферах экономической, политической и культурной жизни обоих братских народов.

Хозяйственное общение русских и белорусских земель Л. С. Абецедарский исследует в очерке «Русско-белорусские торговые связи». Борьба народных масс Белоруссии против феодально-крепостнического и национально-религиозного гнета в конце XVI — первой половине XVII в., в которой выражалось настойчивое стремление белорусского крестьянства и низов городского населения к соединению с братским русским народом в едином государстве, освещена им в очерке «Антифеодальная борьба народных масс Белоруссии в конце

XVI — первой половине XVII в.». Освободительной войне белорусского народа совместно с украинским народом под руководством Богдана Хмельницкого (середина XVII в.) он посвящает целый очерк. В отдельном очерке описываются события освободительной борьбы народных масс Белоруссии во время русско-польской войны 1654—1667 гг. Очерк под заглавием «Белорусы в России XVII в.» рассказывает о белорусских переселенцах, бежавших из Белоруссии в 60—70-х годах XVII в. и поселившихся в различных городах и селениях России, в том числе в Москве, занимаясь там разными ремеслами, сельским хозяйством и торговлей.

Таким образом, Л. С. Абецедарский рассматривает те аспекты проблемы русско-белорусских связей, которые относятся к наиболее важным, принципиальным вопросам историографии и в ряде случаев сознательно фальсифицируются буржуазными националистами.

Некоторые вопросы этой проблемы до Л. С. Абецедарского получили неверное освещение вследствие того, что исследователи не располагали достаточным количеством документального материала, а исходили в своих выводах часто из общих рассуждений. Л. С. Абецедарский освещает торговые связи Белоруссии и России на основе большого количества архивных данных, зачастую впервые вводит их в научный оборот — это таможенные книги русских и белорусских приграничных городов, царские указы на право торговли, писцовые книги, челобитные купцов русских городов царю с жалобами на разных должностных лиц, записки иностранцев, проезжавших в Россию через Белоруссию, и др.

Интересно исследование автором уровня хозяйственного развития белорусских городов. В итоге подсчета числа жителей, домов, а также на основании данных нумизматики он пришел к выводу, что города в восточной части Белоруссии имели более развитую торговлю, чем в западной, благодаря постоянным и широким торговым связям с российскими городами; вместе с тем он не склонен преуменьшать важность торговых связей Белоруссии со странами Западной Европы¹³⁶.

В очерке «Антифеодалная борьба народных масс» Л. С. Абецедарский сделал важный вывод о росте крепостнического гнета на западе и востоке Белоруссии, о

¹³⁶ Абецедарский Л. С. Белоруссия и Россия: Очерки русско-белорусских связей второй половины XVI—XVII в. Мн., 1978, с. 40—41.

характере феодального и крестьянского хозяйства. Считая ошибочным утверждение В. И. Пичеты и Д. Л. Похилевича о промысловом направлении крестьянского хозяйства на востоке, он соглашается с их мнением о том, что здесь крестьянские повинности были несколько меньшими, чем на западе, что аграрная реформа («волочная помера») проводилась позже и не повсеместно¹³⁷. Причиной этого он считает боязнь феодалов, что увеличение повинностей вызовет бегство крестьян из восточных районов в Россию, так как народные массы Белоруссии тяготели к братскому русскому народу¹³⁸. Правда, важный тезис о том, что повинности частновладельческих крестьян не намного превышали повинности крестьян великокняжеских поместий, остался недоказанным. Не доказано положение о более широких возможностях для крестьян восточной части Белоруссии для ведения торговли¹³⁹.

В очерке определяются различные формы антифеодальной борьбы белорусского крестьянства. Одна из них — бегство. Сначала в большинстве случаев крестьяне бежали на Украину, затем — в Россию, где крепостное право оформилось на 60 лет позже, чем в Белоруссии и Литве. Белорусские крестьяне осаживались русским правительством на землю в дворцовых поместьях, им предоставлялись льготы в уплате государственных податей. На основании изучения ряда царских указов, касающихся крестьян, бежавших в Россию, автор пришел к выводу, что такие бегства в первой трети XVII в. приняли массовый характер¹⁴⁰.

В определении характера крестьянских выступлений Л. С. Абецдарский исходит из тезисов, что «борьба крестьян против феодального гнета имела особенности, порожденные в каждом отдельном случае конкретной исторической обстановкой»¹⁴¹, что не всегда принимается в расчет исследователями. Это приводит, по мнению автора, к неправомерному причислению некоторых историками к крестьянским выступлениям событий, которые не являлись антифеодальной борьбой народных масс. К такого рода выступлениям Л. С. Абецдарский

¹³⁷ Абецдарский Л. С. Указ. соч., с. 56.

¹³⁸ Там же, с. 57.

¹³⁹ Там же, с. 58.

¹⁴⁰ Там же, с. 63.

¹⁴¹ Там же, с. 64.

относит нападение казаков под предводительством М. Федоровича на Быхов в 1590 г., захват казацким отрядом Дубины в 1601 г. витебского посада, доказав это на основе изучения документальных материалов.

Автор считает, что вооруженные выступления крестьян и низов городского населения против феодального гнета в Белоруссии стали принимать массовый характер лишь с 90-х годов XVI в.; к таким выступлениям он относит восстание под руководством С. Наливайко, обстоятельно доказав это на документальных данных и внося уточнения в освещение ряда событий восстания.

Далее в очерке определяется характер ряда антифеодальных выступлений конца XVI — первой трети XVII в., которые принимали религиозную окраску в связи с усилением национально-религиозного гнета; по мысли автора, защита православия отражала тяготение белорусского народа к России¹⁴². Рост стремления белорусского народа к соединению с русским в едином государстве, по мнению автора, обусловил особенное усиление антифеодальной и национально-освободительной войны на Востоке, где феодальная эксплуатация была слабее.

Самый большой раздел книги Л. С. Абецедарского освещает национально-освободительную и антифеодальную борьбу белорусского народа совместно с украинским в середине XVII в. Обстоятельно, событие за событием на основе большого фактического материала раскрывается широкая картина этой борьбы на территории Белоруссии. Автор показал, как в ходе борьбы отчетливо проявилось стремление украинского и белорусского народов к соединению с Россией.

Анализируя события в Белоруссии в период русско-польской войны (1654—1667 гг.), Л. С. Абецедарский пришел к выводу, что белорусский народ продолжал вести освободительную борьбу, добиваясь соединения с Россией. В очерке не только дается последовательная картина всех событий этой борьбы, но и устанавливается феодально-крепостнический характер политики казацкой старшины в Белоруссии, что не удалось сделать предшествовавшим исследователям. Автор вскрыл истинные планы казацкого атамана Золотаренко, посланного Б. Хмельницким для разгрома войска Радзи-

¹⁴² Там же, с. 82—87.

вилла, в помощь русским войскам. Целью Золотаренко и возглавляемой им казацкой старшины было, по мысли автора, установление феодально-крепостнических порядков на юго-востоке Белоруссии после захвата этой территории. Получила правильное освещение и политика могилевского шляхтича Поклонского, стремившегося использовать борьбу крестьян и городских низов в своих личных интересах.

В книге Л. С. Абецедарского впервые показаны крестьянские антифеодальные восстания в Полесье, на правом берегу Припяти от Мозыря до Пинска в 1660 г. Крестьяне действовали вместе с казаками и русскими ратными людьми, нападая на имения польской шляхты. Эти восстания не прекращались и после ухода казацких отрядов на Украину. Автор убедительно доказал, что в ходе русско-польской войны особенно ярко проявилось стремление белорусского народа к воссоединению с русским народом.

В очерке «Белорусы в России» раскрывается деятельность белорусских крестьян и мещан, переселившихся в Россию во время войны с Польшей. Автор сообщает много новых фактов о торговцах и ремесленниках, работавших в Москве и других городах. Особенно интересны сведения о белорусских строителях, художниках, резчиках по дереву, оружейниках и других умельцах.

Вопрос о вековой дружбе и связях белорусского народа с русским, о борьбе народных масс Белоруссии против социального и национального угнетения, за воссоединение с Россией в последующий период — с 70-х годов XVII в. до 70-х годов XVIII в. исследован в работе А. П. Игнатенко «Борьба белорусского народа за воссоединение с Россией (вторая половина XVII—XVIII в.)». Автор прежде всего определяет причины, вызвавшие усиление борьбы народных масс. Тяжелое положение трудящихся определялось, как показано в первой главе книги, длительным экономическим и политическим кризисом феодально-крепостнической Речи Посполитой (в том числе и Белоруссии) во второй половине XVII — первой половине XVIII в. Кризис этот был обусловлен длительными разорительными войнами, сопровождавшимися голодом и эпидемиями¹⁴³. Несколькими фактами, взятыми как из опубликованных, так и архивных дан-

¹⁴³ Игнатенко А. П. Борьба белорусского народа за воссоединение с Россией (вторая половина XVII—XVIII в.). Мн., 1974, с. 11.

ных, иллюстрируется вывод о разорении и опустошении городов (особенно в восточной части Белоруссии) и сельских местностей. Последствия войн усугублялись сохранением фольварочно-барщинной системы хозяйства и феодальной анархией, слабостью центральной власти, ростом могущества магнатов¹⁴⁴. Говоря о повинностном положении крестьян Белоруссии, автор не соглашается с выводами некоторых историков (Д. Л. Похилевич, П. Г. Козловский, В. И. Мелешко и др.) в том, что на востоке Белоруссии барщина имела второстепенное значение, что основной формой эксплуатации были чинш и натуральные поборы, а рост феодальной эксплуатации во второй половине XVII — первой половине XVIII в. затормозился. Автор считает, что крестьяне страдали не столько от повинностей, зафиксированных в инвентарях, сколько от произвола феодалов, бесконтрольно увеличивавших крестьянские повинности; усугубляли тяжелое положение крестьян государственные поборы, господство арендной системы¹⁴⁵. По мнению автора, «феодально-крепостнический гнет во второй половине XVII—XVIII в. достиг в Белоруссии невиданных размеров, приняв самые уродливые формы»¹⁴⁶. Города в указанный период переживали глубокий экономический упадок, так как отсутствовали условия для развития ремесла и торговли; особенно углубились и обострились социальные противоречия внутри города. В книге отмечается, что упадок ремесла и торговли привел к аграризации городов¹⁴⁷. В этот период особенно усилилось наступление феодалов на города, захват ими городских земель, насаждение юдик, подчинение своей власти жителей городов, что усугубляло налоговый гнет мещанства¹⁴⁸.

А. П. Игнатенко отмечает, что одной из важнейших причин роста борьбы трудящихся масс Белоруссии во второй половине XVII—XVIII в. было усиление национально-религиозного гнета польских феодалов и католического духовенства; в книге приводятся факты преследования православного населения городов и деревень, запрещения православных обрядов, закрытия церквей¹⁴⁹.

¹⁴⁴ Игнатенко А. П. Указ. соч., с. 16—19.

¹⁴⁵ Там же, с. 23—26.

¹⁴⁶ Там же, с. 33.

¹⁴⁷ Там же, с. 34.

¹⁴⁸ Там же, с. 36—37.

¹⁴⁹ Там же, с. 42—52.

Борьба белорусского народа против социального и национального гнета показана в разных ее формах. Одна из них — массовый уход крестьян и горожан, главным образом из восточной части Белоруссии в Россию, — прослежена на целом ряде документальных данных. Большой интерес представляют документы, свидетельствующие о том, что русское правительство обращалось с воззваниями к белорусам, призывая их переселяться в Россию и предоставляя им различные льготы и помощь¹⁵⁰. В книге на большом фактическом материале показана такая форма борьбы, как вооруженные нападения на феодальные поместья, разгромы и поджоги, убийства управителей. Большой интерес представляют приведенные автором случаи связи крестьян Белоруссии с казацкими отрядами и крестьянами соседних русских земель, а также отклики в Белоруссии на восстание под руководством Степана Разина. На основании документальных свидетельств автор установил, что многие выступления белорусских крестьян и горожан имели целью перейти под власть русского царя¹⁵¹.

Усиление борьбы крестьян и горожан в Восточной Белоруссии после подписания в 1686 г. «вечного мира» между Россией и Польшей автор связывает с фактом возвращения территории Белоруссии под власть Речи Посполитой и нежеланием белорусского населения вновь попасть под власть польских феодалов. Активизацию борьбы народных масс Белоруссии в южной и юго-западных ее частях в конце XVII в. автор объясняет непосредственным влиянием широкого освободительного движения в Правобережной Украине¹⁵². По подсчетам А. П. Игнатенко, во второй половине XVII в. в Белоруссии произошло свыше 30 крупных вооруженных выступлений крестьян и горожан; наибольший размах народное движение приобрело в районах вблизи русских и украинских земель¹⁵³. К сожалению, автор не произвел подсчета выступлений в первой половине XVIII в. и в 50—70-х годах XVIII в., поэтому вывод о резко возросшем числе вооруженных крестьянских выступлений в этот период не подтвержден¹⁵⁴.

¹⁵⁰ Игнатенко А. П. Указ. соч., с. 67—70.

¹⁵¹ Там же, с. 77—79.

¹⁵² Там же, с. 87—90.

¹⁵³ Там же, с. 92.

¹⁵⁴ Там же, с. 148—149.

Большой интерес представляет описание ряда крупных вооруженных выступлений белорусских крестьян и горожан в XVIII в.; некоторые из них до него не были описаны в работах историков, некоторые новые факты позволили автору уточнить события Кричевского восстания, а также связи народного движения на юге Белоруссии с усилением гайдамацкого восстания на Украине в 50—60-х годах XVIII в.¹⁵⁵

Коллективная монография, подготовленная историками Украинской и Белорусской ССР,— «Исторические корни дружбы и единения украинского и белорусского народов» (Киев, 1978), впервые в советской историографии освещает экономические, политические и культурные связи украинского и белорусского народов. На большом фактическом материале всесторонне показаны общность происхождения, близость истории и языка братских народов, их совместная борьба против иноземных поработителей, за развитие материальной и духовной культуры, за социальное и национальное освобождение.

В книге показано, что Древняя Русь являлась колыбелью трех братских народов — русского, украинского, белорусского. Прослеживаются взаимоотношения между восточно-славянскими землями в раннефеодальный период: вхождение западных земель в Древнерусское государство, совместная борьба князей со степняками-кочевниками. Убедительно раскрыты хозяйственные связи и культурное взаимовлияние белорусских и украинских земель в XI—XIII вв.; эти связи иллюстрируются данными археологии, памятников древнего зодчества, а также летописными сведениями.

Несмотря на политическое отделение западных земель Древнерусского государства (Белоруссии и Украины), отошедших под власть литовских князей от русских княжеств, попавших под татаро-монгольское иго, связи между братскими народами не порывались. Они прослеживаются на данных торговли украинских и белорусских земель, а также фактах переселений ремесленников из белорусских городов на Украину и наоборот. Показана тесная взаимосвязь культуры украинского и белорусского народов, несмотря на препятствия,

¹⁵⁵ Там же, с. 126. (В написании разделов книги, относящихся к феодальному периоду, участвовали белорусские историки Г. В. Штыхов, П. Г. Козловский, В. В. Чепко.)

обусловленные феодально-крепостническим и национально-религиозным гнетом. Общность исторических судеб обоих народов четко показана на фактах их совместной освободительной борьбы против гнета польских феодалов и католической экспансии в конце XVI—XVIII вв., особенно во время народного восстания под руководством Богдана Хмельницкого, в результате которого левобережная часть Украины была воссоединена с Россией.

Дальнейшее развитие культурных связей в XVII—XVIII вв. четко прослеживается в устном народном творчестве, литературных произведениях, различных видах искусства. Существенную роль, как показано в книге, в укреплении культурных связей украинского и белорусского народов играл тот факт, что в XVIII в. Киев, в частности Киевская академия, стал центром просвещения не только для Украины, но и для Белоруссии.

Включение в состав России Белоруссии и Правобережной Украины после разделов Речи Посполитой (последняя четверть XVIII в.), как убедительно показано в книге, способствовало заметному оживлению и расширению экономических связей между ними в первой половине XIX в. Важное значение для хозяйства этих районов имели вывоз лесных товаров на Украину и хлеба в Белоруссию.

На фактах участия русских, украинцев и белорусов в Отечественной войне 1812 г. как в составе армии, так и в народных ополчениях продемонстрировано тесное боевое сотрудничество этих народов в борьбе с оккупантами. Особенно проявилась дружба трех братских народов в совместной борьбе революционных сил против самодержавия и крепостничества во время восстания декабристов, в общественно-политическом движении в 40—50-х годах XIX в. Как отчетливо показано в книге, освободительная борьба в Белоруссии в XIX в. стала неотъемлемой частью общероссийского революционного движения. Идея тесного содружества русского, белорусского и других славянских народов в освободительной борьбе против царизма и крепостничества красной линией проходит через работы историков, занимавшихся исследованием вопросов общественно-политического движения в Белоруссии в первой половине XIX в. К этим работам относятся следующие: В. В. Чепко «Общественно-политическое движение в Белоруссии в 40-е годы XIX в.» (Труды Института истории АН БССР. Мн.,

1958); П. Н. Ольшанский «Декабристы и польское национально-освободительное движение» (Мн., 1959); А. Ф. Смірноў «Франц Савіч» (Мн., 1961); А. Ф. Смирнов «Революционные связи народов России и Польши в 30—50-х гг. XIX в.» (Мн., 1962); Е. И. Корнейчик «Белорусский народ в Отечественной войне 1812 г.» (Мн., 1962); Н. Н. Мохнач «Идейная борьба в Белоруссии в 30—40 годы XIX в.» (Мн., 1971).

В работе В. В. Чепко впервые освещен вопрос о политической обстановке в белорусских губерниях в 40-х годах XIX в., особенно в годы революционных событий в странах Западной Европы в 1848—1849 гг., определены сдвиги в расстановке социальных сил в этот период, в частности, отход крупных помещиков от борьбы из-за страха перед широким народным движением после поражения польского восстания 1830—1831 гг. даже в узких рамках целей этого восстания — восстановления Польши в границах 1772 г. В работе отмечается характерная черта в общественно-политической борьбе против царизма и крепостничества 40-х годов — переход ведущей роли в этой борьбе к представителям революционно-демократических кругов — разоренного дворянства, мелких чиновников, городской интеллигенции. Отмечены их попытки установить связи с выступавшими крестьянами, распространять среди них и трудовых слоев городского населения революционные листовки и воззвания. Хотя в этой работе не говорится о тайных революционных обществах в Белоруссии в 40-е годы, но на основе нескольких следственных дел о «подстрекателях и агитаторах» высказано предположение об их существовании. Отчетливо показана в этой работе напряженность обстановки в Белоруссии во второй половине 40-х годов, обусловленной как влиянием западноевропейских событий, так и внутренними факторами — недовольством крестьянства результатами инвентарной реформы, не улучшившей повинностного положения крестьян, не ослабившей крепостнический гнет. Автор подчеркивает влияние на общественно-политическое движение в 40-е годы не столько идей польского освободительного движения, сколько русской революционно-демократической мысли.

В работе П. Н. Ольшанского «Декабристы и польское национально-освободительное движение» основное внимание сосредоточивается на попытках первых русских

дворянских революционеров установить контакты с польскими тайными организациями, главным образом с Патриотическим обществом, которое возглавлял В. Лукасинский. Автор вскрывает противоречия между взглядами декабристов и представителей аристократической части Патриотического общества, выявившиеся во время встреч в Киеве в 1824 г. и в Вильно в 1825 г. членов Южного общества с Кшижановским; четко показывается разное понимание русскими дворянскими революционерами характера взаимного сотрудничества, методов действия и задач будущего восстания. Автор показывает ограниченность польского национального движения, целью которого было восстановление конституционно-монархической Польши в границах 1772 г., в то же время выявляет глубокую заинтересованность декабристов в том, станет ли будущая независимая Польша, как и Россия, республикой, какими представлял их в «Русской правде» П. И. Пестель.

В работе П. Н. Ольшанского освещается деятельность тайных кружков учащейся молодежи, возникших во втором десятилетии XIX в. в учебных заведениях Польши, Литвы и Белоруссии,— обществ «филоматов», «филаретов», «лучистых». В характеристике этих обществ преобладает национально-освободительный аспект, социальная сторона взглядов членов этих кружков выяснена неполно.

Книга А. Ф. Смирнова «Революционные связи народов России и Польши в 30—50-х гг. XIX в.» продолжает исследование содружества русских, украинских, белорусских, литовских и польских борцов против самодержавия и крепостничества в период, когда на арену общественно-политической жизни начинают выступать революционеры-демократы.

В книге охарактеризована социально-политическая обстановка в Литве и Белоруссии в предреформенное двадцатилетие, определены сдвиги в хозяйственном развитии, обусловленные формированием капиталистического уклада в недрах феодального строя. Автор рисует тяжелое положение белорусского и литовского крестьянства, их борьбу против помещиков-крепостников, усиливших барщинную эксплуатацию в условиях быстрого роста товарности своих хозяйств. Определяется также позиция мелкого дворянства Литвы и Белоруссии после поражения польского восстания 1830—1831 гг. На таком

широком социально-экономическом и политическом фоне в книге А. Ф. Смирнова освещается общественно-политическое движение 30—40-х годов, проходившее под флагом национально-освободительной борьбы, но в большей мере под революционно-демократическими лозунгами.

В книге обстоятельно освещается деятельность революционных кружков в Белоруссии, Польше и Литве в 30—40-е годы XIX в.; среди них названы Демократическое общество, Содружество польского народа, Союз литовской молодежи; эти общества расцениваются как территориальные группы одного движения революционно-демократического направления; прослежены идейные связи, общность целей и методов деятельности. Для белорусских читателей особый интерес представляет деятельность Демократического общества, основанного уроженцем Белоруссии Францем Савичем. Анализируя материалы следственного дела, написанную им в тюрьме «Исповедь», а также составленный под его руководством устав союза, автор пришел к выводу, что Ф. Савич был первым представителем революционно-демократического направления в социально-политическом движении в Белоруссии, что ряд положений его программы, ее идейная направленность свидетельствовали о большом влиянии русской революционной мысли 30—40-х годов XIX в.

В книге А. Ф. Смирнова охарактеризована также деятельность польско-литовских революционных кружков, созданных учащимися высших учебных заведений в Петербурге — уроженцами Польши, Литвы и Белоруссии — в конце 50-х годов. Внимание А. Ф. Смирнова сосредоточено на деятельности офицерской организации, созданной под руководством С. Сераковского, студенческих землячеств. В книге подчеркивается связь членов этих организаций с выдающимися руководителями русской революционной демократии — Н. Г. Чернышевским и Н. А. Добролюбовым, огромное воздействие их идей на взгляды польских революционеров 50-х годов, многие из которых стали затем у руководства левого крыла восстания 1863 г.

Небольшая книжка А. Ф. Смирнова, вышедшая в Минске, — «Франц Савіч» посвящена жизни и деятельности первого представителя революционно-демократического направления общественно-политического движения в Белоруссии во второй половине 30-х годов. Эта работа является несколько расширенным текстом, вошед-

шим в состав книги того же автора «Революционные связи России и Польши в 30—50-х гг. XIX в.».

В небольшой по объему работе Н. Н. Мохнач «Идейная борьба в Белоруссии в 30—40-е годы XIX в.» излагается мировоззрение основателей Демократического общества Ф. Савича, Я. Загорского и др. Автор исходит при этом из тезиса о преемственности воззрений «филомаатов», «филаретов», членов Демократического общества и последующих деятелей освободительной борьбы — революционеров К. Калиновского, В. Врублевского и др.

Общественное движение 30—40-х годов в Белоруссии Н. Н. Мохнач относит к переходному этапу от шляхетской революционности к революционному демократизму. Общественные идеи, по мысли автора, отражали конкретные жизненные проблемы. Впервые в белорусской исторической науке в книге исследуются взгляды Михаила Волловича, уроженца Белоруссии, связанного с польским национально-освободительным движением первой половины 30-х годов (так называемая экспедиция Заливского), ставившего задачей организацию широкого восстания в Польше, Литве, на Украине и в Белоруссии. Как выяснено в книге, М. Воллович связывал национально-освободительное движение с борьбой за ликвидацию крепостничества и наделение крестьян землей. Добиться этого он считал возможным путем крестьянского восстания, отрицательно оценивал цели восстания 1830—1831 гг. М. Воллович, по мнению автора, являлся идейным предшественником Ф. Савича.

Вышедшая к 150-летию Отечественной войны 1812 г. работа Е. И. Корнейчика «Белорусский народ в Отечественной войне 1812 г.» освещает важную страницу в истории Белоруссии, связанную с борьбой против иноземных захватчиков. Автор рассказывает о военных действиях на территории Белоруссии в июне — июле 1812 г., описывает крупные сражения, героизм русских воинов, подчеркивает содружество русских, украинцев, белорусов в борьбе против общего врага.

Важной стороной жизни белорусского народа в 1812 г. была активизация борьбы против помещиков, искавших у оккупантов защиты от народного гнева. Антифеодалная борьба крестьянства, как убедительно показано в книге, соединялась с освободительной борьбой против наполеоновских оккупантов. В книге хорошо отражены помощь белорусских крестьян русским войскам,

а также действия белорусских крестьян-партизан, помогавших русской армии; разгром наполеоновской армии на земле Белоруссии осенью и зимой 1812 г.

Таким образом, в послевоенные годы, в основном в 60—80-е, были опубликованы многие монографии, в которых обстоятельно исследованы различные важные проблемы социально-экономической и политической истории Белоруссии феодальной формации. Выходу в свет этих монографий предшествовала большая поисковая работа, результатом которой явилась публикация 4-томного сборника документов и материалов по истории Белоруссии эпохи феодализма¹⁵⁶, серии инвентарей магнатских владений, издание которой продолжается.

Большое значение имел выход в свет в 1961 г. 2-томной «Истории БССР». Значительная часть первого тома отводится освещению феодального периода. Полнее и шире этот период представлен в первом томе 5-томной «Гісторыі Беларускай ССР», вышедшем в 1972 г. Наличие к этому времени целого ряда фундаментальных исследований по различным важным вопросам истории белорусского народа позволило более обстоятельно и обоснованно осветить целый ряд сторон экономического, общественно-политического и культурного развития Белоруссии в феодальный период.

Вышедшие в послевоенные годы монографические исследования по истории Белоруссии отличаются важностью проблематики, глубиной и обстоятельностью освещения вопросов, доказательностью выводов и обобщений, огромным количеством привлеченного для изучения фактического материала, значительная часть которого вводится в научный оборот впервые. Все эти монографии базируются на марксистско-ленинской методологии; их авторы исходят из определяющих положений об историческом развитии человеческого общества как смене социально-экономических формаций, о роли классовой борьбы и народных масс в историческом процессе, о классовой сущности политических институтов и классом содержании культуры.

¹⁵⁶ Белоруссия в эпоху феодализма: Сб. док. и материалов, т. 1—4. Мн., 1959, 1960, 1961, 1979.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абеледарский Л. С. 160—165
Алексютрович Н. А. 158
Антонович В. Б. 46, 141
- Базилик К. 157
Бантыш-Каменский Н. Н. 16
Без-Корнилович М. О. 17
Бекеш К. 148, 158
Беляев И. Д. 23—27
Бестужев-Рюмин К. Н. 17
Болбас М. Ф. 117—119
Болтин И. Н. 45
Брянцев П. Д. 29, 30
Будный Симон 156, 158
Бурдейко А. В. 80
- Владимиров П. В. 61, 88
Владимирский-Буданов М. Ф.
31, 32, 141
Воллович 172
Воронин Н. Н. 129
- Глинский М. 28
Грицкевич А. П. 132, 138—140
Грушевский А. С. 31, 55, 56,
141
Грязнов В. 60
Гуревич Ф. Д. 129, 130
- Довгирд Аниол 158
Довгялло Д. И. 80, 82
Довнар-Запольский М. В. 31—
43, 65, 135
Дорошевич Э. К. 158
Дружич В. Д. 82, 83
- Еленевский К. 60
- Жудро Ф. 60
Жукович П. Н. 60
- Забелло Т. И. 79, 81, 107
Загорульский Э. М. 129, 130,
131
Зверуго Я. Г. 129
Зизаний Лаврентий 148, 157,
159
Зизаний Стефан 149, 157, 159
- Игнатенко А. П. 132, 165, 166
Иодковский И. 60
- Карпович Л. 148
Карский Е. Ф. 61
Кедров С. С. 60
Кернажицкий К. И. 76—78
Кернус 9
Клименко Ф. В. 54
Клюкин Н. В. 131
Ключевский В. О. 17
Козловский П. Г. 100—102,
106—111, 165
Конисский Г. 158
Копиевич И. 158
Копыцкий З. Ю. 132—137,
140, 142
Корнейчик Е. И. 169, 172
Коршунов А. Ф. 158
Кос Р. 157
Косой Ф. 158
Костомаров Н. И. 17
Костомаров Н. М. 60
Коялович М. О. 20—23, 60
Крамаренко М. 60
Красовицкий И. 60
Купчин Н. С. 158

- Лебедев С. М. 131
Леонтович Ф. И. 31, 50—53
Лован С. 148, 158
Ломоносов М. В. 15, 16
Лукасинский В. 170
Лысенко П. Ф. 129
Лышинский К. 148, 154, 158
Любавский М. К. 31, 44—49,
65—67
- Маймон С. 158
Мальцевский И. И. 27
Мальцев А. Н. 159, 160
Мараш Я. Н. 146, 147, 149—
153
Маркевич А. 60
Мелешко В. И. 104, 120—123,
166
Монтвилл 10
Мохнач Н. Н. 169, 172
Мурашка Д. 159
- Наливайко С. 163
Намысловский Ян 157
Никитин Г. А. 131
- Ольшанский П. Н. 169, 170
Осинский А. С. 60
- Павлинов А. 60
Папков А. Л. 60
Петров Н. И. 27
Пичета В. И. 31, 56—59, 66—
76, 83—93
Подокшин С. А. 154—157
Полоцкий Симеон 158
Похилевич Д. Л. 94—98, 135,
166
Прокошина С. С. 158
Протасевич В. И. 158
Пузигов В. Д. 158
- Савич Ф. 172
Сапунов Л. 60
- Сементовский А. 60
Сербента В. А. 158
Сераковский С. 171
Скабаланович Н. 60
Скорина Франциск (Георгий)
61, 158
Смирнов А. Ф. 169, 171, 173
Смотрецкий Мелетий 158
Соловьев С. М. 17
Социн Фауст 156
Степанов Т. 81
Стукалич В. К. 55
- Татищев В. Н. 15, 16
Трояновский Я. 154
Турчинович О. В. 17—19
Тяпинский В. 158
- Улащик Н. Н. 112—114
Устрялов Н. Г. 17
- Филипович Афанасий 158
Флеров И. И. 60
- Харлампович К. Б. 60
- Чемерицкий В. А. 5
Чепко В. В. 112, 115, 117, 120,
124, 125, 143, 144
- Штыхов Г. В. 129
- Щербаков В. К. 68, 69
Щебальский П. 23
- Юхо И. А. 126—128
- Ягайло 10
Яблонский В. 154

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Белорусская историография досоветского периода	5
1. Белорусское летописание XV—XVIII вв.	5
2. Дворянские и клерикальные историки	15
3. Буржуазная историография	31
Глава II. Белорусская советская историография в довоенный период	63
1. Общие труды по истории Белоруссии	66
2. Работы по аграрной истории	70
3. Социально-экономическая история городов	80
4. Работы по политической истории	83
5. Работы по истории культуры	86
Глава III. Развитие историографии в послевоенные годы	94
1. Аграрные отношения	94
2. Крестьянское движение	120
3. Правовое положение населения	125
4. История городов	129
5. Общественно-политическая жизнь, идейная борьба	146
Именной указатель	174

Зинювий Юльевич Копыцкий, Валентина Владимировна Чепко

ИСТОРИОГРАФИЯ БССР

Эпоха феодализма

Зав. редакцией *С. И. Хадасевич*. Редактор *И. Н. Пармон*. Младший редактор *С. Е. Гоман*. Художник *В. И. Шелк*. Художественный редактор *Р. В. Кондрад*. Технический редактор *А. Я. Максимова*. Корректор *Л. Н. Макейчик*.

ИБ № 1103

Сдано в набор 07.02.86. Подписано в печать 25.04.86. АТ 00079. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,24. Усл. кр.-отт. 9,24. Уч.-изд. л. 9,89. Тираж 1740 экз. Заказ 214. Цена 65 к.

Издательство «Университетское» Госкомиздата БССР. 220048, Минск, проспект Машерова, 11. Типография им. Франциска (Георгия) Скорины издательства «Наука и техника». Минск, Ленинский проспект, 68.

